Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

Krasnyj Archiv

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

46

ТОМ ТРЕТИЙ (СОРОК ШЕСТОЙ)

1931

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1931 ЛЕНИНГРАД

ПЕРВАЯ
ТИПОГРАФИЯ ОГИЗА РСФСР
«ОБРАЗЦОВАЯ».
МОСКВА, ВАЛОВАЯ, 28.

★

Уполномоченный Главлита
Б-12378.
Заказ 1790. С-Э/п. № 246.
Тираж 2 500 экз. 12 п. л.

Hist.-Europ.-Amer.
Harvard,
2-17-32
1965-2

Дневник В. Н. Ламздорфа.

В. Н. Ламздорф, втечение долгих лет доверенейшее лицо министра иностранных дел Н. К. Гирса, а впоследствии сам министр, оставил после себя богатое литературно-политическое наследство в виде многочисленных дневников, часть которых, относящаяся ко второй половине 80-х гг., была издана Центрархивом несколько лет тому назад [1]). Ниже печатаются извлечения из его записей, относящихся к моменту смерти царя Александра III, первых шагов на дипломатическом поприще нового царя, Николая II, и вскоре последовавшей смерти старого Гирса (осень 1894 и начало следующего года). Это были, по условиям того времени, крупные события: персональные моменты играли большую роль, и вопрос: кто, через кого и под чьим влиянием будет руководить иностранной политикой огромной России, не только представлял интерес для правящих кругов, но и, действительно, имел историческое значение. Из публикуемых записей Ламздорфа — человека, несомненно, умного и наблюдательного — мы узнаем, каковы были эти новые люди, как они действовали, кем и как они ставились на свои посты, с кем они советовались и т. д. Новый царь, который в конечном счете решает все вопросы иностранной политики, делает на полях докладов «ребяческие» замечания и советуется с женой и даже «матушкой». Ламздорф, конечно, не знает, что он также советуется с кайзером Вильгельмом и на основании этого затевает вмешательство в японо-китайскую войну. Об этом свидетельствует изданная с тех пор переписка этих двух злополучных «монархов».

Отбор кандидатов на вакантные посольские посты и на освободившийся пост министра иностранных дел также отражается в записях Ламздорфа с исключительной красочностью.

Один из кандидатов характеризуется как «сущий подлец», о другом говорится, что он «спал со всеми своими слугами», о третьем и главном, которому суждено было стать министром, сам Ламздорф с презрением отзывается как о «сыне торговки», который «всю жизнь имел романы только с подозрительными женщинами» и являлся первоклассным интриганом и карьеристом, и т. д. Назначение этих людей проводится по всем правилам придворных интриг со взаимным подсиживанием и даже при вмешательстве иностранцев.

Таков был этот режим, который вел активную мировую политику, вмешиваясь во внутренние дела Волгарии, используя армянский вопрос для сведения счетов с Англией и выступая «умиротворителем» на Дальнем Востоке. Особенно последняя инициатива, подсказанная Германией, дорого обошлась царской дипломатии. Отсюда пошла русско-

[1] «Дневник В. Н. Ламздорфа» (1886—1890), Гиз, М.—Л., 1926.

японская война, кончившаяся столь плачевно для самой носительницы ее, царской монархии.

По иронии судьбы, министром иностранных дел, которому пришлось расхлебывать заварившуюся тогда кашу, суждено было быть самому Ламздорфу, который в упомянутом выше «Дневнике» сам предсказывал, что серьезная война окажется политической катастрофой для царизма. Его политическая проницательность обнаруживается и в печатаемом ныне отрывке, когда он солидаризируется с высказанным многими деятелями тогдашнего «общества» осуждением знаменитой выходки Николая II при приеме дворянско-земской депутации 17 января 1895 г. («бессмысленные мечтания»). Напротив, несколько комично звучит передача им — правда, без всякого одобрения — слухов о религиозной терпимости нового царя и конституционных симпатиях его жены — «полу-англичанки».

К числу других любопытных моментов персонального характера принадлежит его видимое чувство обиды (несмотря на восклицание: «Тем лучше!») по поводу того, что он был обойден при раздаче царских «милостей» в виде орденов и табакерок, и способа неожиданного назначения министром кн. Лобанова, который только что был благополучно спроважен на посольский пост в Берлине. В данном отрывке нет никаких комментариев Ламздорфа, но его огорчение явствует довольно отчетливо из контекста. Между прочим за это неожиданное назначение пришлось расплатиться германскому послу Вердеру, который был отозван своим правительством за то, что не предупредил афронта, нанесенного кайзеру несогласованием этого акта с ним.

Из политических моментов самыми интересными являются разговор кайзера с отозванным русским послом в Берлине гр. Шуваловым накануне отъезда последнего и совещание под председательством в. кн. Алексея по дальневосточным делам. В разговоре с Шуваловым коронованный фигляр кается в ошибке, которую он совершил в 1890 г., порвав «провод» с Россией невозобновлением знаменитого «перестраховочного» договора, сваливая вину на своего тогдашнего канцлера Каприви, и зондирует почву о возможности возобновления прежнего союза для совместной борьбы с революционным движением. Ламздорф был очень взволнован сообщением об этом разговоре и был, видимо, разочарован, убедившись в прохладном отношении к нему самого царя. Ламздорф, как один из отцов перестраховочного договора, повидимому, все еще надеялся на возобновление его и придавал серьезное значение безответственной болтовне кайзера. Но он не учел и российской обстановки, создававшей в царском антураже полную уверенность в завтрашнем дне, хотя петербургские стачки уже были не за горами. Во всяком случае, из этого зондажа кайзера ничего не получилось: царское правительство не боялось революционной опасности, а сближение с Францией уже было полное.

Это обстоятельство отразилось и на характере совещания по поводу японо-китайской войны. Как мы знаем из переписки Николая II с Вильгельмом II, мысль о вмешательстве с целью помешать Японии слишком нажиться на войне за счет Китая исходила в первую очередь от Германии, но на самом совещании речь шла о блокировании не с ней, а с Францией и Англией. Несмотря на все дружественные заявления японского министра иностранных дел, приведенные у Ламздорфа, царское правительство весьма опасалось за судьбу Кореи, на которую оно метило само, и оно правильно полагало, что заручиться

поддержкой Англии в совместном демарше было бы гораздо важнее, чем привлечь Германию. Политика дальновидной Англии решила однако иначе: она отказалась от участия в антияпонском выступлении, и тогда ее место в блоке заняла Германия. Результаты сказались много лет спустя, когда в начале империалистической войны Япония взяла реванш, выгнав Германию из Шандуня.

Ф. Ротштейн.

1894 ГОД [1]).

3 сентября. — Министр болен. У него что-то вроде бронхита, который он схватил, отправляясь в Петергоф с докладом перед отъездом императора. Это не мешает ему однако очень длинно рассказывать мне о своем разговоре с испанским поверенным в делах, который очень озабочен намерением французского и английского правительств назначить в Фец советников, тогда как испанское правительство, имея на это право, в силу своих соглашений с Марокко, из предосторожности воздерживается от подобного назначения.

4 сентября. — Известия о здоровье императора неутешительны. — Говорят, что Беловежский дворец, постройка которого стоила 700 тыс. руб., оказался сырым, и Захарьин [2]) нашел пребывание в нем очень вредным и для его величества и для великого князя Георгия, который отправился на охоту, простудился и теперь сильно болен.

5 сентября. — Княгиня Массальская рассказывает очень любопытные подробности отставки ее племянника, графа Кутузова, с поста придворного маршала в прошлом году. Примерно к концу пребывания в Ливадии, весною 1893 г. слуга, приставленный к императорской фамилии, представил ему неслыханный счет. Кутузов заявил ему: «После этого невозможно нам служить вместе». На это лакей, якобы, ответил: «Да, одному из двух придется уйти». — Граф доложил об этом императрице, но государыня заступилась за вора-слугу со словами: «Но уверяю вас, это — честный человек; к тому же он так хорошо ухаживает за государем и за мною».

3 октября. — Днем прибыла с фельдъегерем почта из Ливадии, отправленная 29 сентября. На докладной записке от 21 сентября по поводу неудобства пребывания г. Персиани в Белграде император начертал: «Этого недостаточно, его надо поскорей заместить». На другой, от 22 сентября,

---

[1]) Архив Революции и Внешней Политики. — Перевод с франц. Набранное разрядкой в подлиннике по-русски.

[2]) Лейб-медик.

передающей телеграмму Нелидова по поводу условий, в которых мог бы совершиться переезд нашего государя через проливы, его величество надписал: «Завтра будет у меня Нелидов, и я окончательно переговорю с ним об этом. — На возвратном пути домой, если силы мне позволят, я с любопытством сделаю визит султану».

8 октября. — Мне не удается заснуть всю ночь, и я встаю около 4-х часов утра, чтобы переделать свой проект краткого циркуляра, который мне хочется увязать с нашим циркуляром от 1881 г. — Министр совершил оплошность, спросив г. Витте, при посещении его третьего дня, какие заявления нам следовало бы сделать, и, особенно, тем, что набросал карандашом, в присутствии этого высокомерного выскочки, высказанные им мысли. Вот точная копия этой ерунды: «Перемены в политике не будет. Те же принципы и начала, которыми руководствовался мой отец, остаются в силе, т. е. преследуема будет корректность отношений ко всем державам для поддержания общего мира». Стоило, поистине, записывать эту пошлость и делать вид, что принимаешь ее как политическую программу!

14 октября. — Сегодня на молебствии в помещении императорского посольства в Берлине присутствовал император Вильгельм, окруженный принцами, придворными сановниками и др. Он опустился на колени, вместе со всеми, во время моления о восстановлении здоровья нашего государя. Канцлер граф Каприви и прусский министр вн. дел граф Эйленбург, также присутствовавшие на богослужении, были в тот же день, два часа спустя, уволены в отставку. Причиной этого неожиданного coup d'état является их несогласие с возвращением императора к некоторым доктринам Бисмарка.

Министр вн. дел г. Дурново посетил г. Гирса. Он сообщил, что, по его сведениям, дни императора сочтены. — Министр говорит, что приняты энергичные меры для предупреждения беспорядков, которых по некоторым признакам можно опасаться. Напр. на юге пытались пустить слух, что императора лечат почти исключительно евреи (Лейден, Захарьин, Гирш) с тем, чтобы в случае катастрофы вызвать один из тех еврейских погромов, которые служат отправным пунктом для внутренних беспорядков.

Кстати по поводу евреев. Среди ходатайств и писем, полученных из заграницы и присланных в министерство, в пакете, полученном из Ливадии, я нахожу, в числе прочих, оригинальный документ. Вот его содержание:

«Париж, 4 октября 1894 г.

О, царь, император всея Руси, самодержавный владыка миллионов людей! Твое всемогущество не мешает тебе страдать, как самый простой смертный. Самые знаменитые врачи в мире не излечат тебя от болезни, которую господь послал тебе в наказание за твою жестокость, дабы напомнить тебе, что ты — человек и ничем не отличаешься от тебе подобных, и дабы заставить тебя подумать немного о мучениях, которым ты подвергаешь евреев в России. Дай им свободу, вспомни, что это — подобные тебе, и не преследуй расу, которой ты ничего не можешь поставить в вину. Только в этом — твое спасение! Пусть с евреями станут так же обращаться в России, как и с прочими твоими подданными, и ты станешь здоров!

Французский еврей».

15 октября. — Михаил Гирс рассказал мне, между прочим, что, когда его мать представлялась королеве эллинов [1]), последняя только и говорила, что о назначениях для своих протеже: нужен независимый пост Бахметеву и т. д. и т. п. Поэтому, несмотря на помету императора, министр ничего не предпринимает для замещения Персиани в Белграде, так как ему, наверняка, навяжут кого-нибудь. Все это не особенно весело.

20 октября. — Около 12 час. дня меня зовет к себе министр. Он держит в руках бюллетень, помеченный 9 час. утра и говорит мне со слезами: «Кончено». В 2 часа я отправляюсь в Казанский собор. На улицах расклеивают два утренних бюллетеня. Публика останавливается, читает их, но я не замечаю проявления никаких особых чувств.

Шишкин, пришедший к 4-часовому чаю, сообщает о движении, подготовляющемся в войсках, которые хотят принести присягу скорее в. к. Владимиру, чем наследнику, которого так мало знают.

Один из его сыновей, моряк, сообщил ему даже о таких же настроениях среди его товарищей в Кронштадте; последние хотят, кажется, высказаться в пользу в. к. Алексея. Все эти слухи, повидимому, лишены всякого основания; хотя момент очень серьезен, и будущее в высшей степени неопределенно, известие о смерти встречено населением очень спокойно. Никаких признаков печали вроде тех, которые описывают газеты, ни мои друзья, ни знакомые, бывшие в этот вечер на улице, не наблюдали.

Смерть императора вызывает внутри страны сожаление, главным образом, постольку, поскольку она приносит с собой неуверенность ввиду безличной роли, которую играл наследник. Его держали в детской почти до самой последней минуты, он ничем не проявил себя и

[1]) Ольга Константиновна, дочь вел. кн. Константина Николаевича.

известен только некоторыми своими слабостями и грехами молодости такого характера, которые не внушают доверия.

По прибытии сюда в среду, 12 октября, генерал Вердер явился посоветоваться очень конфиденциально с г. Гирсом по поводу желания императора Вильгельма, в случае катастрофы, лично присутствовать на похоронах Александра III. Сам Вердер против этого, боясь, как бы его государь, который никогда не знает меры, не скомпрометировал чем-нибудь в самом начале нового царствования. Г. Гирс полагает, что его величество мог бы прибыть только на погребение и тотчас же уехать. — Я целиком согласен с послом и думаю, что нужно во что бы то ни стало предотвратить это посещение. К счастью 18-го Вердер является с новой миссией, и когда доложили об его приходе, мы уж закончили чтение следующей перлюстрации телеграммы, которая была ему послана:

«Барон Маршаль генералу Вердеру в С.-Петербург.

Шифр. Берлин 17 (29) октября 1894 г.

Ознакомь г. Гирса конфиденциально и в подходящей для этого форме с содержанием нижеследующей телеграммы е. в.:

«Вследствие происшедшей здесь перемены министерства мне пришлось отказаться от своего намерения, в случае кончины е. в. царя, прибыть на его погребение, ибо необходимо обсудить и подготовить совместно с новыми министрами мероприятия, которые надлежит провести. Поэтому мое присутствие здесь необходимо. — Сообщите это конфиденциально г. Гирсу. — Вильгельм».

21 октября. — Сегодня утром получена шифрованная телеграмма от генерала Рихтера, отправленная вчера вечером, следующего содержания: «Государь поручил Победоносцеву написать вам, чтобы приготовили циркуляры иностранным дворам, в которых выразить, что он намерен неуклонно следовать политике мира покойного отца, идеал которого он всеми силами постарается осуществить. Просил предупредить. Письмо с курьером». Здесь немного огорчены тем, что молодой император прибег к посреднику, обращаясь к старейшему из своих министров.

22 октября. — Придя к министру, застаю его озадаченным: он получил телеграмму за подписью «Стоилов» с выражением горячего соболезнования от имени болгарского национального собрания.

Министр задается вопросом, отвечать ли на нее; я того мнения, что да, однако ответ должен быть редактирован таким образом, чтобы он ни к чему не обязывал. Он говорит: «я подумаю и посоветуюсь

с Капнистом и своим сыном Михаилом». После завтрака мне приносят для посылки государю телеграмму Стоилова с докладной запиской и копией ответа, которую министр просит отправить немедленно в Софию. Ответ гласит: «Его превосходительству господину Стоилову. София. Мы принимаем с удовлетворением изъявление чувств, присоединяющих Болгарию к национальному трауру России. Гирс». — Министр так гордится своей находчивостью, что хочет всегда иметь эту телеграмму у себя на глазах, на письменном столе. Не могу сказать, чтобы она мне чересчур нравилась: именовать Стоилова превосходительством — это чересчур. Начать телеграмму словом: «мы» — может вызвать недоразумение: кто это — «мы»? император и министры? Или правительство? Кто же, наконец? А «удовлетворение» в эти дни скорби по случаю небольшой любезности болгар — это уж слишком. — Я бы телеграфировал: «Г. Стоилову. — София (мы его не знаем как министра и официальное лицо). — Присоединяясь к глубокой скорби России, болгарский народ дает доказательства, к которым она остается чувствительной» — или же: «не может остаться равнодушной», — эти несколько слов не могли бы быть истолкованы, как признание чего бы то ни было сверх простой вежливости [1]).

28 октября. — Вечером получена любопытная телеграмма из Вены от кн. Лобанова. Болгарский агент обратился к нему с вопросом, не означают ли ответные телеграммы императора — князю Фердинанду и Гирса — Стоилову возможности примирения между Россией и Болгарией и признания теперешнего правительства княжества? В этом случае Болгария желала бы делегировать для присутствия на похоронах покойного императора депутацию, в состав которой должны были бы войти представители комитетов страны. Эта телеграмма приводит, кажется, министра в полное замешательство, он не знает, как поступить. Я высказываю скромное замечание, что ответ нашему послу совершенно ясен; нужно телеграфировать ему: «Вопрос, поставленный болгарским агентом, нас изумляет. Мне еще неизвестно, ответил ли император князю Фердинанду и в каких именно выражениях, но несколько слов, адресованных мною Стоилову в ответ на выражение соболезнования, посланное через него, совершенно ясно, не могут быть истолкованы иначе, как простая вежливость в ответ на внимание. Россия никогда не отнимала у болгарского народа своей благосклонности и может быть чувствительной к тому, что национальное собрание присоединилось к нашему трауру; но этого недостаточно для урегулирования очень сложных политических вопросов, которое,

[1]) Капнист советует поблагодарить болгар через представителя, которому вверены русские дела в княжестве! (Прим. в подл.)

к тому же, требует в значительной степени согласия всех держав, подписавших Берлинский трактат». И ни звука о депутации, посылка которой, к тому же, может состояться, по словам агента, лишь при условии признания.

29 октября. — Оказывается, вчера вечером уже составили и отправили Лобанову следующую телеграмму: «Получил телеграмму от 27-го. Так как наши сношения с Болгарией порваны втечение долгого времени, а император еще отсутствует, то для меня вдвойне затруднительно ответить на вопросы, поставленные вам болгарским агентом. Наши телеграммы не означали ни в коем случае признания существующего порядка вещей в княжестве. Болгарская депутация на похоронах покойного императора не может ни в коем случае иметь официального характера», то есть это значит: «ни в коем случае»? Даже если бы мы склонялись к признанию правительства кн. Фердинанда? Что означает эта странная фраза, и зачем вообще говорить о депутации? Это — изобретательность в стиле Капниста.

31 октября. — Как я и опасался, болгары истолковали ответ, переданный им первым секретарем посольства Будбергом (Лобанов и Бенкендорф уехали для присутствия на похоронах), в смысле условного допущения их депутации и начинают вести переговоры на эту тему, так что Будбергу поручено сообщить им без обиняков об отказе. Таким образом, в итоге новое охлаждение вместо достойного и приличного шага к восстановлению нормальных отношений. Это очень неумно и грустно.

4 ноября. — Министр вызван на 11 час. на свой первый доклад к молодому императору. По возвращении он вызывает меня к себе. Он в восторге от е. в. Он просит министра не говорить об отставке, так как не может обойтись без него: «Я ничего не знаю. Покойный государь не предвидел своего конца и не посвятил меня ни во что». Министр кладет на место наши секретные соглашения с Францией, о которых император не имел никакого представления. «Посвящены только $1^1/_2$ человека: Ламздорф, с которым я занимаюсь, и наполовину — Шишкин, которому пришлось сообщить кое-что во время моей болезни». Император просил ничего не изменять и продолжать прежнюю политику: «Мы видим результаты вашей политики, и все приезжавшие сюда владыки и принцы говорили, что никогда Россия не занимала такого положения!»

25 ноября. — На бумагах, возвращенных императором, имеются его замечания. Так, на русском переводе перлюстрированной теле-

граммы Бекир-паши Гуни-паше слова: «Было бы удивительно, если бы русский император стал держаться другой политики по отношению к Турции, чем его державный родитель», — подчеркнуты императором, и на полях им проставлено: «Конечно».

На другой перлюстрированной телеграмме Саид-паши Гуни-паше, датированной в Константинополе 21 ноября (3 декабря) 1894 г., по поводу фраз: «Согласно телеграмме из С.-Петербурга в «Cecolo» Россия, будто бы, приняла предложение Англии относительно дипломатической акции против нас по поводу Сассунского инцидента. Не прибегая ни к официальному источнику, ни к какому-либо иному, сообщите нам все, что ваше превосходительство имеете сказать по этому поводу», — император начертал: «В чужой монастырь с своим уставом не ходят!» — К кому это относится? — Наконец, на третьей телеграмме, против фразы: «Несмотря на обещания г. Шишкина, русская печать продолжает помещать статьи, враждебные оттоманскому правительству. Потрудитесь возобновить шаги по этому поводу», — его величество замечает: «Наши газеты просто перепечатывают известия из иностранных».

Оболенский находит, что все эти замечания — прямо ребяческие. Это — чересчур, но все же они ничего не говорят, кроме разве того, что наш молодой государь начинает читать бумаги с большим интересом.

28 ноября. — В числе прочих бумаг император возвратил почту графа Кассини, датированную: «Чифу, 7 и 9 сентября 1894 г.». На донесении № 34, сообщавшем текст договора между Японией и Кореей, е. в. начертал: «Интересно». На № 35, сообщавшем о ходе военных дел и о взятии обратно данного в начале войны обещания оставить свободным порт Шанхай, что, вдобавок к прочему, должно было вызвать сильное недовольство Англии, е. в. пометил: «Очень хорошее и обстоятельное донесение». Наконец, на № 36, доносящем об ужасном положении вещей в Китае, доведенном до невозможности продолжать борьбу, о том, что ему грозит полный крах вследствие взятия Пекина, которое, повидимому, неизбежно, и что, несмотря на все эти бедствия, императорский двор вытягивает последние гроши из доведенного до крайности населения, чтобы отпраздновать с неслыханной пышностью 60-летие рождения вдовствующей императрицы, император делает сверху надпись: «Тоже весьма любопытно — в особенности конец».

Захожу на минуту к Оболенскому, чтобы попросить его послать министру бумаги на подпись, между прочим, докладную записку в связи с завтрашним докладом. Нахожу у него

любопытную телеграмму Нелидова, только что расшифрованную. Телеграмма датирована — Константинополь, 26 ноября 1894 г., и гласит [1]):

«На станции в Софии министр Величков приветствовал меня от имени болгарского правительства и князя. Испросив разрешение сопровождать меня до Ихтимана, употребил трехчасовой переезд для основательного разговора о всеобщем желании и возможности примирения с Россией. Основываясь на указании вашего высокопревосходительства, после всестороннего разбора всех подробностей настоящего положения, указал Величкову на необходимость прежде всего заявления в этом смысле со стороны народного собрания. Тогда депутации, которую оно решило послать в Петербург с золотым венком на могилу императора Александра III, могло бы быть поручено ходатайство перед нынешним государем о возвращении Болгарии благорасположения России. Таким образом выяснилось бы, при каких условиях и каким путем могло бы состояться восстановление сношений. — Тщательно отклоняя входить в рассмотрение династического вопроса, к которому беспрестанно возвращался Величков с уверениями о чувствах преданности России Фердинанда, я настаивал на важности предварительного обеспечения основных начал, без которых немыслимо примирение, как-то: вопрос о православном исповедании наследника престола, что Величков считает вполне возможным. Он доложит немедленно обо всем князю и, в случае нужды, приедет для дальнейших переговоров в Константинополь. Из слов его и встретивших меня других преданных нам эмиссаров я еще более убедился в невозможности, при нынешних обстоятельствах, замышлять об удалении Кобурга».

Капнист, пришедший вслед за мной, вне себя и ругает Нелидова.

29 ноября. — Около 11 часов приносят пакет. Это — докладная записка и проект телеграммы Нелидову с пометой государя на полях: «В полне одобряю». Записка высказывается неодобрительно о разговоре Нелидова с Величковым. Проект телеграммы, составленный Капнистом, гласит: «С нашей стороны нельзя допустить ходатайства о возврате Болгарии благорасположения России только по поводу возложения венка на могилу в бозе почившего императора Александра III. Болгарская депутация с этой целью не может иметь никакого официального значения. Что же касается разговора вашего с Величковым, после принятых вами приветствий в Софии, то таковой может быть истолкован в нежелательном для нас смысле, как шаг, сделанный нами для сближения с Болгарией без достаточно серьезного повода» [2]).

---

[1]) Телеграмма на русском языке.

[2]) Телеграмма на русском языке.

По моему скромному мнению, эта телеграмма просто-напросто глупа, и я удивляюсь, как мой бедный старый больной министр допускает к себе этого злосчастного Капниста. Гирс сказал мне только сегодня утром: «Как Нелидов снова попал впросак!» и — «Он утверждает, что это — на основании моих инструкций!». — «Я не это говорил ему». — Возможно, что Нелидов зашел немного слишком далеко. Во всяком случае, его телеграмма составлена неосторожно, но тем не менее постановка вопроса Капнистом мне кажется неприемлемой. Впоследствие не раз пожалеют о том, что ее внушили молодому императору, вместо того, чтобы с самого же начала его царствования положить конец смешному болгарскому embraglio. Кроме того, утверждать в докладной записке, адресованной его величеству, что «возложение венка на могилу покойного государя — не серьезный повод», мне кажется столь же неумным, как и неприличным.

Император также пометил: «Очень хорошо» на втором проекте телеграммы Нелидову по поводу армянских дел, гласящем: «Прежде чем окончательно высказаться относительно участия консулов в расследовании событий в Битлисе, мы ждем ответа французского правительства, к которому мы обратились с запросом, дабы ознакомиться с его точкой зрения. Тем не менее участие консулов нам кажется неизбежным, поскольку султан высказал пожелание в этом смысле. Однако детально установить компетенцию консулов возможно будет, по нашему мнению, лишь совместно с Англией, дабы не создавать последней привилегированного положения».

30 ноября. — Император начертал: «Тем лучше» на телеграмме, полученной вчера из Парижа и извещающей, что «французское правительство не встречает препятствий к присоединению к предложению султана. Что же касается характера и объема полномочий, предоставляемых консулам, то необходимо выработать соглашение через представителей держав, находящихся в Константинополе. Лорд Дюфферин добивался от Ганото согласия на участие французского консула в следственной комиссии». Этот ответ сообщен Нелидову.

1 декабря. — Около 5 часов меня вызывает министр. У него был министр вн. дел Дурново. Он пришел по приказанию императора, чтобы сообщить о намерении е. в. вручить маршальский жезл Гурко и освободить его от обязанностей, а варшавским ген.-губернатором назначить графа Павла Шувалова. Г-на Гирса просят вызвать сюда немедленно нашего посла в Берлине, что он поручает мне выполнить по телеграфу. Но так как Дурново сообщает, что на место Шувалова хотят назначить Муравьева, то министр хочет адресовать императору записку с просьбой, ввиду важности вопроса, повременить

с решением, пока министр будет иметь возможность представить е. в. по этому поводу доклад.

2 декабря. — На посланной вчера докладной записке е. в. сделал пометку: «Конечно».

Получил копию полученной сегодня телеграммы от Нелидова следующего содержания: «Пера, 30 ноября 1894 г. — Не вижу основания, чтобы разговор мой с Величковым, приехавшим нарочно для свидания со мною, мог быть кем-либо истолкован как сделанный нами первый шаг для сближения с Болгарией. Уклоняться же от всякого разговора с ним, лично мне известным, всегда громко заявлявшим свое сочувствие России и до падения Стамбулова прожившим здесь в качестве эмигранта, я считал совершенно противным указаниям, преподанным мне вашим высокопревосходительством. Относительно депутации для возложения венка: так как от непризнанного нами правительства мы подобной депутации принять не можем, то речь именно шла о том, чтобы она была послана собранием и от него получила поручение просто ходатайствовать о возвращении Болгарии нашего благоволения. Это и составило бы делаемый населением первый шаг для сближения. От нас тогда зависело бы заявление этой депутации, под какими условиями и при каких обстоятельствах это сближение могло бы состояться. Все это было высказано вследствие долгих настоятельных расспросов Величкова о том, каким путем могла бы Болгария заявить о своем желании вновь вступить в сношения с Россиею» [1]).

Я нахожу этот ответ посла превосходным, очень основательным и лишний раз сожалею о том, что из-за болезни министр дал себя увлечь на посылку ему телеграммы, подобной телеграмме от 29-го.

4 декабря. — Прибыл Деревицкий, который является теперь дипкурьером. В почте нет ничего ни нового, ни спешного. Из Берлина получены подробности инцидента при открытии нового парламента, когда депутаты-социалисты не встали и не присоединились к «hoch» в честь императора. Все это подтверждает сказанное Коцебу о глубоком в целом потрясении Германии, идущей за революционными и социалистическими партиями, которые получают все большее влияние. — Меня зовут к министру. — Только что ушел от него Шувалов, прибывший сегодня утром. «Это — человек себе на уме, — говорит мне министр, — он намерен устроиться как можно лучше и, между прочим, представьте, он, кажется, поддерживает для Берлина кандидатуру Муравьева. Впрочем, если, как сообщают газеты, Шувалову предложат пост генерал-губернатора без командования войсками, он откажется от варшавского поста». В городе ходят слухи, будто с виленским

[1]) Телеграмма на русском языке.

ген. Оржевским случился удар при известии, что одна из его жертв высочайше помилована. Некоторые партии опасаются терпимости по отношению ко всем национальностям империи и либерального влияния молодой императрицы, очень образованной и, как полу-англичанки, очень большой сторонницы парламентского строя.

5 декабря. — Вечером отправляюсь в волховские бани. Старик Федор, который моет меня, спрашивает, правду ли говорят в народе, что в императорском указе по случаю бракосочетания говорится об освобождении от налогов в этом году(?!). Он жалуется в то же время на страшные строгости, с которыми теперь собираются налоги. Распродают все, разоряя до тла несчастных, за которыми числятся недоимки. Все это, в связи с тяжелым экономическим положением повсюду внутри страны, не очень утешительно.

6 декабря. — Император возвращает депешу Извольского от 21 ноября (11 декабря), № 54, с надписью: «Интересно. Никогда об этом еще ничего не слыхал!» Этот восклицательный знак как будто выражает удивление е. в. — Депеша касается и знаменитого аббата Тондини де Гаранго [1]). Она гласит: «Он просит о разрешении вновь приехать в С.-Петербург как представитель Болонской академии наук по всем вопросам, касающимся объединения календаря, меридиана и измерения времени. Но главным образом эта вторая поездка в Россию должна способствовать разрешению известного вопроса об употреблении русского языка в дополнительном римско-католическом богослужении».—Вот вопрос, над которым надо поработать. Покойный министр вн. дел граф Толстой боялся, как бы употребление русского языка не превратилось в замаскированный способ пропаганды.

Встретил Константина Гирса, который сообщил мне, что отец чувствует себя, по существу, не плохо, но настроение его очень тяжелое. Сегодня он получил табакерку, усыпанную бриллиантами, за заключение брачного контракта императора. Теперь я один из всех не получил по этому случаю никакого доказательства благоволения,— тем лучше!

Генерал Гурко, не имея ордена св. Андрея, назначен фельдмаршалом и освобожден от исполнения своих обязанностей, но Шувалов не назначен еще на его место. Сольский получил орден св. Андрея,

---

[1]) Тондини — фанатичный сторонник слияния восточных церквей и членов евхаристических обществ. (Прим. в подл.)

а генерал Обручев — св. Владимира, граф Александр Шереметев сразу возведен «в должность шталмейстера» и т. д. и т. п. — Да будет им хорошо!

7 декабря. — Шишкин зовет меня к себе. Он рассказал, что генерал Обручев получил вчера, одновременно с лентой ордена св. Владимира, орден Почетного легиона и табакерку, усыпанную сапфирами и бриллиантами. Последние два знака отличия наводят меня минуту на мысль, что, воспользовавшись болезнью министра, императора склонили к заключению кое-каких новых соглашений между начальником нашего ген. штаба и ген. Буадеффром.

Михаил Гирс приходит выразить мне сожаление отца, что он не может принять меня сегодня и просит приготовить все для отправки с завтрашним курьером, а он подпишет не читая. Затем он добавляет, что табакерка, которую отец получил вчера, доставила бы ему большое удовольствие, если бы совесть не говорила ему, что он получил вещь, которая по праву принадлежит мне. Все эти добрые слова довольно милы. Но что особенно интересно, это — сообщенные им конфиденциально подробности посещения Шувалова. Прибыв в воскресенье (4-го), граф был принят императором в понедельник и тотчас же отправился к министру, чтобы доложить о своем свидании с е. в. Пост в Варшаве был ему предложен на тех же условиях, на каких его занимал ген. Гурко, и был, естественно, принят им, но по этому случаю он обратил внимание императора на важность значения выбора преемника его в Берлине. Исподволь, ссылаясь на то, что министр ин. дел должен предложить кандидата, он нашел возможность назвать кандидатуру, якобы почерпнув эту мысль из газет, Муравьева.

«Какой это Муравьев? — спросил император: — копенгагенский?» — «Да, в. в., я его знаю как ловкого и дельного дипломата, так как он состоял много лет советником при мне». — «Правда, что ген. Вердер говорит повсюду, что его не приняли бы в Берлине? Затем, Нелидов также тяготится долгим пребыванием в Константинополе и мог бы быть очень полезен в Берлине». Тогда граф назвал несколько других имен, но это, кажется, не понравилось императору, который остановил его, сказав: «Нет, я думаю, что туда более подходит военный посол. Между нами, но я вас прошу не говорить об этом никому, что̀ думаете вы о князе Имеретинском?» — «Не будет ли он слишком резким, государь?» — «Ну, от резкости можно отучиться». — «Во всяком случае,

в. в., смею думать, что необходимо было бы предупредить императора Вильгельма о намерении вашем в письме». — «Что же, разве он примет ваше отозвание за личное оскорбление?» — заметил госуда с улыбкой. — Затем е. в., повидимому, согласился с этой мыслью, и когда Шувалов, уходя, спрашивает, даст ли е. в. приказание министру приготовить подобное письмо, император кивнул головой. Однако это приказание еще не получено г. Гирсом. Но министр получил перлюстрацию телеграммы из Берлина ген. Вердеру, которую он хранит до своего ближайшего доклада. В этой телеграмме германскому послу выражается полное одобрение за то, что он сделал все возможное, дабы устранить кандидатуру Муравьева, и его просят поддержать, как наиболее желательных германскому правительству кандидатов: старого графа Константина Палена (?!), бывшего министра юстиции, пребывающего в своих поместьях теперь в Курляндии, г. Нелидова из Константинополя или кн. Лобанова из Вены. — Посмотрим, что из этого выйдет [1]).

Я замечаю Гирсу, что было бы очень желательно, чтобы отец его устранил предубеждение против послов-военных в Берлине. Что же касается желания Шувалова иметь своим преемником Муравьева, то я объясняю это себе боязнью передать секретные архивы новому человеку, который сможет обнаружить по ним слабые стороны.

Вот уж два дня как я не вижу министра. Я спрашиваю Михаила Гирса, не думает ли он, что я мог бы воспользоваться затишьем, чтобы съездить хотя бы недельки на две в Москву. Но он поднимает крик и говорит, что в этом случае его отец тотчас передаст руководство министерством Шишкину. — Пришел Константин Гирс и рассказал о драгоценных табакерках, которые граф Воронцов показывал сначала графине Шереметевой. Кажется, их было роздано очень много — он утверждает, что 60! — И ген. Вердер также получил одну за брачный контракт. — В 5 час. Михаил Гирс спрашивает Оболенского, который уже ушел. Необходимо отправить бумаги для государя и отдать распоряжения, а никого уже нет. Шишкина, беднягу, держат в стороне. У нас царит настоящая анархия. — В 9 час. снова приходит Михаил Гирс с возвращенными государем бумагами. Необходимо распорядиться об организации приема специальных посольств от Турции и Персии, но ни Капниста, ни Оболенского вечером нет.

8 декабря. — Зиновьев сообщает, что персы, прибывшие со специальной миссией, сильно оскорблены тем, что они до сих пор

---

[1]) Говорят, что Гурко, торгуясь, как еврей, выговорил себе пенсию в 40 000 руб. в год. (Прим. в подл.).

еще не приняты императором, между тем как турецкое посольство должно быть принято завтра. Посол шаха — принц крови; его со свитой устроили в гостинице «Европа», и, хотя двор ассигновал на их содержание свыше 300 руб. в день (их пятеро с несколькими лакеями), Зиновьеву говорили, что их содержат в полунищенских условиях.— После обеда приходит пакет от государя. На докладной записке с напоминанием о том, что персидское посольство до сих пор не принято, е. в. начертал: «Приму завтра, 9-го, в половину 3-го, в Аничкове; турок — в другой день». На записке, испрашивающей приказаний по поводу вопросов, затронутых Шуваловым: «Сегодня я отправил письмо к императору с фельдъегерем, едущим в Кобург. В нем все объяснено».

12 декабря. — Министр зовет меня к себе после вечернего чая. Только что им получены три перлюстрированные телеграммы германского министерства ин. дел и ген. Вердера, из которых явствует, что император Вильгельм желал бы видеть послом гр. Остен-Сакена, нашего посланника в Мюнхене. Нашему министру не очень улыбается эта комбинация, ибо он невысокого мнения о способностях этого кандидата. Мне же кажется, что тут сказывается скорее инстинктивная боязнь министра перед открытием вакансии в Мюнхене и перед неприятностями с претендентами на этот пост. Он хотел бы сохранить status quo и избегать всяких хлопот этого рода до того момента, когда он сам выйдет в отставку. — Министр просит меня приготовить докладную записку, сопроводительную к этим трем телеграммам и телеграмме, полученной раньше, где речь шла о Палене, Нелидове и Лобанове, в которой следует указать на необходимость считаться с желаниями императора Вильгельма (по поводу Сакена), ибо одного намека на желание покойного императора иметь ген. Вердера преемником Швейница было в 1892 г. достаточно для его назначения.

1895 ГОД.

1 января. — Приехал дипкурьер с почтой, которая не приносит ничего особенно нового. Отчет кн. Лобанова из римской миссии. Папа Лев XIII произвел на него сильное впечатление. Прием в Ватикане был одним из самых блестящих; его святейшество говорил о своем желании воздействовать в умиротворяющем духе на католическое духовенство в России и о том, что полезно было бы учредить в России пост папского нунция, и т. д. и т. п. Фон-Стааль возвращается к теме о тройственном союзе между Россией, Францией и Англией в духе, противоположном тому, что он писал две недели

назад. В сегодняшнем письме он не допускает возможности серьезного сближения между Францией и Англией до тех пор, пока последняя оккупирует Египет, и высказывает пожелание, чтобы она не эвакуировала Нильской долины, ибо иначе Франция не замедлит предать нас, чтобы теснее соединиться с Англией, что заставило бы нас искать союзников в другом месте! Эти рассуждения довольно туманны. — Вопрос с Памиром, повидимому, окончательно улаживается. Из Берлина мы не получаем ничего. Шувалов целиком поглощен трогательным прощанием со двором и обществом. Это — демонстрации без границ и без прецедентов.

2 января. — Министр просит меня заготовить письма кн. Горчакову и Извольскому по поводу странного выступления испанского правительства, попытавшегося, по просьбе святейшего престола, обратиться к русскому и английскому правительствам с увещаниями умерить свои требования к Турции в армянских делах.

3 января. — Министр зовет меня около 11 час. Он лежит в постели и сильно страдает. Он просит меня отредактировать немного докладную записку и послать ее императору. — Я говорил откровенно с Михаилом Гирсом о необходимости назначить управляющего, чтобы дать отдых его отцу. Большое зло, если Шишкин будет ходить 2—3 раза к императору и руководить министерством в течение пары недель. Теперь его держат в полном неведении всего, что делается, но со дня на день врачи ведь могут предписать министру на некоторое время полный покой. Михаил Гирс дает слово серьезно подумать об этом. Министр путей сообщения отставлен с лишением придворного звания; «из гофмейстеров переименован в тайные советники». Две новые почетные фрейлины названы: «фрейлины их имп. величеств», получили только шифр «*М*», а придворный календарь, как и памятная книжка, помещают императрицу-мать между царствующим императором и его супругой. Это — небывалая вещь.

4 января. — Сенсационные новости. Наш парижский посол сообщил сегодня утром о смене министерства, а теперь мы — перед лицом президентского кризиса!

5 января. — Газеты полны комментариев по поводу выхода в отставку Казимира Перье. Его послание мне нравится, но его решение непохвально, и вся французская печать, кажется, более или менее строго критикует его. А у нас хотели наградить орденом св. Андрея этого эфемерного президента во время пребывания здесь французской депутации. Можно поздравлять себя без конца с тем, что в отношениях к Франции мы сохранили осторожность, и нужно очень остерегаться выходить за ее пределы. — На прощальный аудиенции Шувалову

император Вильгельм сам сообщил, что его преемником будет Лобанов, и он был, повидимому, очень доволен этим. — Таким образом тайна может быть открыта, и я указываю Михаилу Гирсу на необходимость считаться с вполне законными претензиями товарища министра, которому следовало бы сообщить о совершившемся факте и показать всю последнюю переписку по этому поводу.

6 января. — Назначение кн. Лобанова подписано и совершилось. Михаил Гирс приносит мне письмо, полученное его отцом от императора. В этом очень дружественном послании е. в. просит г-на Гирса сказать ему с полной откровенностью, что̀ он думает о кандидатуре Нелидова (константинопольского посла) для Вены. Гирс намерен ответить докладной запиской, в которой думает указать, что Нелидов был бы действительно весьма подходящим для Вены кандидатом благодаря своему знакомству с балканскими делами, но что было бы желательно и осторожнее предварительно позондировать почву при австро-венгерском дворе. Он хочет, кажется, добавить, что прежде к Нелидову там плохо относились благодаря его симпатиям к славянам, но я советую опустить эту фразу. — Вечером я заготовляю проект телеграммы Лобанову по поводу Нелидова.

Газеты полны известиями о новых президентских выборах во Франции. — У нас новый министр путей сообщения, кн. Хилков, протеже императрицы-матери и ген. Лобко, креатуры Ванновского.

7 января. — Шишкин сообщил мне, что вчера у него был довольно неприятный разговор с новым австрийским послом кн. Лихтенштейном. Последний, услышав не то в клубе, не то в обществе о том, что Нелидов намечается кандидатом для Вены, явился к нему, чтобы выразить свое горестное изумление по поводу того, что его не предупредили даже об отозвании Лобанова, на что тов. министра ответил ему с полной искренностью, что он и сам ничего не знал об этом до третьего дня. Затем Лихтенштейн заявил, что если только гр. Кальноки назовут имя Нелидова, он упадет в обморок, что немыслимо, чтобы Нелидов, «после того, как он спал со всеми своими слугами», был допущен к австрийскому двору и в венское общество и т. д. и т. п. В заключение он добавил, что единственные кандидаты, которые могли бы быть уверены, что будут приняты как personae gratissimae, это — Стааль и Влангали. Мне кажется, что наш почтенный товарищ должен был бы умерить пыл неловкого австрийского дипломата. Он хочет пойти к министру и сообщить ему об этом разговоре.

Министр видел Шишкина одну минуту и, повидимому, не очень удивлен отношением к Нелидову, которого он ждал, но только в более корректной форме.

Около 5 час. Михаил Гирс передает мне личное и весьма секретное письмо Шувалова, только что полученное его отцом. Этот документ имеет, по моему мнению, огромное значение, и в той новой эпохе, которую он открывает, назначение Лобанова в Берлин может быть как нельзя более удачным. Гирс не хочет сообщить немедленно это письмо императору; он просит меня положить его пока в совершенно секретный архив и приготовить записку по поводу всего этого дела, которое «он знает наизусть», как он выразился по моему адресу в разговоре с сыном. Вот упомянутое письмо:

Берлин. 5 (17) января 1895 г.

Только лично.

В. секретно.

Глубокоуважаемый Николай Карлович!

Посылая вам свои последние донесения от вчерашнего числа, я думал, что на этом покончу. Но неожиданно я оказался вынужденным снова взяться за перо, чтобы отдать вам отчет о крайне любопытных разговорах, которые у меня были за эти последние дни с императором Вильгельмом. В процессе одного из недавних разговоров, совершенно конфиденциального и частного, во время которого е. в. высказывался со мной с полной непринужденностью, я был поражен упорством, с каким император старался доказать мне, насколько сердечное согласие между монархическими странами, и особенно между Россией и Германией, имело бы благотворные результаты по отношению к революционному духу, который повсюду поднимает голову и уничтожить который по-настоящему способен только старый традиционный дух.

Видя, что он постоянно возвращается к этому вопросу, и, воспользовавшись тем, что после вручения отзывной грамоты я уже формально перестал быть послом, я счел своим долгом проявить такую же откровенность и по отношению к е. в. и открыто сказать ему, что он один — или, вернее, его правительство — являются причиной перемен, нарушивших согласие, прежде существовавшее между нами. Я напомнил императору, что, когда, после некоего выступления гр. Кальноки, согласие между нами троими стало немыслимым, мы установили согласие между двумя, но последнему наступил конец благодаря разрыву, вызванному правительством е. в., который произошел — я должен это признать — в не очень учтивой форме тотчас же после падения кн. Бисмарка. В тот момент переговоры, которые шли своим путем, были фактически прерваны, и обязательства, уже формально принятые, были заменены простыми словесными обещаниями. Я добавил, что с тех пор я не говорил ему никогда об этом, но этот образ действия про-

извел тягостное впечатление на моего покойного государя. Благодаря великодушию императора Александра III он не сердился за это на имп. Вильгельма, но тем не менее он, и только он один, несет ответственность за крушение согласия, о котором он теперь, повидимому, сожалеет.

В первый момент император как будто растерялся, услышав правду, которую я высказал ему. Но быстро справившись с первым впечатлением, он заявил, что совершенно согласен со мною. Тогда он только что вступил на престол и взял нового канцлера. Последний поставил ему ультиматум. Невозможно было втечение суток создать новый министерский кризис. Он уступил упрямой настойчивости гр. Каприви. Это был честный человек, но в то же время он был очень упрям, и ему нехватало ума (император сопроводил последние слова жестом, поднеся руку ко лбу, что̀ должно было обозначать пустоту, царившую в голове Каприви в тот момент и впоследствии). «Да, — продолжал император, — я прекрасно помню это время, столь трудное для меня, когда я внезапно был призван к власти, будучи столь мало подготовленным и поддаваясь влиянию тех, кто меня окружал». Затем, круто обернувшись в мою сторону, он обратился ко мне со следующими словами: «Считаете ли вы, что еще возможно было бы залечить зло и восстановить отношения, подобные тем, какие существовали в то время?» Я ответил, что фактически отношения остались такими же и что в этом отношении гр. Каприви остался верен своему слову, когда он заверял нас, что, если он отказался от подписания упомянутого акта, то все же политика кн. Бисмарка касательно наших интересов на Востоке останется неизменной. Я высказал лишь сомнение относительно возможности снова принять в той же самой форме наши тогдашние обязательства, но добавил, что, мне кажется, с своей стороны мы действовали так же, как и гр. Каприви, и в общем соблюдали основные черты нашего прежнего соглашения. «Представьте себе, — заявил император, — что мой канцлер кн. Гогенлоэ, вернувшийся из Фридрихсруэ, вел такой же самый разговор с кн. Бисмарком, какой я веду сейчас с вами, и, по существу, кн. Бисмарк высказал ему приблизительно те же самые упреки по адресу Каприви, какие являются сейчас предметом нашего разговора».

— Последнее — между нами говоря — меня ничуть не удивляет, так как, сделав незадолго до этого прощальный визит имперскому экс-канцлеру, я довольно долго говорил ему о законных претензиях, которые мы вправе иметь к его преемнику. Я считал себя тем более вправе говорить таким образом, что знал, что и вы, дражайший Николай Карлович, неоднократно открыто высказывали это гр. Каприви и, думаю, ген. Швейницу.

Имп. Вильгельму было абсолютно ничего неизвестно о моем разговоре с кн. Бисмарком. Так как е. в. сообщил мне о своих впечатлениях совершенно без ведома теперешнего канцлера и барона Маршалля, то я позволил себе осведомиться у него, какое впечатление вынес кн. Гогенлоэ из этого разговора. Е. в. ответил мне, что канцлер остался в восторге от посещения Фридрихсруэ и что в вопросах политики его взгляды целиком совпадают со взглядами кн. Бисмарка. «Жаль, — прибавил я, — что е. в. не пользуется больше советами этого старого слуги, но я понимаю, что, достигнув преклонного возраста, 80 л., он не может уже быть вам столь же полезным, как вашему деду и отцу».

Таково подробное резюме моих последних разговоров с имп. Вильгельмом. — Нет надобности добавлять, что это письмо более, чем конфиденциальное. — Я думаю, что вы, как и я, не сможете не радоваться тому, что имп. Вильгельм вернулся таким путем к первому акту своего царствования, который казался нам в то время столь неосмотрительным с его стороны. Мне кажется в то же время, что политический кризис, который переживает Франция со времени отставки Казимира Перье, вызывает в имп. Вильгельме особое желание застраховаться путем возобновления искреннего соглашения с нами против риска агрессивных действий со стороны его западной соседки, которые, можно думать, могут последовать в результате перемены лица или резкой перемены политики. — Как бы ни были интересны и важны откровенности имп. Вильгельма, я не рискнул бы сделать из них практических выводов...»

С огромным интересом я ознакомился с этим посланием, которое является косвенным одобрением русской политики последних лет. Мы были более сильными, и вот некогда гордая Германия ищет нашей дружбы. Но, наученные опытом, мы не должны больше ни заново ангажироваться, ни позволить связать себя каким бы то ни было образом по рукам, используя настроения, которые перед нами демонстрируют, когда и где это нам понадобится. Необходимо составить краткий исторический обзор всего этого вопроса.

Шувалова провожали, как второго Бисмарка, а не как представителя дружественной державы. Император Вильгельм, который всегда хватает через край, начал с того, что утром 4 (16) января отправился к нему на квартиру, чтобы лично вручить знаки ордена Черного орла, усыпанные бриллиантами, затем принял его в торжественной аудиенции, затем на обеде кавалеров этого ордена и, наконец, отправился провожать его на вокзал. «Чего тебе еще надо, мой миленок?» — Повидимому, на Вильгельма II производят сильное впечатление события во Франции. Придя к Шувалову утром 4 (16)-го, он откровенно говорил ему о своем беспокойстве. Россия счастлива, не имея на западе, подобно

Германии, вечно волнующегося, беспокойного соседа. Допустим, что какой-нибудь бравый генерал захватил бы во Франции власть, — что сталось бы тогда? А затем эти французские социалисты, поддерживающие национальный шовинизм!

Император жаловался на огромные затруднения, которые ему создают разрушительные и революционные элементы в Германии, и опасается заразительного влияния на них примера той свободы, которою те же самые элементы пользуются во Франции. — От нашего посла е. в. отправился к французскому представителю, но г. Эрберт не имел никаких подробностей, ни даже официального уведомления о государственном перевороте.

Около 9 час. вечера мне приносят телеграмму из Вены с отметкой «лично». Лобанов телеграфирует: «Так как имп. Франц-Иосиф вернется в Вену только в понедельник (9-го), то Кальноки отложил до этого времени ответ насчет Нелидова. Но вчера, когда я говорил о желании нашего августейшего государя считаться с желаниями имп. Франца-Иосифа, когда возник вопрос о моих возможных преемниках, Кальноки заявил мне, что, зная наш дипломатический персонал, он полагал бы, что лицом, наиболее отвечающим знаниям Вены, — как со стороны жены, так и сам по себе, — был бы сенатор Капнист»... Я возмущен этой интригой и легкостью, с какой Лобанов позволяет указывать себе кандидатов — если только не он сам их выдвигает?

8 января. — Мне хочется надеяться, что мой дорогой министр воспротивится интригам Лобанова, тем более, что по существу, он, повидимому, хочет перевести Стааля в Вену. Восстановить Д. Капниста в министерстве было бы проступком, а восстановление второго было бы преступлением! Михаил Гирс разделяет мой взгляд и думает, что и его отец стоит на той же точке зрения, что и мы, по отношению к Капнисту, который выделился на дипломатическом поприще, особенно в бытность его послом в Голландии, только тем, что никогда не был на своем посту, но зато очень аккуратно получал свой оклад.

11 января. — В 8 час. вечера приходит, наконец, ответная телеграмма кн. Лобанова, которую я расшифровал у себя. Она гласит: «Лично. — Кальноки сказал мне, что император Франц-Иосиф придает огромное значение выбору моего преемника и не решается дать согласие на назначение Нелидова. Прошу ваше превосходительство исходатайствовать для меня разрешение прибыть в Петербург, и, если наш государь соизволит разрешить мне, этот вопрос может быть отложен до моего прибытия».

Совет приехать сюда возможно скорее, повидимому, был дан Лобанову его здешними поклонниками. Капнист говорил сегодня утром, что Половцов вне себя из-за назначения его мнимого друга в Берлин.

Кутузов, вернувшийся сегодня утром, также нашел очень сильное недовольство в Вене; сам посол ничего не понимает в своем назначении и относится к нему отрицательно, так как оно может вызвать неудовольствие со стороны австро-венгерского двора, к которому относятся с пренебрежением (я заранее предсказывал моему дорогому министру, что там создастся такое впечатление).

12 января. — Среди бумаг, возвращенных вчера с пометкой государя, находится депеша Нелидова, датированная — Пера, 5/17 января 1895 г., № 1, по поводу дел в Армении. Император начертал на ней: «Совершенно верно», и я думаю, что наш посол, действительно, совершенно прав. Происходящее в настоящий момент в Армении напоминает ему то, что происходило в Болгарии перед войной 1877 г., с той разницей, что осложнения в Армении затрагивают нас более непосредственно. Он высказывает также взгляд, что нашему делегату в комиссии в Сассуне должна быть дана инструкция держаться ближе к своему французскому коллеге, чем к английскому, который, под предлогом филантропических побуждений, может преследовать другие цели. «Комиссия должна проверить, оценить и тем ограничиться, избегая основательного расследования и отчетов, слишком возбуждающих общественное мнение».

13 января. — Проф. Чудновский находит состояние нашего дорогого больного очень серьезным и составляет тревожный бюллетень, который Шишкин отправляет в Аничков дворец.

14 января. — В $6^1/_4$ час. ко мне прибегают со словами: «Министр просит вас». Я бросаюсь вниз и нахожу в гостиной его сыновей в слезах. Они сообщают мне, что все кончено.

15 января. — Я считаю, что обязан передать Шишкину весьма секретное письмо гр. Шувалова от 5 (17) января, о котором он не имел никакого представления, и посоветовать отправить его сегодня же императору, дабы поставить его в известность, что покойный министр собирался представить этот документ при своем первом докладе вместе с кратким историческим обзором секретных переговоров, о которых здесь упоминается. Странное положение у меня в этот момент. Мои секретные архивы содержат ключ ко всей политике последнего царствования. Ни молодой император, ни честный Шишкин, назначенный временно управляющим, не имеют ни малейшего представления о документах, доверенных исключительно и бесконтрольно мне на хранение на протяжении многих лет. Я работал в самой глубокой тени рядом с моим бедным старым начальником, никто меня не знал, и вот теперь, когда и он и император, в царствование которого он был таким прекрасным помощником, исчезли, я оказался один хранителем

государственных тайн, которые служат основой наших отношений с другими государствами!

В министерстве — неизбежный беспорядок. Временный характер управления Шишкина, его неопытность, советы, которые даются ему вкривь и вкось.

16 января. — Император возвратил письмо Шувалова без малейшей отметки.

17 января. — Шишкин прислал мне записку, что император примет его сегодня в полдень. Я советую ему сказать государю, что досье с документами, относящимися до секретных переговоров, о которых упоминается в письме Шувалова от 5 (17) января, готово к услугам императора, чтобы осветить этот вопрос. Шишкин поражен легкостью, с какою е. в. схватывает вещи. Он изъявил желание познакомиться с секретным досье, относящимся до наших переговоров с Германией, прерванных в 1890 г., и просил прислать его ему через несколько дней, когда у него будет немного больше свободного времени. Е. в. был поражен картиной, которую Коцебу (посланник в Штутгарте) нарисовал о положении вещей в южной Германии. Он спросил Шишкина, читал ли он депеши, полученные с последней почтой, и прибавил: «Жена моя говорит, что это совершенно верно». Итак, молодая императрица начинает интересоваться делами!

19 января. — В городе начинают сильно нападать на позавчерашнюю речь императора, которая произвела самое тягостное впечатление. Есть «земское собрание» (тверское), которое сделало намек на конституционные пожелания, и на этом основании на приеме были обруганы все депутации, прибывшие издалека с верноподданническими поздравлениями и подарками. И к чему это слово «бессмысленными», столь явно неуместное? Экс-Пимен [1]) встретил одного из депутатов, присутствовавших на приеме. Последний, прибывший из глубины России, так формулировал свои впечатления: «Вышел офицерик, в шапке у него была бумажка; начал он что-то бормотать, поглядывая на эту бумажку, и вдруг вскрикнул: «бессмысленными мечтаниями». — Тут мы поняли, что нас за что-то бранят. — Ну, к чему же лаяться?..» Это описание, хотя и вульгарное, крайне характерно. И молодую императрицу также упрекают, что она держалась, словно аршин проглотила, и не кланялась депутациям, когда они дефилировали мимо их величеств.

---

[1]) Знакомый Ламздорфа — монах, вернувшийся в свет, некто Сипягин.

21 января. — Шишкин видел вчера кн. Лобанова. У него осталось самое неприятное впечатление от этого свидания. Князь держался так, словно он уже назначен министром: он говорил о невозможности назначить Нелидова послом в Вену и заявлял, что его кандидат — кн. Санди Долгорукий, обер-церемониймейстер, что места посла должны быть вне конкурса, что на них должны быть назначаемы большие вельможи, богатые, женатые на женщинах, умеющих блистать в свете, и т. д. и т. п. У Капниста, видевшего Лобанова, также создалось впечатление, что последний разыгрывает из себя министра. И когда подумаешь о легковесности этого человека, об его безмерном эгоизме, об его убеждениях, — какая жалкая картина!

В 4 часа мы отправляем пакет с секретным досье по поводу переговоров 1890 г. Уже в 9 час. вечера император возвращает это досье с пометой: «Теперь мне многое представляется ясным и в другом для меня свете». Это довольно загадочно!

24 января. — Пакеты с высочайшими пометами попрежнему приносят мне, прежде чем отправить в канцелярию, как и при жизни министра, и благодаря этому я в курсе всех дел. Но наш бедный управляющий сильно озабочен. Никто не хочет допустить, что его управление может долго продолжаться, и еще меньше — что он может стать министром. С другой стороны, Никонов утверждает, что после указа о назначении Шишкина управляющим министерством он не может уже больше быть снова назначен товарищем министра. Как жаль, что у этого прекрасного человека такая слабая голова!

25 января. — Е. в. выразил категорическое желание восстановить в Дармштадте миссию на тех же началах, на каких она существовала до 1882 г. «Мой зять, вел. герцог, и императрица Александра Феодоровна просили меня об этом. В Дармштадт назначить министром-резидентом Озерова, который теперь ген. консул во Франкфурте. Вы знаете его?» И когда Шишкин ответил, что он лучше знает его жену, рожденную Пашкову, сестру обер-гофмейстерины Голицыной, е. в. сказал: «Ах, она — сестра княгини? Тем лучше», как если бы он впервые узнал эту подробность. Затем: «А во Франкфурт ген. консулом назначить Баумгартена, который теперь в Дрездене секретарем». Оказывается, этот Баумгартен женат на молочной сестре в. кн. Елизаветы Феодоровны и молодой императрицы. Ее величество начинает, значит, проявлять свое влияние. Оболенский и Никонов относятся к этому очень неодобрительно, но следует признать, что это пока очень невинная прихоть для нашей молодой самодержицы.

Кажется, министр финансов Витте просил обер-гофмейстерину кн. Голицыну допустить его жену к церемонии целования руки, давая понять, что отказ может быть принят, как оскорбление, и повлечь отставку. Г-жа Витте не была ни приглашена, ни допущена к церемонии, и тем не менее ее супруг остался на своем посту.

26 января. — Шишкин возвратил мне секретное досье относительно наших переговоров с Германией в 1890 г. Он задержал его у себя на несколько дней, но, кажется, не вполне уяснил себе значение исторических фактов, о которых там идет речь.

Пакет с документами, возвращенными вечером императором, содержит в числе прочих телеграмму Стааля от 24 января (5 февраля), в которой идет речь об исключении ст. 4 ноты лорда Кимберлея от 18 июня относительно соглашения о Памире. Эта поправка, придуманная в последнюю минуту Капнистом, не имеет по существу никакого значения. Тем не менее император начертал: «По-моему, следует настоять на том, чтобы они выключили 4-ю статью, дабы раз навсегда это соглашение было ясно».

Капнист, который раскаивался уже сегодня утром по поводу своей несчастной идеи, придет в отчаяние, но он сам виноват в этом.

27 января. — К моим работам в архиве присоединяется чтение частных писем, адресованных за последние 20 лет покойному министру, которые сыновья его приводят в порядок и столь любезны, что знакомят меня с ними. Среди них есть довольно много очень интересных. Я снимаю копии с некоторых писем императора и с одного любопытного письма гр. Милютина, написанного в 1881 г. после его отъезда из С.-Петербурга, в котором также идет речь о нашем только что заключенном тайном договоре с Германией и Австрией.

29 января. — Прибыл дипкурьер. Мы с Шишкиным просматриваем почту — в ней нет ничего особенного. Маленькое личное письмо Стааля управляющему министерством, в котором он с ужасом говорит о возможности назначения его министром и заранее отвергает всякую возможность переезда в Петербург. В официальном письме он прямо говорит о неудобстве требовать от англичан исключения ст. 4 ноты Кимберлея — это странная идея Капниста, пришедшая ему в последний час, которая может только вызвать ни к чему ненужное недоверие. Граф Бенкендорф сигнализирует из Вены о легкой натянутости отношений между Австрией и Болгарией вследствие опубликования княжеством таможенных тарифов, вопреки таможенному соглашению между обеими странами. Венский кабинет хочет, повидимому, дать почувствовать болгарам, что они могли continuer leur

train — train des dernières années лишь благодаря его поддержке или терпимости. Это может оказаться нам на-руку.

29 января. — В. кн. Мария Павловна посетила г-жу Гирс. Уезжая, е. и. в. сказала: «Мой муж находится в данный момент в Аничковом дворце у государя, с сообщением от императора Вильгельма. Я думаю, что решается вопрос, назначить Лобанова или Стааля министром». — В городе ходят настойчивые слухи, что Лобанов назначен министром, по этому поводу даже держат пари. Графиня Клейнмихель, имеющая огромные связи, была у Гирсов на обеде и рассказывала, что слышала от самого Половцова, что Лобанов назначен министром и что он изъявил настойчивое желание ходатайствовать о моем назначении его товарищем и удержать меня во что бы то ни стало в министерстве.

30 января. — Слухи о назначении Лобанова подтверждаются со всех сторон. Говорят даже обо всех назначениях, которые он будто бы объявил. Оба брата Долгорукие намечены послами и т. д. Говорят, будто он говорил в клубах и своим приверженцам, что он не простит никогда покойному министру своего назначения в Берлин. — Вернувшись домой около 10 час. вечера, я застаю пакет с возвращенными бумагами и на первом месте — верительные грамоты кн. Лобанову, как берлинскому послу, надлежаще скрепленные подписью императора?! Шишкин присоединяет к этому (написанную по-немецки) записочку со словами: «Что сие означает?!» Действительно все это становится любопытным [1]).

31 января. Около 3-х часов Оболенский просит меня к себе. Он сообщает мне, по поручению Шишкина, который только что вернулся в министерство, что на сегодняшнем докладе император только спросил его, получил ли он подписанные верительные грамоты для Лобанова, и поручил ему написать Стаалю через нашего дипкурьера, отправляющегося послезавтра, предложить ему пост министра ин. дел. Е. в. присовокупил, как мне рассказал уже сам Шишкин: «Но напишите так, чтобы он не принял это,

[1]) Возвращая бумаги, привезенные курьером, император воздерживается от всяких замечаний, но е. в. находит удовольствие в исправлении многочисленных орфографических ошибок в письме из Тонтона (Бухарест), написанном по-русски, и исправляет их на полях, точь-в-точь как это делают школьные учителя! Когда Шишкин сказал ген. Ванновскому, что Лобанов окончательно назначен в Берлин, военный министр пришел от этого в восторг и сказал: «Ну и слава богу, что министром иностранных дел не будет этот иностранец». В комитете министров тоже всеобщее удовлетворение; многие сановники, говоря о Лобанове, называют его «хлыщ». Вот результат вызывающего поведения князя. Только Половцов вне себя от поражения и нигде не показывается. (Прим. в подл.)

как приказание, но как предложение, и пожалуйста, чтобы все это покамест оставалось между нами». Император не проронил ни слова насчет замещения Лобанова в Вене, ни об инструкциях нашему новому послу в Берлине. Шишкин воздержался от всяких замечаний, и это было тем правильнее, что император попросил его прислать ему проект письма Стаалю, что̀ отнюдь не свидетельствует о безграничном доверии. Шишкин просит меня заготовить к завтрашнему дню проект такого письма. Все мы довольны, что кандидатура Лобанова отпала, по крайней мере — на сегодняшний день.

1 февраля. — Пакет с бумагами от императора содержит мой проект письма Стаалю с «Согласен» на полях. Я переписываю его в форме личного и весьма секретного письма для подписи Шишкину и датирую 2 февраля, чтобы курьер мог его отвезти завтра с собою. В этом пакете содержится также, без всякой пометы, любопытная перлюстрация телеграммы, адресованной германским послом Вердером барону Маршалю, германскому министру ин. дел:

«С.-Петербург, 31 января (12 февраля) 1895 г. У меня был серьезный разговор по поводу кн. Лобанова с в. кн. Владимиром. Последний хотел сейчас же доложить императору Николаю по поводу сделанных мне сообщений». Так вот мотив посещения вел. князем Аничкова дворца, о котором говорила в. кн. Мария Павловна!

2 февраля. — Шишкин приходит ко мне утром и рассказывает, что, когда он передал третьего дня на докладе императору письмо Стааля и все документы, относящиеся до наших переговоров о Памире, е. в. понял, как бесполезно настаивать на исключении ст. 4 ноты Кимберлея и сказал: «Меня ввела в заблуждение записка». Кажется, Шишкин не скрыл, что эта записка исходила от Капниста [1]). Итак мы, кажется, уже у конца этих долгих и многотрудных переговоров. Лондонский посол получил полномочия на подписание и обмен нотами по поводу достигнутого соглашения.

4 февраля. — Шишкин просит меня приготовить для него на вторник для императора маленькое досье для интересного и поучительного чтения из наших секретных архивов. Он хотел бы затронуть болгарский вопрос, ввиду сближения, которое, повидимому, началось между кн. Фердинандом и Цанковым. Я говорю ему о своей записке от 15 августа прошлого года и показываю ее ему, но преду-

[1]) В конечном счете, отношения с Капнистом становятся терпимыми. Шишкин, якобы, сказал, что граф стал корректным: «С тех пор, как я назначен управляющим, он переродился, как сущий подлец». (Прим. в подл.)

преждаю, что покойный император и слышать не хотел о каком бы то ни было примирении с князем Кобургским. Поднимаюсь к Михаилу Гирсу, чтобы на всякий случай справиться у него, что думал в глубине души его отец по поводу моей записки от 15 августа 1894 г. При избытке деликатности у моего дорогого покойного начальника никогда— или, во всяком случае, очень редко, — невозможно было узнать его искреннее мнение о работе, которую вы сделали по его поручению. Я видел, что он был очень печален и озабочен после его последних занятий с покойным императором 16 августа 1894 г.; он сказал мне, что е. в. противится всякому примирению с кн. Фердинандом болгарским, и что он отложил принятие решения на этот счет до своего возвращения в столицу, предполагавшегося к началу октября. Но я не мог разобрать, согласен ли целиком министр с моим маленьким трудом и аргументами, которые я приводил там. Михаил Гирс заявил мне, что его отец говорил с ним по этому поводу тотчас по своем возвращении, в сентябре, что он был полностью согласен со всеми мыслями и программой, изложенными в моей записке от 15 августа, но что он считал, пожалуй, целесообразнее придать ей менее решительную и отчетливую форму, когда снова придется вернуться к этому вопросу (записка лежала в столе министра после его смерти, и он хранил ее у себя после своего д о к л а д а 16 августа), так как у него составилось впечатление, что императора можно будет мало-по-малу переубедить.

У министра осталось тяжелое воспоминание об его д о к л а д е 16 августа 1894 г. Он сказал Михаилу: «У меня было ощущение, что я надоел императору, что он думает, будто я нахожусь под чужим влиянием и могу увлечь его за собою». «Одним словом, — сказал мне Михаил Гирс, — он почувствовал на этот раз, что его продвижение вверх поколебалось». Повидимому, оба — и государь и министр — встретившись в последний раз, были взвинчены и больны настолько, что уж не могли ни работать, ни договориться, как прежде.

На двух д о к л а д а х, 4 и 17 ноября 1894 г., с которыми покойный министр был у императора Николая II, болгарский вопрос не поднимался. Гирс намеревался поставить его при первой возможности, подготовив для этого почву, но, принимая Цанкова прошлой осенью, перед его отъездом в Болгарию, покойный беседовал с ним в духе моей записки, которую он неизменно одобрял по существу. В том же смысле он говорил и с Нелидовым во время приезда его на похороны покойного императора, и наш посланник, во время аудиенции у императора Николая II (все в том же ноябре), пустился развивать проект примирения с кн. Фердинандом, но е. в. оборвал его со словами: «Н е т, н а п р и з н а н и е К о б у р г с к о г о я н и к о г д а н е с о г л а ш у с ь. П у с к а й о н у б и р а е т с я»...

и т. д. и т. п. Мой бедный больной министр позабыл сообщить мне об этой последней подробности, которую нельзя однако упускать из виду.

Пришла хорошая телеграмма:

«Секретная телеграмма гофм. Хитрово, Токио. 3 (15) февраля 1895 г.

Имел длинный интересный разговор с министром иностр. дел. Япония очень встревожена слухами об англо-русском соглашении. Муцу вновь подтвердил мне все уверения относительно Кореи, сказал, что Япония отнюдь не намерена итти в войне до обстоятельств, могущих повлечь распадение Китая или падение династии, что будет относиться с крайней осторожностью к интересам других держав. Сообщил доверительно, что требования Японии будут состоять в денежном вознаграждении и территориальной уступке, подчеркнув, что мне первому из иностранных представителей он говорит об этом прямо. Хотя он не определил, имею основание предполагать, что Япония потребует уступки именно Формозы. Муцу прибавил, что Япония отнюдь не желает требовать чего-либо, что могло бы быть противным интересам или видам России, и что с этой целью он не замедлит вступить с нами в откровенный обмен мыслей для предупреждения всяких недоразумений».

Возвращая вечером эту телеграмму, император начертал: «Надеюсь, что так и будет». На совете, собравшемся 20 января под председательством в. кн. Алексея, было решено договориться с Англией и Францией, дабы ускорить умиротворение Дальнего Востока путем совместного выступления с предложением Японии умерить свои требования по отношению к Китаю. Для нас же важнее всего обеспечить в первую голову цельность и независимость Кореи. В то время как министерство иностранных дел должно будет направить свои усилия к этой цели, морское министерство призвано увеличить наши морские силы на случай сопротивления со стороны Японии, которое вызовет необходимость применения в этом случае более действительных средств со стороны трех держав. Было решено собраться в совете еще раз, если события потребуют этого, и обсудить, какие

меры следует принять. Оккупация Россией острова или какой-либо территории не могла еще быть окончательно решена. Пока что из Пекина приходят отчаянные известия. Телеграмма графа Кассини, нашего посла в Китае, также датированная 3 (15) февраля, описывает положение самыми мрачными красками. Он предвидит в ближайшем будущем падение династии, полный крах всей империи и резню иностранцев, если с войной не будет покончено в кратчайший срок.

5 февраля. — Около 10 час. утра ко мне пришел Шишкин, чтобы сообщить мне очень конфиденциально в высшей степени интересный разговор, который он имел вчера с Лобановым. Князь явился к нему, чтобы проститься перед отъездом в Вену, и рассказал ему при этом, как было дело. Вот его версия. Генерал Вердер, боясь назначения Нелидова на пост министра ин. дел, написал, будто бы, в Берлин, чтобы попытаться вызвать выступление императора Вильгельма перед нашим императором. Император Вильгельм предложил нашему государю не стесняться, если бы он пожелал назначить кн. Лобанова министром, а не послом в Берлин (весьма вероятно, что инициатива принадлежала не Вердеру и что, не из боязни перед Нелидовым, а по совету в. кн. Владимира и его супруги, Вердер обратился со своей просьбой в Берлин). В. кн. Владимир отправился в воскресенье [29 (1)] к императору (как об этом говорила сыновьям Гирса в. кн. Мария Павловна и сообщал ген. Вердер в своей перлюстрированной телеграмме бар. Маршалю) с докладом о полученном ответе.

Его высочество вызвал неудовольствие императора своей чересчур пылкой речью, и императрица Мария Федоровна, к которой всегда обращаются за советом, будто бы была возмущена этой манерой германского императора вмешиваться во внутренние дела нашего государя. С этого момента вопрос об оставлении Лобанова в Берлине был решен. На вопрос Шишкина, говорилось ли о заместителе Лобанова в Вене, князь ответил ему, что при его первом представлении императору, 22 января, он беседовал с ним только о его недавней миссии в Риме и об его отозвании из Вены. Воспользовавшись этим случаем, Лобанов привел все мотивы против назначения Нелидова, говорил об его жене и его агитации и указал на кн. Александра Долгорукого, теперешнего обер-церемониймейстера, как на кандидата для его замещения при австро-венгерском дворе. Эта мысль, якобы, понравилась государю, который обещал подумать об этом, присовокупив: «Я посоветуюсь с матушкой».

Князь утверждает, что он воздерживался, елико возможно, от всяких выездов и встреч, избегая всяких поздравлений, нескромных расспросов и т. д. и т. п., и не имел поэтому никаких известий на этот счет и даже не знал, осталось ли в силе его назначение в Берлин.

На вчерашней аудиенции он вернулся к вопросу о кн. Сэнди Долгоруком, но император сказал ему, что встретил сопротивление со стороны императрицы-матери, которая находит, что кн. Долгорукий трудно заменим как обер-церемониймейстер. На это Лобанов заметил, что, во всяком случае, легче найти хорошего обер-церемониймейстера, чем хорошего посла [1]). Тогда император сказал ему: «Вы ведь будете приняты сейчас императрицей, так постарайтесь ее уговорить». Князь тотчас же постарался сделать это, но безуспешно, и, когда по окончании аудиенции отправились завтракать, император, пропустив вперед обеих императриц, задержал на минуту Лобанова, чтобы задать ему вопрос: «Ну, что?», и когда князь признался, что не достиг никаких результатов, е. в. прибавил: «Досадно, но мы еще подумаем», и тем дело и кончилось.

Совершенно ясно, что кандидатура кн. Сэнди Долгорукого — результат интриги, которая развернулась в самую последнюю минуту. Представительность — хорошая вещь, но, в конечном счете, важно не столько, чтобы посол был представительной фигурой, сколько — чтобы он хорошо делал свое дело, а с этим редко справляются любители, взятые со стороны. В то же время это может совершенно обескуражить людей, интересующихся карьерой. Князь Лобанов требует только крупного имени, богатства и блестящей жены; сам же он — сын торговки, не имел вначале ни гроша и всю жизнь имел романы только с подозрительными женщинами, чтобы утешиться в своем безбрачии. Наконец, разве лучшие теперешние дипломаты рекрутировались из кругов, на которые указывает князь? Совсем наоборот, начиная с Бисмарка, Гирса и ряда других.

6 февраля. — Император решил вчера вечером, что чрезвычайное китайское посольство будет принято в Аничковом дворце сегодня, в 2 часа дня. Наш молодой Рудановский, прикомандированный к чрезвычайному посольству и в совершенстве владеющий китайским языком, рассказывает, что посол говорил ему, будто богдыхан уполномочил его выразить императору свое сожаление по поводу того, что война с Японией помешала ему явиться лично (!) и справиться также у е. в., зажила ли рана, причиненная ему в Японии. Вот уж китайская вежливость!

Вечером пакет с бумагами, возвращенными императором, содержит в числе прочих документов телеграмму барона Моренгейма с отче-

[1]) Е. в. высказал мысль, что в Вену можно было бы назначить свитского генерала кн. Николая Долгорукого, бывшего посла в Тегеране, но Лобанов нашел, что последний не имеет ни необходимого чина, ни жены и т. д. и т. п. (Прим. в подл.)

том о выступлении китайского поверенного в делах в Париже Чинг-Чанга: Китай обращается к одной только России с тем, чтобы добиться более энергичного вмешательства с целью добиться от Японии более выгодных условий. В случае согласия с нашей стороны Чинг-Чанг будет, якобы, делегирован в помощь послу Ченгу. Капнист заготовил проект ответной телеграммы такого содержания: «Не имея ни малейшего намерения вступать в сепаратные переговоры с Китаем, мы считаем бесполезным прибытие сюда Чинг-Чанга». Этот проект возвращен с пометой: «Обождать посылкой ответа». В том же пакете была нота по тому же поводу, адресованная китайским послом, живущим здесь, и против фразы: «если Япония приобретет чересчур большую силу в Азии, это будет великим бедствием для Китая, и русское правительство не может оставаться равнодушным к этому перемещению влияния, поэтому мы и просим хорошего средства, чтобы помочь нам выйти из этого крайне тяжелого положения», император начертал: «Это совершенно верное замечание».

7 февраля. — Я советую Шишкину на его докладе по повбду аннотированных вчера документов сослаться на протокол заседания 20 июня под председательством в. кн. Алексея: было решено договориться с Англией и Францией по поводу совместного выступления перед Японией. Нота сопровождалась маленькой докладной запиской, в которой Шишкин докладывал о предварительном ответе, который, по его мнению, надлежало дать китайскому представителю, следующего содержания: «трудно добиться от японцев прекращения военных действий во время переговоров; мы ограничиваемся преподанием советов в пользу заключения мира воюющим сторонам». Е. в. начертал: «Об этом вопросе поговорим завтра». Шишкин возвращается с доклада в восторге и очень польщенный: император одобрил проект телеграммы барону Моренгейму и modus procedendi в японо-китайских делах, которые, повидимому, особенно интересуют е. в. благодаря его путешествию на Д. Восток [1]).

В конце занятий молодой государь сказал Шишкину: «Я все хотел еще вас спросить относительно замещения Персиани в Белграде, ведь король сербский, во время пребывания своего здесь, очень просил меня об отозвании его». Я приго-

[1]) На замечание Шишкина, что приезд сюда Чинг-Чанга нежелателен вследствие ненадежного характера этого интригана и склочника, император ответил: «Ну, так к чорту его!» Я не знал, что е. в. также пользуется крепкими словцами, которые любил его августейший отец. (Прим. в подл.)

товил на прошлой неделе для управляющего министерством небольшое досье по поводу этого горячего желания сербского короля. Шишкин отвечает: «У меня приготовлена вся переписка по этому делу, но я не смел докладывать о нем в. в., как временноуправляющий министерством. Вот и бразильский посланник давно уже ходатайствует о назначении российского представителя в Рио-де-Жанейро». Е. в. прервал его словами: «Привезите мне в будущий вторник список кандидатов для назначения посланников в Белград и Рио».

12 февраля. — Спускаюсь в канцелярию около 11½ ч. утра, к приезду дипкурьера. Мы втроем — Шишкин, Оболенский и я — вскрываем почту, очень бесцветную, но прежде всего весьма секретный пакет Стааля, в котором содержится одно письмо для Шишкина и другое — для государя. Это — решительный и самый категорический отказ от министерского поста. В. кн. Владимир отбыл вчера в Вену для присутствия на похоронах эрцгерцога Альберта. Е. и. в. попытается, наверное, помочь Лобанову в его проектах насчет его преемника.

По рукам ходит копия открытого письма, адресованного императору, в котором содержится протест против знаменитой речи 17 января о «бессмысленных мечтаниях». Кажется, эта злополучная речь-выговор имеет самый печальный отклик в провинции. Стихи, сочиненные Мятлевым, заканчиваются словами: Dournovo — tête-de-veau! [1]).

14 февраля. — Около 3-х часов возвращается с доклада Шишкин, очень взволнованный. Император ему сказал: «Я решил назначить князя Лобанова министром. В Вене, повидимому, очень обиделись переводом его в Берлин — как признаком предпочтения Германии, вот теперь этим назначением все будет исправлено».

16 февраля. — В пакете с возвращенными документами на телеграмме Моренгейма от вчерашнего числа, в которой сообщается, что вследствие комментариев германской печати, произведших самое неприятное впечатление, и отсрочки открытия Балтийского канала, благодаря которой торжества по поводу его открытия совпадут с годовщиной войны 1870 г., принятие Францией приглашения на морские празднества в Киле сомнительно, император начертал: «Весьма жаль, если Франция не примет участия». Откровенно говоря, я не вижу, какое нам до этого дело.

---

[1]) Дурново — телячья голова.

17 февраля. — В пакете, возвращенном императором, полученном около 10 час., находится докладная записка Шишкина следующего содержания:

«Французский посол сообщил мне при свидании со мною сегодня содержание полученной им телеграммы от его правительства, прося меня довести его до высочайшего сведения в. и. в. Телеграмма эта гласит: «Прежде чем окончательно ответить на приглашение Германии, я [Ганото] запросил у графа Мюнстера подробную программу празднеств по поводу открытия Балтийского канала. Было условлено, что германская пресса не поднимет шума вокруг этого проекта. Однако немецкие газеты усиленно занялись комментариями, стремясь извратить характер празднества и придать ему значение общеполитического акта. Мы воздержались от ответа, опасаясь интерпелляций в палатах и газетных толкований. Помимо того, дата 19 июня могла бы быть отсрочена и совпасть с тяжелой годовщиной». Граф Монтебелло присовокупил, что для его правительства было бы неоценимо знать взгляд на это дело е. и. величества.

Шишкин».

Этот документ возвращен императором с пометой: «Мне кажется, что напрасно французы затрудняются ответом! Раз все державы приглашены, участие Франции необходимо наряду с нами».— Что касается меня, я совсем не убежден в этом «необходимо», и мне казалось бы более остроумным предоставить французам итти своим путем, чтобы не принимать на себя никакой ответственности за возможные последствия.

Кадеты в 1905—1906 гг.

(Материалы ЦК партии «Народной свободы».)

Публикуемые ниже документы являются частью фонда, изъятого в 1930 г. комиссией по чистке Академии наук из рукописного отделения Академии, где он скрывался от советской власти под видом «личных фондов» и, конечно, был совершенно недоступен нашим исследователям.

Этот фонд, представляющий собою собрание подлинных протокольных записей ЦК кадет, их думской фракции и местных партийных кадетских комитетов, имеет для нас ценность, являясь значительным дополнением и коррективом к публичным выступлениям кадет и к жандармским донесениям о кадетах.

Ниже публикуются протоколы и постановления ЦК кадет за период 1905—1906 гг., ярко характеризующие закулисную жизнь партии русского империализма, претендовавшей на звание «демократической». К сожалению, материалы за первые месяцы деятельности кадет и относящиеся к наиболее интересному периоду — именно к ноябрьско-декабрьским событиям 1905 г., отличаются наибольшей скудостью и отрывочностью.

Партия кадет сложилась на фоне революционного подъема, как партия «конституционно-монархическая», задачу которой еще ее предшественники «освобожденцы» формулировали как объединение тех групп «русского общества», «которые не имеют возможности найти исход своему возмущенному чувству ни в классовой, ни в революционной борьбе».

Главной задачей кадет в революции 1905 г. было направить движение в «конституционное», «закономерное» русло, как писал один из лидеров к.-д. партии В. Набоков в к.-д. журнале «Право».

Именно в этих целях кадеты вели борьбу за крестьянство и делали даже попытки влиять на пролетариат.

Учредительный съезд кадет, происходивший в разгар октябрьской забастовки, провозгласив общность своих интересов с «народом», заявил о своей «полной солидарности с забастовочным движением» и приветствовал «организованное, мирное, но в то же время грозное выступление рабочего класса».

Однако октябрьский манифест, а затем ноябрьская забастовка, во время которой пролетариат выступил с требованием 8-часового рабочего дня, и, наконец, особенно декабрьское вооруженное восстание и разгром революции резко изменяют тактику кадет в отношении массового движения.

Уже на ноябрьском заседании ЦК Овчинников призывает «отмежеваться» от «левых» и «не давать смешивать себя с республиканцами». Уже II съезд кадет, происходивший через два месяца после декабрьского восстания, признал программу, принятую к.-д. учредительным съездом, необязательной. Лидеры к.-д. в своих статьях в «Полярной звезде», писавшихся в момент подавления декабрьского восстания, призывали своих единомышленников познать себя и отграничиться от крайних партий, а Струве, забыв о своем умилении перед «организованным рабочим движением», заявлял о том, что кадеты — «заклятые враги всякого насилия, исходит ли оно от власти или от анархии» (т. е. революции).

К сожалению, фонд ЦК к.-д. партии не отразил этого интересного момента в жизни кадет.

Показателен даже самый внешний вид протоколов заседаний ЦК и петербургского комитета, относящихся к октябрьско-декабрьскому периоду. В отличие от подробных протоколов 1906—1916 гг., написанных каллиграфическим почерком, несколько сохранившихся документов, относящихся к ноябрю-декабрю 1905 г., представляют собой карандашные записи, почти неудобочитаемые. Если в протоколах периода «мирной», «органической» работы кадет мы всюду найдем не только указания на день и число заседания, на количество и состав присутствующих, то в нескольких протоколах 1905 г. о составе присутствующих можно судить только по фамилиям выступавших. В ряде выступлений даже не указаны фамилии ораторов.

Протокол заседания ЦК, происходившего в момент декабрьского восстания, не имеет даже точной даты (обозначен 7—21/XII). Однако эта отрывочная, лихорадочная запись содержит ряд интересных деталей для уяснения к.-д. тактики в разгар революции. Декабрьский протокол к.-д. ЦК характеризует не только огромную растерянность, которая овладела кадетами в разгар революционного движения, но и необычайно ярко, гораздо более правильно, чем резолюция их учредительного съезда, написанная для «внешнего потребления», отражает их отношение к революционному движению.

В разгар декабрьского вооруженного восстания кадеты открыто заявляют о том, что сочувствие забастовкам — «глупость вековая», что «цели забастовки мы сочувствовать не можем», что нужно было «предупредить забастовку» (протокол ЦК 7—21/XII 1905 г.). Маклаков предлагает вступить в переговоры с Дубасовым, а кн. Долгоруков проектирует обращение с листовкой к «революционерам», «чтобы они прекратили». Вопреки торжественно взятому на себя на учредительном съезде обязательству отказаться «от каких-либо переговоров с представителями власти», Тесленко предлагает в это «тревожное время» не воздерживаться «от сношений с властями предержащими».

В публикуемом материале мы имеем ряд интересных документов, характеризующих попытку кадет накануне выборов в I Думу завербовать на свою сторону «голосующую скотинку». Кадеты прекрасно понимали, что в условиях революционного подъема они не смогли бы вести никакой активной политической борьбы, не смогли бы проникнуть в Государственную думу и получить в ней большинство, если бы им не удалось повести за собой часть мелкобуржуазных городских обывателей.

Главной сферой влияния кадет в этот период является городской обыватель, третий земский элемент, в частности учительство, служащие. Кадеты делают также попытки, — правда, неудачные, — вовлечь в сферу своего влияния даже... крестьянство.

По материалам департамента полиции известна агитационная деятельность кадет среди крестьян, главным образом, в виде распространения к.-д. литературы и переписки кадетских депутатов с сельскими старостами и духовенством, через которых кадеты держали связь с крестьянством. Кадеты вели агитационно-пропагандистскую работу, организуя лекции и доклады в провинции, широко распространяя свою литературу, создав даже подобие своего прессбюро, снабжавшего статьями к.-д. направления провинциальную печать.

Публикуемый материал дает представление не только об агитационно-пропагандистской работе к.-д. среди крестьян, но также и о том, на какие его слои пытались опереться кадеты. В этом отношении интересен протокол заседания ЦК 13/XI 1905 г., в котором ряд кадетских ораторов указывал на необходимость ориентироваться на «индивидуалистические», «собственнические» элементы крестьянства, на «индивидуализм хохлов», на казачество, т. е. на кулацкие элементы деревни. В этом же отношении интересна попытка кадет использовать сельское духовенство в качестве «могущественного органа пропаганды».

Однако, несмотря на энергичную работу кадет среди крестьян, несмотря на их попытки рекламировать себя не только в качестве «демократической», но даже «народной» партии, для чего кадеты шли даже на демократизацию своих съездов, на которых они пытались даже обеспечить представительство крестьян, т. е. фактически кулаков, они должны были сами констатировать свой провал в деревне, даже среди обрабатываемой ими кулацкой верхушки.

Да это и понятно. Представители местных кадетских комитетов почти единогласно указывают на то, что аграрная программа партии крестьян (даже кулаков) не удовлетворяет. При всем стремлении повести за собой крестьянство и ввести его движение «в конституционное русло», кадеты, которые представляли интересы помещиков, не могли, конечно, разрешить аграрного вопроса и старались как можно дольше держать крестьянство в неведении относительно своих истинных намерений в этой области.

Накануне III съезда к.-д., который должен был наметить их тактику в Госуд. думе, Протопопов (бывший тогда членом ЦК к.-д.) в письме в ЦК рекомендовал разрешить тактические вопросы на съезде «в самой общей форме», чтобы каким-нибудь «неловким постановлением» не скомпрометировать себя в глазах крестьянства и армии: «без них мы ничто, с ними мы все» — аргументировал он свое предложение.

В борьбе кадет за крестьянство, между прочим, характерна одна из их попыток обработки крестьянских депутатов (постановление ЦК от 5/IV 1906 г.): в качестве одного из методов этой обработки к.-д. практиковали подыскание крестьянским депутатам Думы «удобных дешевых квартир».

Для периода игры кадет в демократизм характерны также их заигрывания с рабочими. В этих целях кадеты организуют специальную «рабочую комиссию», возглавляемую Струве, которая ставит своей задачей оказание содействия рабочим кружкам, и пытаются

даже организовать «представительство» рабочих в Думе. Демонстрируя поддержку безработных и т. д., к.-д. в этот период тщательно однако скрывают свои переговоры с правительством. В этом отношении интересно письмо ЦК к.-д. в редакцию «Русского слова», опровергающее якобы «слухи» о переговорах их с правительством.

Лживость этого письма разоблачена теперь рядом участников переговоров. Однако, считая еще необходимым скрывать свои закулисные сделки с властью от широких масс, кадеты уже в этот период открыто выступают в качестве «оппозиции его величества», считая недопустимым подрывать престиж правительства в глазах Западной Европы и «делать какие-либо шаги от имени партии», чтобы воспрепятствовать получению за границей того займа, который был использован правительством для разгрома революции.

Для тактики кадет этого периода, не выходившей, несмотря на все их демократические потуги, за пределы «оппозиции его величества», показательно их настойчивое стремление легализоваться во что бы то ни стало. В этом отношении интересен доклад Муханова о переговорах со Столыпиным по поводу легализации и разрешения очередного кадетского съезда. Этот доклад, записанный, очевидно, со слов Муханова, характеризует не только отношение правительства к кадетам, но также истинную сущность русского «парламентаризма». (Чего, например, стоит хотя бы фраза Столыпина в ответ на ходатайство Муханова о разрешении кадетского съезда: «Вы хотите, чтобы мы разрешили — ведь это слабость, а мы сильная власть!»)

Протоколы думской фракции от 4 июня 1906 г., накануне разгона I Думы, дают интересный материал о настроении и тактике кадет в ожидании предполагавшегося разгона Думы.

В высшей степени интересны протоколы, характеризующие тактику кадет после разгона Думы. Они свидетельствуют о резко-отрицательном (в подавляющем большинстве случаев) отношении кадетских лидеров к выборгскому воззванию, как нарушившему «парламентскую» тактику партии. Из выступлений кадет на выборгском процессе мы знаем, что выборгский манифест был принят кадетами с исключительной целью удержать народ от революционных выступлений, указать массам вместо революционного пути путь пассивного сопротивления. Известно, что уже на своем IV съезде в Гельсингфорсе кадеты принесли публичное покаяние в выпуске выборгского воззвания, признав его «политически нецелесообразным».

Печатаемые протоколы, относящиеся к послевыборгскому периоду, подробно характеризуют отношение к выборгскому воззванию как со стороны отдельных членов партии, так и со стороны губернских кадетских комитетов и кадетского ЦК. Они лишний раз подчеркивают, что для кадет выборгское воззвание никакого практического значения не имело, что даже члены партии, сочувствовавшие манифесту, не имели ни малейшей склонности проводить его в жизнь. «Вторую часть воззвания,—докладывал 2/VII 1906 г. на совещании ЦК с представителями губернских комитетов представитель Московского губернского комитета Головин, — все признают непрактичной и действующей вразрез с прежней тактикой партии. Особенно не одобряют призыва к отказу от отбывания воинской повинности, находя, что этим путем можно вовлечь население без пользы в тяжелые последствия». Представитель Петербургского комитета Федоров еще резче заявил, что

«фракция в Выборге зарвалась» и что «почти все в Петербурге против финансового бойкота». Неосуществимость финансового бойкота представитель Нижегородской губернии Ещин мотивировал тем, что в сочувствующей кадетам «торговой среде» перед Нижегородской ярмаркой невозможно даже вопроса возбудить о невыборке торговых свидетельств.

На следующем заседании, 3/VIII 1906 г., Родичев прямо заявил, что считает вопрос «похороненным», так как «нехватило пороху».

Что же касается отношения масс к выборгскому воззванию, то сами кадеты должны были признать, что выборгский манифест не удовлетворил масс, которые считают его недостаточно радикальным, что никакого революционизирующего влияния в деревне манифест не сыграл, и если крестьянство не будет платить налогов, то только «там, где и без того (т. е. до выборгского манифеста) не платили».

Для характеристики социального состава кадет очень интересны материалы деятельности финансовой комиссии при к.-д. ЦК. Даже в этот период, когда кадеты имели за собой большой мелкобуржуазный хвост, который они отбросили с изменением избирательного закона, финансы кадет складывались меньше всего за счет копеечных членских взносов городской мелкоты, а главным образом за счет крупных вкладов капиталистических тузов. Из них же состояла финансовая комиссия ЦК, включавшая таких представителей финансового капитала как крупнейший банкир Каминка, Рябушинский, Набоков, крупный помещик П. Д. Долгоруков. Отдельные члены финансовой комиссии и члены ЦК оказывали крупную финансовую поддержку к.-д. партии. Так, например в январе 1906 г. Петрункевич и Набоков дали ЦК ссуду в 15.000 руб. (постан. ЦК от 12/I 1906 г.). В. Набоков внес необходимую сумму на издание к.-д. «Еженедельника». Специально выделенная ЦК комиссия объезжала тузов финансового и промышленного капитала и крупных землевладельцев для сбора средств в кассу ЦК (постан. совещания ЦК от 6/VI 1906 г.).

В годы реакции органическая связь кадет с финансовыми кругами выявилась еще отчетливее, особенно при выборах в IV Госуд. думу, в которую кадетские депутаты прошли при активной поддержке банковского капитала.

Б. Граве.

Состав Центрального комитета партии народной свободы (конституционно-демократической) [1]).

Акчурин, Юсуп Асафович (г. Казань).
Васильев, Дмитрий Васильевич (СПБ, Кавалергардская, 2, кв. 3).
Вернадский, Владимир Иванович (Москва, университет).
Винавер, Максим Моисеевич (СПБ, Захарьевская, 25).
Выковский, Густав Викентьевич (Пушкинская, «Пале-Рояль»).

---

[1] В начале 1906 г. — Публикуемые материалы хранятся в Особом отделе Центр. Ист. Архива (фонд № 3667, д. д. № 27 и 33).

Гессен, Владимир Матвеевич (СПБ, политехникум).
Гессен, Иосиф Владимирович (СПБ, Мал. Конюшенная, 31).
Головин, Федор Александрович (Москва, губернское земство).
Гредескул, Николай Андреевич (СПБ, Николаевская, 22, кв. 15).
Кн. Долгоруков, Павел Дмитриевич (Москва, Мал. Знаменский пер., соб. дом).
Кн. Долгоруков, Петр Дмитриевич (СПБ, Сергиевская, 54).
Изгоев (Лянде), Александр Соломонович (СПБ, 3-я Рождественская, 9, кв. 2).
Каминка, Август Исаакович (СПБ, Лиговка, 87).
Кизеветтер, Александр Александрович (Москва, Моховая, д. Человеколюбивого общества).
Кишкин, Николай Михайлович (Москва, Средняя Кисловка, д. Корнилова).
Кокошкин, Федор Федорович (С.-Петербург, Таврическая, 19, кв. 14).
Колюбакин, Александр Михайлович (Кавалергардская, 2).
Корнилов, Александр Александрович (СПБ, Ковенский пер., 29, кв. 15).
Котляревский, Сергей Андреевич (СПБ, Гончарная, 14).
Ледницкий, Александр Робертович (СПБ, гостиница «Англия»).
Ломшаков, Алексей Степанович (СПБ, политехникум).
Лучицкий, Иван Васильевич (Киев, Левашовский, собств. д.).
Маклаков, Василий Алексеевич (Москва, Новинский бульв., д. Плевако).
Максимов, Александр Николаевич (Москва, Староконюшенный пер., дом Голеновской).
Мандельштам, Михаил Львович (за границей).
Милюков, Павел Николаевич (СПБ, ул. Жуковского, мебл. к. «Монрепо»).
Муромцев, Сергей Андреевич (СПБ, Николаевская, 4).
Муханов, Алексей Алексеевич (СПБ, гостиница «Англия»).
Набоков, Владимир Дмитриевич (СПБ, Адмиралтейская набережная, 10).
Новгородцев, Павел Иванович (СПБ, Знаменская, 15, кв. 35).
Петражицкий, Лев Иосифович (СПБ, Мошков пер., 5).
Петрункевич, Иван Ильич (Баскаков пер., 4, кв. 21).
Протопопов, Дмитрий Дмитриевич (СПБ, Таврическая, 25, кв. 7).
де-Роберти, Евгений Валентинович (Ст. Старица, Ник. ж. д.).
Родичев, Федор Измайлович (СПБ, Николаевская, 9).
Сабашников, Михаил Васильевич (Москва, Гагаринский пер., д. Ленгольд).
Струве, Петр Бернгардович (СПБ, Вознесенский пр., 31).
Тесленко, Николай Васильевич (Москва, Каретный ряд, 2).
Тыркова, Ариадна Владимировна (СПБ, 7-я Рождественская, 7).
Черненков, Николай Николаевич (СПБ, ул. Жуковского, 23, кв. 4).
Чубинский, Михаил Павлович (Ярославль, Демидовский лицей).
Шахматов, Алексей Александрович (Академия наук).
Кн. Шаховской, Дмитрий Иванович (СПБ, Госуд. дума).
Шершеневич, Гавриил Феликсович (СПБ, Таврическая, 5).
Щепкин, Евгений Николаевич (СПБ, Выборгская стор., Симбирская ул., 12).
Щепкин, Николай Николаевич (Москва, Неопалимовский пер., соб. дом).
Якушкин, Вячеслав Евгениевич (СПБ, Кузнечный пер., 5, кв. 4).

Центральный комитет партии помещается в г. С.-Петербурге, Сергиевская, 83, клуб. к.-д. партии.

Отделение ЦК имеется в г. Москве — Воздвиженка, д. Азанчевского, кв. 14. Денежная корреспонденция адресуется на имя казначея ЦК А. И. Каминка (С.-Петербург, Лиговка, 87).

Протокол заседания ЦК 21 октября 1905 г. (вечером [1]).

Есть пожертвования, которые даны на условии, чтобы они не шли на вооруженное восстание и т. п.

Комиссия к.-д. партии для воспособления забастовщикам и нуждающемуся населению, пострадавшему от забастовки.

Предложение Т е с л е н к о: 1) сходиться ежедневно; 2) не воздерживаться от сношений с властями предержащими по поводу тревожных событий; 3) совещаться с членами думы [2]) своего толка.

Ш а х о в с к о й думает, что делать ничего особенного не следует. 1-е дело: конституирование. 2-е дело: организация земского дела. 3-е: 6-го же ноября крестьянский съезд (24/X — совещание).

4) Проявлять свою деятельность лично, но не от партии.

М а н д е л ь ш т а м согласен с Шаховским. Надо умерять, а это мы не в силах.

С о в е щ а н и е о способах обеспечения безопасности.

М а н д е л ь ш т а м:

1) О клубе к.-д. партии в Литературном художественном кружке (2 комнаты, раза в неделю).

2) Лекции по партийным вопросам в Литературном кружке.

В клубе должен быть дежурный член нашего комитета.

Вопрос о лекциях. Лекторы: Новгородцев, Кокошкин, Котляревский, Кизеветтер (задачи партии, программы, тактика), Фортунатов.

Издание материалов съезда передано в комис. к-сию [3]).

Письмо секретаря ЦК к.-д. партии редактору «Русского слова» [4]).

Милостивый государь г. редактор.

В № 276 «Русского слова» от 21 сего октября напечатано, что будто бы собрание важнейших представителей к.-д. партии, происходившее в доме кн. П. Д. Долгорукова, отправило по приглашению гр. С. Ю. Витте в Петербург своих делегатов. В видах восстановления истины не откажите напечатать в ближайшем № вашей газеты, что ни учредительный съезд к.-д. партии, ни Центральный ее комитет не получали никаких приглашений от гр. Витте, ни в какие переговоры с правительством не вступали и никаких делегатов в Петербург не посылали.

Примите, м. г., уверение в совершенном почтении.

Член-секретарь Центр. комитета к.-д. партии

А. К о р н и л о в.

---

[1]) Воспроизводится с черновика, написанного карандашом.

[2]) Городской.

[3]) Так в подлиннике.

[4]) Воспроизводится с отпуска. Дата отсутствует.

Протокол заседаний ЦК 13 и 14 ноября 1905 г. [1]).

13/XI.

1) Об организационных вопросах.

Шингарев по вопросу. Вопросами съезда будут не программные, а по тактике, и с крестьянами придется об этом толковать: напомнил свои указания о программе, что надо на 1-й план выдвинуть частновладельческие земли.

2) Свечин. К.-д. может теперь встретить в Черниговской губ. успех: надеется на переход некоторых из крайних групп к нам. Акцизный банкет в Чернигове. Черниговские крестьяне будут довольны аграрной программой. Черниговские крестьяне — индивидуалисты. Собственность не только средство для жизни, казаки боятся за свои земли, и они беспокоятся относительно судьбы своих земель. Тоже крестьяне. Крестьяне на губ. комитете настаивали на допущении продажи крестьянских земель. Название партии мешает. Демократы — это в народном трактовании — хулиганы и грабители.

Линд. Пришли почти к социалистическим решениям. Вопрос, как быть с программой.

Долгоруков. Изложил Курскую схему: 2 земца, 1 горожанин, 3 крестьянина и освобожденцы. Индивидуализм хохлов. Решение аграрного вопроса предоставлено народным представителям. Движение приговоров о правах. Прудников — сын патриарх. семьи — разъездной агент по 3 волостям (действовал, испросив благословение отца и помолясь). О газете. (Комбинация «Бирж. ведомостей».)

Трубецкой. Обязательность программы затрудняет деятельность на местах. Совещание в Киеве с духовенством. Священники после беседы с Трубецким и Булгаковым просветлели. Могущественный орган пропаганды. Священники — реальные политики. Надо иметь орудие для борьбы с радикалами на случай крика: долой попов. Для них нужно не это — нужна аграрная программа; некоторым аграрная программа показалась слишком умеренной. Царский сан не признают непререкаемо священным. Форма правления безразлична. Нужно освободить от бюрократии, необходима перестройка церкви на демократических началах.

Шаховской. Освобожденская группа в Ярославле была слабая. Важнее была подготовительная работа к областному съезду 5 северных губерний. Состав был не партийный, а всесословный, крайние партии почти все отказались. Обсуждена была программа «Освобожде-

[1]) Воспроизводится с подлинника, написанного карандашом.

ния» у ярославских делегатов. Устав сходный с московскими городскими группами. Необходимо иметь в виду, из какой среды формируется партия: в Ярославле 2-го элемента мало, 3-й элемент, в наиболее передовой части, ушел. В уездах еще кое-где при хороших управах есть служащие-конституционалисты, но в губернии только малодеятельные вступили. Крестьяне в незначительном числе.

Профессора — молодая группа. Адвокаты. На собраниях бывали разные лица, даже воинский начальник. Финансы. — Это показатель серьезности интереса. Членский взнос миним. 1 р. 20 к. в год — сверх этого добровольно. О газете. «Сев. край» — партийный орган. Митинги обширные, но главные организаторы — соц.-демократы. Были лекции с прениями, тут соц.-демократы иногда бывали побеждаемы.

Новосильцов. Кардинальный вопрос — вопрос аграрный — в этом все; без его решения будем висеть в воздухе.

Долгоруков — о дисциплине.

Токарский. Организация местная должна быть предоставлена местным деятелям. Группа правового порядка. Особенно вопросы тактики должны быть решаемы на местах. Установление связи ЦК с губ. Общие тактические вопросы. Не только привлекать, но отвлекать от других групп.

Оболенский. Избирательные комитеты под флагом земского съезда, так как к.-д. партия не была образована. Освобожденское собрание оказалось неудачно, и пришлось собрать другое собрание через газеты. Важность агитации среди крестьянских масс.

Киндевейн. Выбран комитет и даже делегаты на съезд, хотя конституировалась группа только из городских элементов. Белосотенцы (?). Следует ли вступать в борьбу с программами крайних партий. Нижегородцы думают, что нет.

Свечин. В Чернигове избират. комитет в Булыгинскую думу. На митингах действовали только крайние партии. На епархиальном съезде в Чернигове принята радикальная программа. О. Бургов — христ. соц. Архиерей его сместил из председателей съезда. В Городн. уезде было собрание при посредстве экономического совета.

Хоментовский. Не идут ни частные землевладельцы, ни крестьяне. По аграрной программе против «в потребных размерах»; нужно или все или ничего.

Удинцов. Экономические отношения в Пермской губ. чрезвычайно разнообразны. Внесет особую записку по аграрному вопросу. Просит командировку на Урал.

Попов. Собрания избирательных комитетов до 100 чел. К.-д. программа имела успех, поддерживали ее и с.-р., но после манифеста 17/X социалисты пошли резко влево. Можно иметь успех, лишь вы-

ставляя нашу программу, как программу-минимум. Национализация земли — факт. Областным союзам надо предоставить самостоятельность ввиду дальности расстояния. «Вост. обозрение» — орган к.-д.

Файвишевич. Терская обл. Там господствуют, с одной стороны, казаки и епископ, а с другой — крайние партии. Только типографские рабочие не дали напечатать в «Ведомостях» воззвание епископа. Курсы прекращены после 17/X. Реакция. Аграрная программа. Там национализация земли ограбила [бы] народ. Подать, не предусмотренная законом, но отчаянная — «за доведение следов». Надо обеспечить свободу действий через ЦК (послать резолюцию общеземского съезда наместнику). Название партии. (Казаки пошли бы за кн. Трубецким, и через них надо доставлять «Освобождение» и др. газеты.)

Овчинников. Базой действий должно быть крестьянство и интеллигенция. Сейчас же образовать губ., уездные и волостные комитеты, не стесняя их утверждением центра. Надо отмежеваться и не давать смешивать себя с республиканцами.

Карауло в. Дает подробный доклад комитету. Принимают всякого человека без баллотировки, не принимаются только лица позорящие. Законодательная власть принадлежит клубу (по баллотировке), а исполнительная комитету. В программе акт не разойдется с нами; но в тактике — очень направо. Лозунг крестьян — свобода, бог и царь, городское население добавляет порядок, как реакция против забастовок. База: крестьяне, рабочие, городское население. Рабочие, утомленные диктатурой крайних партий.

Стахович. Крестьяне не согласились подписать программу из-за неопределенности аграрной программы, хотя и объявили себя союзниками.

Шингарев. Необходимо держаться не на принципе рекомендации, так как он не демократичен, а принимать всех путем записки. Все члены комитета в Воронеже принимают записку членов без ограничения. Против § 16 устава.

Шаховской разъяснил.

Филатьев. Аграрную программу необходимо пересмотреть. Группа в Урюп. слоб. намечена еще с сентября. Необходимо освободить от обязательности сношения местных комитетов через губ. комитеты. Это было введено в силу манифеста 6/VIII.

Шаховской разъясняет.

Линд возразил Шингареву о порядке приема членов.

Свечин поддерживает Филатьева. Взносы в этом случае делить по числу уездов, предлагает систему рекомендаций.

Долгоруков о необходимости регистратуры членов.

Хоментовский полагает, что прием членов должен быть по избирательным округам.

Оболенский. Вся эта система — пережиток конспиративной системы «Освобождения».

Милюков за различение кадров и общей массы партии. Об органах.

Присецкий. В Полтаве каждому желающему предоставлено вступить, но они должны лично подписаться и предоставить имя его опубликовать в «Полтавщине».

Овчинников. Против централизации. Оговорить, что если губ. комитет не образуется, то предоставить им сноситься прямо с центром.

Свечин требует практического руководства (издание его). В тех губерниях, где имеется несколько районов, там ЦК, по представлению губ. комитета, утверждает это разделение.

По вопросу о способах приема предоставляется местным комитетам свобода действий.

Свечин. О газетах к.-д. партии.

14/XI.

Зубрилин. Не удовлетворен программой не потому, что нет национализации земли, а потому, что не выражено ясно, что мы направляемся в сторону интересов трудящихся масс. С ней можно однако же выходить в народ. О своих волоколамских опытах, о том, что в партию должны входить крестьяне — чтобы не менее 1 делегата от крестьян на съезд. Против привлечения духовенства, — церковь — не политика и это очень опасно, — оно потеряло всякий кредит.

Хижняков. Теперь можно привлечь к партии средних людей, ранее не участвовавших в движении. Нужно инструкцию в руководство губ. комитетов. Национализация земли противоречит идеям малорусского населения. Духовенство пойдет нам навстречу. О газете. Желательно газету в провинции поддержать.

Щербина. О том, что газеты предполагаются. Удачный ход пропаганды идей к.-д. среди крестьян Кубанской области. Крестьяне предлагали Щербине кандидатуру на условиях программы единого налога. Он предложил им вместо того прогрессивный налог, и они приняли. В пограничных с Гурией местах крестьяне присягали, будто бы, анархии. В Кубанской области рознь между казаками и пришлым населением. Погромы при содействии полиции. Молодые казаки — неопределенно. Казаки второй очереди, ввиду того, что они оторваны теперь незаконно от хозяйства, обозлены и теперь грабят, что ему подсказано черносотенным начальством. Духовенство никуда не годится.

Напротив, сектанты могут быть употреблены в дело. Название должно быть изменено: народная партия, а члены — народники.

Программу надо переработать, особенно для разных мест — аграрную.

Макушин. В Томске могут проходить только люди правее нашей программы. Областной принцип не глубоко внедрен в население.

Присецкий. Украинская демократическая партия в Полтаве. Она очень широко распространена. Условием ее слияния с нами является скорейшее разрешение федералистического вопроса. Наша аграрная программа принимается населением охотно. Надо назвать партию народной. Газету Центр. комитет должен был бы издавать для интеллигенции, а народные газеты должны издаваться на местах.

Пищиков (Омск). Аграрная программа для местных условий (особенно для киргизов) не пригодна. Важность распространения литературы. В состав партии приходится привлекать чиновников и духовенство.

Буниханов. Земли киргизов, казачьи — юртовские, войсковые, офицерские. Последние продаются, и на них селятся разные пришельцы ради овцеводства. Правительство старается отнять у киргизов землю. Отсюда аграрный вопрос. Необходимо определенно высказаться по этому вопросу. Тоже есть кабинетские земли, издавна (б. 100 лет) занятые киргизами.

Жуковский (Уфим. губ.). Уфимское население относилось пессимистически ко всякому освободительному движению. Есть прогрессивные группы, которые на бумаге пишут либеральные вещи, но население к ним равнодушно. Можно составить только коалиционные группы, которые будут более или менее примыкать к вашей программе. Несмотря на то, что земли много и дворяне охотно всегда продавали ее крестьянам, все же лозунг населения: крестьянам земля и воля. Им своей земли мало, потому что они очень невежественны.

Лопацинский (Виленская губ.). Землевладение у крестьян подворное. Перекупщики, из русских занимавшиеся парцеляцией. Почвы для национализации земли нет. Население примкнет к нам, если программа будет более определенно выражена в смысле возможности прирезок. Следует дополнить программу по вопросу областному. Православное духовенство не имеет доверия — это б. униаты. Католическое духовенство имеет огромное влияние на крестьян и присоединится к нашей партии. Очень подходит газета «Бирж. вед»., 2-е издание. Название партии лучше — народническая партия.

Винавер. Аграрная программа должна быть приноровлена к разным местностям. Просит сообщить комитету соображения не позже 3-х недель, чтобы комитет мог разработать это к съезду.

Муханов, Филатьев и др. предлагают вопрос аграрный предоставить усмотрению местных групп.

Милюков предложил выработать особую крестьянскую программу. Я против Милюкова и о значении программы-минимум. (Родичев со мной согласен).

Линд. Следует из программы брать то, что нужно для каждой местности брать. Популярное изложение основных частей программы, но популяризацию надо предоставить губ. комитетам.

Об отношении к программе и о партийной дисциплине.

Жуковский. Какая дисциплина? Русская или японская? Мы должны принять — японскую. Свободу выбора (?)

Караулов. О коалиц. значении программы. Просит разрешения остаться Краснодарской группе при той программе, которую выработали — до пересмотра на праве. [1])

Родичев. Нас связывает не долг, а принцип — принцип права. Направить движение мысли и интересов — в форму права. Этим решается и вопрос дисциплины.

Свечин. Тактика — организов. беспорядок; но перейти к этому можно только, когда мы будем достаточно дисциплинированы. Крестьяне должны широко принимать участие.

Муханов согласен со мной.

Врублевский. Русских к.-д. в Западном крае почти нет. Но есть прогрессисты, они должны войти в состав ближайшей к нам русской партии. Может быть, они идут несколько дальше с разрешением вопроса рабочего. Есть литовская партия — у нее широкая автономия. Есть еврейская демократическая партия — она далека и от Бунда и от сионизма. Надо устроить, чтобы эти партии слились вместе и имели на выборах общих кандидатов. Особые совещания по национальным вопросам (коло).

Винавер. Предлагает рассмотреть сегодня вопрос о методах крестьянской пропаганды.

Вопрос о представительстве крестьян на съездах.

Присецкий. В волостях легко, в уездах труднее, а в губернских совещаниях уже очень трудно; в Москву же из некоторых губерний почти невозможно.

---

[1]) Так в подлиннике.

О в ч и н н и к о в. Тоже думает, что требовать этого нельзя. Язык для крестьян должен быть совершенно иной.

У д и н ц о в. Классифицировать по сословиям представителей не следует.

Т в е р с к о й — по вопросу тоже против крестьян — по невозможности вести с ними разговор (Червен-Водали).

С в е ч и н думает, что мысль Зубрилина тоже при этом не осуществится («с панами посидели и панское тянет»).

З у б р и л и н считает все высказанное несущественными отговорками, он находит, что проникновению крестьян в партию мешает сам устав ходом организации партии сверху вниз.

С в е ч и н. Разделяет тенденцию Зубрилина, но не признает возможности сделать это путем обязательной регламентации, а лишь желательным — иначе мы введем бутафорских крестьян.

А г и т а ц и я с р е д и к р е с т ь я н.

Можно ли поручать это дело студентам?

З у б р и л и н — против.

С в е ч и н понял Шаховского так, что нужно не столько агитация, сколько просвещение: только это и может быть устраиваемо из центра, а остальное — агитация — должно быть делаемо местными деятелями. Нужна умелость, и тогда крестьяне прекрасно схватывают основные положения, упуская лишь прикрасы. Студентов не очень-то слушают и вывод делают, даже при революционной пропаганде, свой собственный.

Л и н д. Желательны, конечно, лекторы в провинции. Другое дело по деревням. Студенты и другие молодые люди должны быть посылаемы в деревню не иначе как через местные комитеты.

У д и н ц о в рассказывает, что он, имея кредит в 1000 р. на лекции, пригласил для этого лектора из местных по деревням, но важны лекторы авторитетные.

Ч е р в е н - В о д а л и присоединяется к Линду. Тверская дума устраивает такую аудиторию. Кроме того нужны воззвания и вообще литература.

О в ч и н н и к о в. На местах везде также возможно образовать комитеты. Пропаганда может вестись так, как в Вятке. Там составилась группа человек в 20, разделившая уезд по частям, и сейчас же после 17/X поехала по деревням. То же сделали и представители революционных партий, почему важно было не зевать. Теперь же комитет может быть и расширен.

Д о л г о р у к о в напомнил, что сегодня в одной подмосковной фабрике читает Маклаков, но вообще рассылать лекторов трудно.

Курский комитет требует составить библиографический указатель для облегчения местных лекторов.

Свечин поддерживает Долгорукова, но оттеняет преимущество лектора со стороны. Желательно знать список лекторов в центральных пунктах и их условия.

Филатьев. Кроме лекций надо, чтобы лекторы обладали талантом организатора.

Присецкий желал бы, чтобы прочитанные лекции печатались и рассылались. Сельско-хоз. общества, крестьянские и др.

Свечин указывает, что надо утилизировать способ, указанный Овчинниковым.

Файвишевич.

Удинцов. Пропаганда на земских собраниях, особенно губернских, и было бы желательно разослать лекторов на губернские собрания.

Хижняков. Листки за подписями лиц, известных населению.

Свечин указывает, что листки вообще дискредитированы, важнее газеты. Желательна и газета для народа центральная. Нужны для этого таланты, местные газеты могут по ней равняться.

Зубрилин. То же. Центр. комитет должен издать маленькую брошюру с противопоставлением своей программы программам других партий.

Свечин. Газета должна называться не крестьянская, а народная.

Присецкий. Газета должна быть на паях.

Тверской голова. Желает привлечь земство и город для пропаганды против черносотенных «Губ. ведомостей».

Свечин. Против ассигнования земств и в дополнение к паям организовать предварительную подписку.

Зубрилин находит, что левые партии также уже не союзники, и теперь легче добыть средства на борьбу с левыми партиями. Ergo пожертвования.

Свечин. Требуется положительное направление, чего пока не было.

Протокол заседания ЦК 23 ноября 1905 г.

Серг. Ив. Шаховской доложил о действиях комиссии по содействию забастовавшим рабочим, освобожденным ссыльным.

О пособии 3000 руб. почтово-телегр. союзу. О публиковании отчета о расходе сумм комиссии на помощь амнистированным и забастовавшим рабочим.

О сборе в пользу почтовых чиновников — отклонено по несвоевременности.

О распределении пособий амнистированным.

Влад. Ив. [1]) полагает, что нет надобности упоминать в отчете о распределении при помощи партий.

О лекционном деле.

На другой день после земского бюро собрать заседание Центрального комитета.

Мандельштам. О разгромах партии везде (крестьяне не верят). Войти в гущу крестьянского вопроса и иметь представителей на съезде из крестьян.

Тесленко. Выбросить интимный характер заметки о мире (Милюкова).

Ник. Ник. [2]). Не время борьбы с крайними партиями. Кто хочет бороться с революцией, тот должен выйти из партии. По-моему, не из партии, а из политической жизни.

Протокол заседания ЦК 7—21/XII 1905 г. [3]).

В редакционный комитет для рассматривания брошюр избраны А. Н. Максимов, В. Е. Якушкин, А. А. Корнилов, Д. И. Шаховской, С. А. Котляревский, Н. Н. Львов, В. И. Вернадский, М. В. Сабашников, П. И. Новгородцев, Ю. Г. Топорков.

О штемпеле к.-д. на некоторых изданиях: не ставить.

О библиографическом указателе: решено поручить комиссии в усиленном составе, избрав представителем В. Е. Якушкина.

(О провокации правительства. О том, что мы приняли забастовку, как политическое орудие. О том, что цели забастовки мы сочувствовать не можем. Мы должны были предупредить забастовку. Львов. О санитарных и благотворительных действиях речь впереди. Защита правительства С. А. Котляревским. Отвратительное впечатление от сочувствия забастовщикам. О партийной дисциплине. Об интересах партии. О сочувствии забастовкам и забастовке — глупость вековая, если мы промолчим. Между Якушкиным и мной, я думаю, нет большой разницы. Как страус. Аналогия с 81 г. Неизбежность поражения) [4]).

---

[1]) Повидимому, Вернадский.

[2]) Повидимому, Щепкин.

[3]) Так в подлиннике, написанном карандашом.

[4]) Заключенное в скобки зачеркнуто в подлиннике.

Обвинительный акт правительству. Сочувствие доведенному до крайней меры народу, которому приходится в этом случае итти за чужим ему лозунгом.

В. А. [Маклаков] за переговоры с Дубасовым.

С. А. [Котляревский] за бюллетени.

В. И. Вернадский думает, что следует листок: 1) нашу резолюцию; 2) отношение к думе, 3) созвание всех сознательных групп. 4) печатать хронику нашей партии.

Н. Н. Щепкин. Публика не пошла направо, она скорее относится с любопытством и с симпатией. Движение теперь стихает постепенно, а в следующий раз оно может быть организовано, и мы можем принять в этом участие, и тогда будем держать в своих руках.

П. Д. Долгоруков. Листок можно издать, но он бесполезен. Надо обратиться к революционерам, чтобы они прекратили.

В. И. [Вернадский]. Настаивает на своем.

М. Л. [Мандельштам.] Меньшевики не розово смотрят, пытались проникнуть в казармы, но это не удалось. Считают, что 2 дня победа была моральная.

Вчера определенно было решено поддерживать, я не сочувствую. Мнение социал-демократов о нашем отношении к забастовке.

Недостаточно активно выступаем.

Неопределенного сочувствия к крайним партиям не надо. Ссылка на П. Б. Струве.

Переход к очередным делам.

Баженов. Согласен.

Выписки из постановлений ЦК от 12 января — 5 апреля 1906 г.

От 12/I 1906 г. № 14.

Занять для покрытия расходов по деятельности партии 15 000 руб. и просить подписать для этой цели вексель И. И. Петрункевича и кн. Павла Д. Долгорукова сроком на 1 июня 1906 года. Заботы по учету векселя принял на себя И. В. Гессен.

От 12/I 1906 г. № 16.

Организация рабочей комиссии, учрежденной 2 съездом, поручена П. Б. Струве, в составе членов: Фридмана, Франка, Бужанского, Чупрова, А. А. Дэна, Виноградова и Николаева.

От 12/I 1906 г. № 18.

Просить Струве и Шершеневича выработать и представить к заседанию 22 января проект соглашения с другими партиями для проведения некоторого числа представителей от рабочих в Госуд. думу.

От 12/I 1906 г. № 21.

Назначить на 23 января и следующие дни в Москве ряд собраний с систематическим изложением программы партии для лиц, занимающихся агитацией в Москве и в провинции. Поручить секретариату известить об этом представителей тех городов, из которых могут прибыть на курсы, и в качестве лекторов пригласить В. М. Гессена, Милюкова, Струве, Шершеневича, Кокошкина, Герценштейна, Фридмана и Родичева.

От 16/I 1906 г. № 27.

Выдать А. А. Евдокимову 50 рублей для передачи кружку рабочих, организующих профессиональное рабочее движение.

От 22/I 1906 г. № 30.

По вопросу об исполнении постановлений 2 съезда относительно предоставления депутатских полномочий представителям от рабочих войти с запросом в местные комитеты. Выработку этих вопросов поручить Н. Н. Черненкову и Д. И. Шаховскому.

От 5 и 6/II 1906 г. № 46.

Обсудив в присутствии представителя мусульманского съезда г. Акчурина те пункты программы партии, которые встречают некоторые возражения со стороны мусульман, комитет нашел, что возражения эти основаны на недоразумениях, которые могут быть устранены путем простого разъяснения программы, а именно:

1) из сопоставления ст. 12, 51 и 55 программы с очевидностью вытекает, что партия стоит за полную свободу преподавания и, в частности, за преподавание в начальных училищах на родном языке. Поэтому требование обязательного обучения нельзя понимать как требование обучения на русском языке и в школах, устраиваемых по указанию центрального правительства. Пункту программы об обязательном обучении в начальной школе соответствует и обучение в школе на родном языке местного населения и в школах, устраиваемых сообразно с особыми требованиями последнего.

2) Не считая возможным вводить в программу партии указания на устройство особых участков для подачи голосов женщинами-мусульманками, где бы они могли удостоверить свою личность в отсутствии мужчин, так как указание технических приёмов не подлежит включению в программу, комитет находит, что подобная организация подачи голосов не противоречит нисколько программе партии, а напротив находится в полном соответствии с ней, так как облегчает для части населения подачу голосов и таким образом приближает выборы к началу всеобщности.

От 5 и 6/II 1906 г. № 52.

П. Б. Струве сделал сообщение о занятиях рабочей комиссии: ею почти закончено составление: а) воззвания к рабочим о необходимости принять участие в выборах, б) приглашения примыкать к партии и в) записки по рабочей программе партии.

От 11/II 1906 г. № 68.

Признано желательным войти в сношения с представителями старообрядцев до назначенного 22 февраля их съезда. Муромцеву и Шаховскому поручено выяснить этот вопрос с Кишкиным и Угрюмовым.

От 19 и 20/II 1906 г. № 71.

По вопросу о взаимной поддержке и блоке с другими политическими партиями и группами комитет признал, что временное соглашение о взаимной поддержке на выборах возможно лишь с такими группами и партиями, которые требуют конституционного государственного устройства на основе всеобщего избирательного права. В случае невозможности проведения на выборах кандидата конст.-дем. партии или кандидата, намеченного путем соглашения с другими партиями, желательно отдавать предпочтение на выборах лицам прогрессивного направления.

От 19 и 20/II 1906 г. № 72.

По вопросу о предоставлении депутатских полномочий в Государственной думе представителям рабочего класса комитет нашел, что поддержка со стороны конст.-дем. партии при проведении на выборах кандидата от рабочих может быть оказана только при наличности в составе выборщиков от рабочих таких представителей, которые требуют конституционного государственного устройства на основе всеобщего избирательного права.

От 19 и 20/II 1906 г. № 81.

Обращение к рабочим от имени ЦК, прочитанное П. Б. Струве, одобрено, а воззвание об участии в выборах постановлено напечатать в виде издания «Народного права».

От 5/III 1906 г. № 84.

Выслушав присланные местными комитетами мнения по вопросу об участии в выборах членов Государственного совета, отрицательные — от Киевского, Ярославского, Орловского, Костромского и положительные — от Одесского, Владимирского и Ржевского, и мнения комитетов Московского и Петербургского против участия партии, как таковой, но с сохранением права участия за отдельными членами партии, комитет постановил разослать в местные комитеты телеграмму следую-

щего содержания: «Относясь безусловно отрицательно к новому учреждению Государственного совета и отказываясь от организованной партийной агитации по выборам в это учреждение, ЦК конст.-дем. партии не считает однако возможным рекомендовать отдельным членам партии воздержание от участия в выборах, а равно от принятия звания члена Государственного совета».

От 5/III 1906 г. № 91.

По вопросу о финансах постановлено: 1) денежные отчеты о поступлениях взносов от группы пока в «Еженедельнике» не опубликовывать, а воспроизводить на гектографе и рассылать местным комитетам; 2) о более крупных пожертвованиях отдельных лиц публиковать в «Еженедельнике»; 3) о движении сумм по кассе партии представлять к каждому заседанию ЦК отчет; 4) в раскладку, произведенную на 2 съезде на первое полугодие сметного 1906 года, в сумме всего 36 900 руб., внести следующие изменения: а) исключить из нее Уральскую и Акмолинскую область и Уфимскую губернию, всего на 500 руб., б) полугодовые взносы уменьшить по Тульской губ. с 500 руб. до 300 руб. и для Тамбовской губ. с 1 000 р. — до 500 руб., всего на 700 руб., в) вновь образованные группы обложить следующим сбором: Бакинскую губ. — 500 р., Пензенскую и Тифлисскую губ. — по 300 руб., Могилевскую — 200 р., Ковенскую городскую, Пинскую уездную, Семипалатинскую областную и Грозненскую городскую группы — по 100 руб., а всего на 1 700 руб., вследствие чего общая раскладка увеличивается на 100 р., г) согласно ходатайства Варшавской группы, признать ее обязательства по 1 февраля покрытыми за взносом ею 50 руб.

От 5/III 1906 г. № 92.

Поручить секретариату рассылать выборщикам из крестьян и корреспондентам секретариата непосредственно или через местные группы агитационную литературу и газету «Народное дело», не стесняясь суммой, из статьи сметы на операционные поездки.

От 5/III 1906 г. № 96.

По поводу возбужденного некоторыми членами партии вопроса о выяснении физиономии партии в иностранной печати и об опубликовании в ней случаев административных стеснений признано, что партия как таковая не должна обращаться к общественному мнению Западной Европы с целью подрывать при ее помощи престиж правительства.

От 19/III 1906 г. № 101.

В. Д. Набоков заявил, что он готов внести необходимую по смете, утвержденной съездом, сумму на издание «Еженедельника». Комитет выразил благодарность В. Д. Набокову за пожертвование. Некоторые

вопросы, касающиеся издания «Еженедельника», постановлено обсудить при участии секретаря редакции А. Ю. Блох.

От 19/III 1906 г. № 107.

По вопросу о легализации партии в связи с новым законом об обществах 4 марта признано необходимым: 1) принять меры против возможной приостановки действий органов партии по новому закону, 2) добиваться отсрочки подачи заявления, 3) поручить С. А. Муромцеву совместно с Петербургским отделом ЦК разработать проект устава партийной организации и принимать все меры, которые по их мнению окажутся необходимыми для обеспечения непрерывности деятельности органов партии, и 4) специальное заседание по рассмотрению данного вопроса назначить на вторник 21 марта в 7½ час. вечера в помещении Технического училища и 5) с заявлением о существовании политического общества, преследующего цели партии, если такое заявление сочтено будет необходимым, обратиться к петербургскому, а не московскому градоначальнику, 6) рассматривать органы партии как одно всероссийское политическое общество, а не как совокупность отдельных обществ губернских.

От 29/III 1906 г. № 111.

С. А. Муромцев сообщил о ходе переговоров по вопросу о легализации и о посещении им для исходатайствования отсрочки, совместно с В. Д. Набоковым, министра внутр. дел 22 марта.

Доложена телеграмма И. В. Гессена о том, что министр внутр. дел категорически отстранил вопросы о легализации до третьего съезда партии 21 апреля. Поручено запросить петербургских членов, имеется ли письменное разрешение министра внутр. дел, и вместе с тем сообщить во все местные группы о продлении срока для заявления о партийной организации и предупредить группы, что все хлопоты по легализации органов партии, как всероссийского союза с отделениями, принимает на себя ЦК. Поэтому легализация отдельных местных комитетов излишня.

От 29/III 1906 г. № 112.

По предложению некоторых членов партии обсуждался вопрос, насколько закономерен и допустим предстоящий внешний заем до созвания Госуд. думы, и не следует ли партии противодействовать его заключению. ЦК относится вполне отрицательно к означенному займу и, находя его крайне вредным для интересов страны, признал однако невозможным (единогласно) делать какие-либо шаги от имени партии для того, чтобы воспрепятствовать займу.

От 29/III 1906 г. № 113.

Продолжительное обсуждение вызвал вопрос о подготовке материалов по разработке аграрного законопроекта. М. Я. Герценштейн сообщил о деятельности аграрной комиссии. Из обмена мнений выяснилось, что аграрный вопрос выдвинут, по обстоятельствам времени, на первый план и что от постановки аграрного вопроса в Государственной думе будет зависеть дальнейшая судьба народного представительства. Необходимо возможно скорее определить основные тезисы аграрной реформы и разработать общие положения аграрного законопроекта для внесения его через членов партии на обсуждение Государственной думы. Поэтому подготовка материалов, необходимых для разработки аграрного законопроекта, должна составить самое важное и неотложное дело как образованной при ЦК особой аграрной комиссии, так и местных партийных организаций. На местах необходимы не только возможно быстрое собирание необходимых для аграрной комиссии сведений и материалов, но и организация совещаний по земельному вопросу с группами местного населения, особенно с крестьянами. ЦК нашел необходимым по телеграфу обратиться во все местные комитеты с просьбой сообщить в аграрную комиссию все нужные материалы к 10 апреля, ранее третьего съезда партии в Петербурге организовать в Москве совещание по аграрному вопросу, при участии делегатов от местных групп и комитетов, для ускорения получения аграрной комиссией нужных для нее сведений командировать на места особых лиц, которые бы организовали при местных комитетах особые аграрные комиссии.

От 29/III 1906 г. № 114.

Оживленный обмен мнений вызвал вопрос о характере дальнейшей партийной работы местных групп и комитетов в последующий послевыборный период. Нет никакого сомнения, что деятельность партийных организаций отнюдь не должна ослабевать, а наоборот все более и более развиваться и захватывать наиболее широкие слои населения. Партия должна готовиться повсеместно к предстоящим в недалеком будущем новым выборам, в которых более активно будут участвовать все слои населения, крестьянство и трудящаяся масса. Особенное внимание поэтому в партийной работе должно быть обращено на эти классы населения и на те местности, где деятельность партии не была достаточно развита. Было высказано, что попрежнему крайне желательно в интересах партийной организации устройство публичных собраний, лекций, митингов, но что необходима также работа и в небольших кружках и группах. В этих целях необходима организационная работа по образованию профессиональных групп и союзов, образовательных

обществ и т. д. Признано необходимым по указанному вопросу внести доклад на предстоящий съезд; разработка тезисов к докладу поручена Н. В. Тесленко, А. А. Кизеветтеру, Н. М. Кишкину и П. И. Новгородцеву.

От 5/IV 1906 г. № 131.

Обсуждался вопрос об оказании содействия членам Думы из крестьян по части ориентирования их в новом их положении и о способах привлечения их в партию. Предложено было устроить ряд лекций для них между 10 и 14 апреля, но это предложение признано было неудобным, а решено было вообще позаботиться об устройстве лекций для мало подготовленных членов Думы во все продолжение сессии Госуд. думы. Вместе с тем поручено секретариату выяснить, по возможности 8 апреля, физиономию крестьянских депутатов в губерниях 1-ой очереди. По вопросу о доставлении депутатам из крестьян возможных технических и хозяйственных удобств решено: а) уплату прогонов или ассигнование особых авансов комитету брать на себя в виде общего правила не следует; б) организовать в Петербурге особое бюро для подыскания удобных и дешевых квартир, для чего пригласить также особого человека, рекомендованного А. С. Медведевым, который и взял на себя приглашение этого человека; в) признать необходимым скорейшее устройство партийного клуба в Петербурге на самых демократических основаниях и непременно с самой демократической обстановкой.

От 5/IV 1906 г. № 134.

По поводу газетных известий о представлениях, сделанных членами парижской к.-д. группы французскому правительству по вопросу о займе, поручено секретариату напечатать в газетах опровержение в редакции, доложенной комитету Д. И. Шаховским, и текст этого опровержения сообщить по телефону в петербургские газеты, а в редакцию «Речи» передать его по телеграфу.

Постановления Центрального комитета.

Заседание 6 мая 1906 г. (пленарное).

1) За отказом В. Д. Набокова от должности товарища председателя ЦК, избран на эту должность единогласно закрытой подачей голосов П. Н. Милюков.

2) Вопрос об организации секретариата ЦК в Петербурге передан на обсуждение самого секретариата (т. е. А. А. Корнилова и Н. Н. Черненкова) с участием П. Н. Милюкова.

. . . . . .

4) Решено образовать в Москве постоянный отдел ЦК из проживающих в Москве членов ЦК под председательством кн. П. Д. Долгорукова, с особым секретариатом, на содержание которого ассигновать до 275 р. в месяц. Главной задачей московского отделения поставить агитационную деятельность и пропаганду партийной программы в провинции и для этого сосредоточить в заведывании означенного отделения а) устройство лекций, бесед, лекционных и агитационных поездок в провинцию и б) снабжение провинции партийной литературой. При московском отделении оставить склад партийных изданий «Народного права»; что же касается редакции изданий, то поручить секретариату выяснить возможность и действительную необходимость переноса этой редакции в Петербург.

. . . . . .

6) По вопросу о финансах ЦК по выслушании доклада М. В. Сабашникова, дополненного кн. Петром Дм. Долгоруковым, решено: а) учредить особую финансовую комиссию в составе кн. Петра Дмитр. Долгорукова, В. Д. Набокова и А. И. Каминки с правами пополнять свой состав путем кооптации; б) просить каждого из членов ЦК собрать не менее 300 р. и указать теперь же, в какой срок он может это сделать; в) если понадобится, уполномочить петербургских членов ЦК сделать заем для пополнения наличных средств комитета.

. . . . . .

10) Обсуждалось, по желанию С. А. Муромцева, следует ли ему оставаться после избрания его председателем Думы в составе ЦК. Признано, что пребывание С. А. в составе комитета безусловно желательно и вовсе не противоречит условиям парламентской жизни.

10 мая 1906 г.

По вопросу об отношениях к трудовой группе постановлено:

а) Признать, что общение между парламентскими фракциями желательно не в виде взаимной посылки делегации во фракционные комитеты, как предполагает трудовая группа, а в форме периодических или непериодических совместных заседаний для сговора и совместного обсуждения очередных вопросов парламентской жизни.

б) Стараться пропагандировать нашу партийную периодическую и непериодическую литературу в среде трудовой группы.

в) Организовать публичные чтения и беседы по текущим вопросам парламентской жизни, для чего рекомендовать фракции выделить особую комиссию.

г) Признать желательным устройство более демократического клуба для привлечения в него крестьян.

20 мая 1906 г.

Выяснена причина задержки официальной публикации о легализации партии (срок которой, установленный законом, наступил 14 мая), состоящая в том, что 1) не образовано до настоящего времени, вопреки закону, присутствия по делам об обществах; 2) не заведены установленные законом реестры и 3) не указана министром внутренних дел, по соглашению с министром юстиции, форма статей для распубликования обществ, уставы которых зарегистрированы по закону 4 марта. Поручено П. Н. Милюкову, В. Д. Набокову и А. И. Каминке посетить лично градоначальника, министра внутренних дел и все учреждения, от которых зависит движение этого дела, и сделать им энергичные представления. При неудаче этого пути возбудить в парламентской фракции вопрос о необходимости немедленного запроса по этому предмету в Думе.

3 июня 1906 г.

1. По вопросу о легализации, ввиду того, что переговоры с властями П. Н. Милюкова, В. Д. Набокова и А. И. Каминки не привели к желательным результатам, решено обратиться к министру внутренних дел через председателя Центрального комитета кн. Петра Дм. Долгорукова лично и письменно, для чего поручено А. А. Корнилову составить записку с изложением всех обстоятельств дела и требовать от министра особого циркуляра губернаторам, без чего развитие нашей партии в провинции парализуется, ввиду отсутствия легализации по вине администрации. Если министр внутренних дел не удовлетворит этого требования, представить формальный запрос в Думе.

. . . . . .

4. По вопросу об отношении к армии признано желательным включение соответственного отдела в нашу партийную программу, а чтобы отдел этот ближе соответствовал действительным и назревшим потребностям в преобразованиях в армии и флоте, решено обратиться к офицерам, сочувствующим к.-д. партии, с просьбой доставить нам их проект программы необходимых реформ, соответствующих духу партии народной свободы.

. . . . . .

6. Выслушав сообщение А. С. Изгоева о возникновении при ЦК особого бюро по снабжению статьями провинциальных газет, близких к программе к.-д. партии, ЦК признал желательным разослать сведения об этом бюро и условиях, на которых оно принимает статьи, всем выдающимся литераторам партии и особыми обращениями привлечь к соглашению о печатании таких статей возможно большее число провинциальных изданий.

4 июня 1906 г.

10. Постановлено немедленно напечатать для распространения в народе заявление 42-х по земельному вопросу в 50 000—100 000 экземплярах. Протоколы 3-го съезда напечатать в 2 000 экземплярах.

11. Признать необходимым иметь в Петербурге свой популярный орган для пропаганды в широких слоях населения наших принципов и для пояснения деятельности нашей партии в Думе. В этих целях признать желательным перенос «Народного дела» из Москвы в Петербург с тем, чтобы в Петербурге оказывать редакции этого органа всевозможное содействие силами Центрального комитета и парламентской фракции.

Протокол 4 июня 1906 г. [1])

1) Кооптирование Комиссарова решено записками единогласно.

2) О секретариате: 20 руб. за май Поведской и впредь тоже.

3) Легализация. Остаемся при вчерашнем решении.

4) О бюджетной комиссии по предложению кн. Пав. Д. Долгорукова.

Члены: Кокошкин, Котляревский, Петрункевич, Струве, Корнилов.

5) Финансы ЦК. Лекции удались плохо. Ив. Ил. против концертов и лекций. Из 10 000 долга 5 000 погашены, на погашение остальных — 1 500, а 3 500 пересрочить. Фракция не желает брать субсидий от ЦК на свои расходы. Фракции сделать сообщение о наших финансах и просить содействия членов фракции. Струве и Каминка. Просить комитет фракции, чтобы о каждой поездке членов фракции сообщалось ЦК.

Лица, которых просить ездить по Петербургу: к Бертенсону — Долгоруков и Набоков. К Орлову-Давыдову—Павел Долгоруков и Винавер. К гр. Паниной — Петрункевич. К Морозовой Марг. Кирил. — Милюкову и Долгорукову. Шершеневич — к татарам. Вопрос о Щукиных. Просить всех членов ЦК сообщить в недельный срок лиц, которых можно эксплоатировать в пользу партии.

6) По вопросу о Елецком послании. Отказать в печатании и сделать им указание.

7) Вопрос о Госуд. думе. Во фракции было выражено желание, чтобы ЦК выработал свою формулу и доложил ее теперь же фракции, затем встретило сочувствие предложение Струве о том, чтобы воспользоваться ст. 10. Эту мысль фракция также просила ЦК обсудить.

---

[1]) Очевидно совместного заседания ЦК и членов думской фракции. Подлинник написан карандашом.

Пав. Ник. Милюков развил имеющиеся ввиду предположения о том, что делать, если распустят, и анализировал эти предложения в связи с возможными формами самого момента роспуска. Разъехаться и готовиться к новым выборам.

Петражицкий ничего не предрешает.

Петрункевич находит, что нужно разъяснить стране, почему не выполнены обязательства перед страной, а затем все остальное предоставить индивидуальным условиям и характерам.

Де Роберти. Для малокультурного народа необходим символизм, и потому надо устроить спектакль и не расходиться добром, а заставить полицию вытолкать, а перед этим — хорошо составленное обращение к народу.

Винавер. Дума должна в этот момент выступать как целое, и декларация должна быть принята Думой. Этого недостаточно — нужна жертва, нужен остентативный факт, нужно внешнее сопротивление, сопровождаемое или общим арестом или физическими разгоном.

Набоков. Теперь секрет неуместен и невозможен. Правительство, если кого боится, то не кадетов. Критика Винавера относительно возможности соглашения со всеми фракциями Думы. Кардинальный вопрос — подчиняться или не подчиняться. Если не подчинимся, то это будет не только остентативный акт, а акт революционный, и уже тогда дальше мы, как мы, не будем иметь возможности действовать.

Милюков. Считает, что или тактика может быть революционная или легальная. Средней быть не может. Критика Винавера. Если мы не хотим действовать легально, то надо объявить себя временным правительством, и это будет серьезная услуга революционному движению, хотя мы-то пойдем в хвосте, — и в то же время должны рассчитывать, что мы все же пойдем при этом в хвосте, но услуга революционному движению будет весьма серьезна.

Черненков. Критика Милюкова. Не надо путать Думу и партию. Нужно соглашение с другими партиями, особенно с трудовой.

Петражицкий. О роли Родичева. Вся революция до сих пор заключалась во взаимном истреблении разных слоев населения, а правительство стоит в стороне и плюет на все это. Поэтому революция есть дело вредное для народной свободы. Все это ведет к анархизации. Другое дело, если бы можно было взять Петропавловскую крепость. Поэтому теперь тактика должна быть сдерживающая.

Муханов. Что мы будем делать в том случае, если вся трудовая группа останется на своих местах? Если мы будем следовать указаниям Павла Ник. [Милюкова], мы тогда как партия погибнем.

Корнилов. В 10 статье — для документа и критики легальности. Согласен с Черненковым.

В и н а в е р. Я иду не средним путем, а тем, которым мы шли все время. Путем, которым предлагает итти Павел Николаевич, мы не спасли бы конституционного принципа. Желательно бы было, чтобы вся фракция сидела, а если это невозможно, то надо предоставить тем, которые не хотят уходить, — сидеть.

Мы не преследуем легальности во что бы то ни стало. Мы очень желали бы всегда быть легальными, и, действительно, мы не можем в стремлении быть легальными во что бы то ни стало доходить до содействия обману, который правительство пускает в ход, чтобы отстоять или вернуть самодержавный строй.

Сказать: или революция или легальный путь — это значит избрать политику 17 октября.

Поэтому прежде всего нужно вывести все на свежую воду. Поэтому я поддерживаю предложение Струве о применении 10 ст.

Тогда или правительство не посмеет отказать Думе или станет всем очевидной та позиция, которую правительство занимает, и что временный роспуск есть о б м а н.

Затем я разделяю мысль Н. Н. о желательности столковаться с другими партиями, так же как и другую его мысль о возможности революционного комитета заграницею, но я ни в каком случае не говорил бы об этом с трудовой группой.

Я к у ш к и н — сторонник более радикальной программы и более умеренной тактики. Желал бы смирно разойтись на каникулы, но важнее единство всей Думы, и потому стоит за предложение Винавера и Петрункевича.

Н а б о к о в. Что мы сделаем, если правительство оставит нас спокойно сидеть в Думе? Аналогия со студентами. А если арестуют, то ведь быть арестованным, может быть, в такое время всего приятнее. Правительство действовало бы легально, а мы действовали бы незаконно, революционно.

Р е ш е н и е: 1) связь с аграрной комиссией; 2) составить распределение занятий в Думе на ближайшие месяцы; 3) если будет вопрос о роспуске, то приготовить на этот случай проект резолюции.

Поручить исполнение этого Винаверу, Петрункевичу, Якушкину.

Должны ли мы вносить во фракцию результаты наших прений по вопросу о том, что делать в случае роспуска?

Доложить фракции содержание обсуждения и указать, как мы относимся. Выработать текст декларации.

Просить Петербургский комитет обслужить Тихвин, Городню, в связи с Могилевом, и Суджу. Шрага просить заехать в Могилев на обратном пути.

Перенос редакции «Народного права» признается желательным. Желательно издание листовок о деятельности Думы (Кизеветтер, Выковский).

Вопрос об издании 42-х — печатать.

Постановления ЦК от 11 июня 1906 г.

1) Доложено письмо члена партии народной свободы А. К. Энгельмейера на имя А. А. Корнилова с запросом о том, может ли член партии народной свободы продать принадлежащую ему или его жене землю крестьянам при содействии Крестьянского банка. Решено уведомить г. Энгельмейера, что вопрос этот не входит в сферу действий партийной дисциплины и не подлежит партийному разрешению.

2) Выслушав доклад члена партии А. П. Молчанова о рассылке крестьянам разных мест газет прогрессивного направления на льготных условиях, и, по соображении этого доклада с ранее сделанным заявлением Б. Э. Кетрица аналогичного характера, комитет постановил предоставить секретариату образовать при ЦК к.-д. партии в г. Петербурге особое бюро по рассылке газет, с привлечением в состав его Б. Э. Кетрица и А. П. Молчанова, и в распоряжение этого бюро ассигновать из средств ЦК до ста рублей серебром.

. . . . . .

4) Рассмотрев вопрос о высылаемых полицией безработных, принимавших участие в освободительном движении, ЦК постановил поручить С. А. Котляревскому, П. Б. Струве и А. С. Ломшакову проектировать запрос по этому предмету в Госуд. думу, подвергнуть его предварительному до внесения в Думу обсуждению во фракции, а что касается материальной помощи таковым безработным, то оказывать таковую, ввиду отсутствия потребных для этого специальных средств, лишь в исключительных случаях.

5) Вследствие письма А. М. Колюбакина о необходимости, по его мнению, обращения к народу от имени партии о ходе работ Государственной думы в связи с возложенными на нее задачами и условиями, в которых ей приходится работать, ЦК поручил проектировать подобное обращение П. Н. Милюкову к следующему заседанию комитета, в среду, 14 июня.

6) Постановлено признать целесообразным издание особой брошюры о заседании Госуд. думы 8 июня, о чем сообщить распорядительной комиссии издательства «Народное право».

Протокол заседания ЦК 15 июля 1906 г.

Долгоруков Пав.: Предметы занятий: 1) съезд, 2) местопребывание ЦК и 3) тактика и директивы в провинции (сношения с др. партиями).

Милюков докладывает заключение фракции о съезде. Съезд должен быть собран в ближайшее время по указанию ЦК с тем, чтобы немедленно местные комитеты избрали на этот случай делегатов. Состав съезда: должны быть — члены фракции плюс представители от уездов, где это возможно.

Долгоруков ставит вопрос о сроке съезда.

Колюбакин — как можно скорее. Большая рассеянность партии. Ждут директив.

Гессен. Думает, что поэтому прежде вопроса о съезде нужно решить вопрос о съезде [1]).

Решено: съезд обсуждать после тактики.

Милюков докладывает результаты териокских совещаний. Деятельность Думы, как официального учреждения, признана прекращенной; вопрос о возможности в будущем созыва депутатов 1 Думы оставить открытым, обеспечив возможность собрать ее в нужный момент. Парламентская фракция разъезжается. Остается небольшой комитет (конспиративный) для усленения нужного момента и созыва фракции. Точка зрения крайних партий и трудовой группы. Презрение их к идее информационных комитетов.

Вопрос о директивах с точки зрения фракции. Какие лозунги ближайшей борьбы? Лозунг возвращения старой Думы в прямом виде отвергнут, а на случай требования этого другими партиями поставлен лозунг — требовать немедленного созыва народных представителей. Вопрос о том, на каком принципе (всеобщего избират. права или нет) собирается это представительство, оставлен открытым. Требование министерства из парламентского большинства. Третий пункт очередной агитации: принудительное отчуждение земли. Остальные вопросы не успели решить.

Долгоруков Петр. Фракция постановила распространять аграрное воззвание.

Вопрос о выборгском манифесте. Разные точки зрения.

Обсуждение вопросов тактики.

Муханов. Едва ли партия может отвергнуть выборгский манифест. Вопрос о практической осуществимости мер, предложенных манифестом, и о способах, какими эти меры могут быть осуществлены, а равно, как члены партии должны в этом отношении действовать.

Милюков — справка о териокских совещаниях.

Колюбакин — вопрос о приговорах населения, выражающих доверие членам Госуд. думы.

---

[1]) Так в подлиннике. Надо, повидимому: «тактике».

Мнения: Татаринов, Тенисон, Каценельсон, Долгоруков, Замысловский. Мое [1]) мнение о приговорах, бойкот скупщиков, стражники и проч., о рекрутах, о раздвоении партии, можем ли мы остаться в стороне. По-моему, тут уместно употребить в дело избирателей.

О государственном перевороте, который совершило правительство.

М и л ю к о в. Об обращении к партии до съезда.

1) Присоединяется ли принципиально ЦК, как представитель партии, к выборгскому манифесту?

2) До решения съезда ставится ли партийной задачей как распространение, так и содействие к осуществлению требований манифеста?

3) Возлагается ли практическое проведение постановлений выборгского манифеста открыто на существующие органы партии? Отвергнуто.

В е ч е р н е е з а с е д а н и е.

Присутствуют: Ч е р н е н к о в, Я к у ш к и н, К а м и н к а, Д о л г о р у к о в, Т е с л е н к о, В ы х о в с к и й, М у х а н о в, Г р е д е с к у л, Г е с с е н ы, И з г о е в, К о л ю б а к и н, В е р н а д с к и й, И о р д а н с к и й, С а б а ш н и к о в, Щ е п к и н, М а к л а к о в, д е Р о б е р т и, Л о м ш а к о в.

Вопрос о съезде.

Съезд во 2-ой половине августа, а теперь предлагается выбрать немедля депутатов, так как срок может и приблизиться. Сами сейчас предпочитаем конец августа. Члены фракции участвуют. Секретариат вырабатывает. По уездам и губ. делегатским съездам допустить вносить поправки. Место — Москва, а Финляндия в резерве, и может быть перенесен в Петербург.

О местопребывании в Петербурге или Москве разделились голоса пополам и отложили до понедельника.

Принято, что желательно получить приговоры о вотуме одобрения Думы населением, и они совершенно комбинируются с манифестом.

(Окончание следует.)

---

[1]) Т. е. Корнилова.

Балтфлот в июльские дни 1917 г.

События 3—5 июля 1917 г. явились одним из этапов борьбы за власть в Балтийском флоте и открыли собой цепь событий, тесно связанных с тем же вопросом о власти.

Классовый состав матросской массы Балтийского флота, имевшей в своей среде значительный процент рабочих, участников революционного движения и членов революционной организации (а во флоте до Февральской революции 1917 г. таковой являлась только большевистская), дал возможность матросам быстрее понять и ориентироваться в положении, создавшемся как во флоте, так и в России в целом.

О настроении матросов можно судить по резолюции, принятой Центробалтом 5 июля совместно с 58 комитетами судов и частей (в том числе всех четырех дредноутов и 3 броненосцев).

«Вторично довести до сведения ЦИК советов р. с. и кр. депутатов, — гласит принятая резолюция, — что нами будет признана власть, выдвинутая из состава Всероссийского Съезда советов р. с. и кр. депутатов. Поворота к прежнему быть не может. Мы напоминаем, что всякое промедление смерти подобно. Каждая минута безвластия наносит удар революции»[1]).

Резолюция была принята единогласно против одного. Голосовало «за» — 246 человек.

Таково было настроение команд гельсингфорской базы Балтфлота. Настроены матросы, как видим, были революционно-большевистски. В отличие от гельсингфорской группы в Ревеле южная группа разделяла оборонческие настроения и шла в этот период еще за с. р., меньшевиками и контрреволюционным офицерским союзом («СМОР»).

Такая дифференциация явилась прямым следствием той борьбы, которую революционная часть матросов, под руководством большевиков, начала вести во флоте за власть.

Пользуясь тем, что часть матросов не успела еще освободиться от разного рода оборонческих иллюзий, контрреволюционно в своем огромном большинстве настроенное морское офицерство использовало его в своих целях, организуя разного рода батальоны и корабли «смерти», ведя контрреволюционную пропаганду и проч.

Июльские события в столице, сопровождавшиеся вооруженной демонстрацией, с участием кронштадтцев и солдат гарнизона, произошли как раз в тот момент, когда вопрос о власти во флоте принял особенно острый характер.

---

[1]) ЛОЦИА, фонд Центробалта, 1917 г., д. № 33, л. 28.

Бессильное перед матросскими массами офицерство, во главе со своими адмиралами, предпочитало не доводить дело до окончательного разрыва. Роль одного из таких «буферов» выполнил командующий флотом контр-адмирал Вердеревский. Адмирал, как и весь его штаб в целом, считал в первую очередь нужным покончить войну. Практически это не только давало возможность отвлекать внимание от внутренних вопросов, но при победе Антанты сулило возможность задушить революцию, ибо главным врагом для Вердеревского был революционным пролетариат и его авангард — партия большевиков, которую Вердеревский не стесняясь обвинять в провокации. По этой причине во флоте и остался весь высший командный состав, который тогда даже не скрывал своих политических взглядов, а в период осень 1917—1919 гг. выступил против революции активно.

Поэтому июльские события в столице, совпавшие с острым положением во флоте, вынудили командующего флотом во имя основной идеи «доведения войны до победного конца» внешне даже выступить против распоряжения правительства — в лице помощника морского министра Дудорова. Как Вердеревский, так и его штабные понимали, что телеграмма Дудорова, предлагающая не останавливаться перед потоплением подводными лодками кораблей, направляющихся в Кронштадт без распоряжения командования, приведет лишь к обострению борьбы.

Стремясь выиграть время и сохранить, хотя бы в некоторой части, инициативу в своих руках, Вердеревский отправляется в Петроград вместе с выбранной от флота делегацией.

Эта тактика встречает, как это видно из показаний Пилкина, Развозова, Бахирева, Черкасского (контрреволюционного актива во флоте), среди высшего командного состава полное одобрение.

Назначив весьма скоро после этого Вердеревского морским министром, Временное правительство признало тем самым как бы правильность его тактики.

Публикуемый ниже материал об июльских событиях в Балтийском флоте отчетливо показывает, что основным тогда являлся вопрос о власти. Контрреволюционно настроенное офицерство сделало очередную попытку (правда, неудачную) ликвидировать завоевания революции. В Гельсингфорсе стали концентрироваться суда главным образом Ревельской базы. 2 (15) июля из Моон-Зунда пришел «корабль смерти» крейсер «Адмирал Макаров», 3 (16) из Ганге пришли три подводные лодки, из Лапвика два миноносца 6 дивизиона и т. д. [1]). Эта в высшей степени подозрительная концентрация оборончески настроенных кораблей в Гельсингфорсе заставила Центробалт принять ряд мер, в первую очередь — организовать контроль путем создания института комиссаров на всех кораблях, в том числе и при командующем флотом.

Революционная активность матросской массы ставила в сложное и ответственное положение партию, задачей которой в данный момент было удержать флот от преждевременного выступления. Выполнить это удалось только благодаря тому, что партия смогла уже к этому времени создать на кораблях крепкие организации. Только на одном линейном корабле «Петропавловск» (команда 1 500 чел.) было 600 большевиков.

---

[1]) ЛОЦИА, б. Морская истор. комиссия (МИК), 1917 г., д. № 13290, лл. 4, 6.

Активное контрреволюционное выступление эс-эров и меньшевиков в июльские дни имело следствием окончательный отказ матросов от оборонческих иллюзий (в том числе и в южной группе). На 2-м съезде Балтийского флота (в сентябре) матросы уже открыто порывают с правительством.

Создавшееся во флоте положение объясняется классовым составом и революционным опытом матросской массы. Оборонческая политика эс-эров и меньшевиков во время войны свела авторитет этих партий среди революционной части матросов почти к нулю. Тактика Временного правительства и офицерства и революционный опыт 1912—1915 гг. показали матросам, что единственным и решительным средством ликвидации буржуазного строя является восстание рабочих, солдат и матросов. Такое настроение кораельных команд, сопровождавшееся полным отходом их от эс-эров и меньшевиков, являлось прямой гарантией выступления флота на стороне пролетарской революции и его активного участия в закреплении Октябрьской победы.

А. Дрезен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по делу о командующем флотом Балтийского моря контр-адмирале Вердеревском [1]).

3 июля 1917 года, в связи с агитацией, руководимой врагами революции и возымевшей успех среди малосознательных масс, часть петроградского гарнизона, около 10 часов вечера, вышла на улицы. Одновременно по городу стали разъезжать вооруженные автомобили, причем на Невском и в некоторых других частях города открывалась стрельба, во время которой пострадало несколько человек. Прекратившиеся ночью вооруженные демонстрации и стрельба возобновились около полудня 4 июля с новой силой в связи с прибытием из Кронштадта частей вооруженного гарнизона, и к вечеру достигли угрожающих размеров. Вооруженными демонстрантами был осажден Таврический дворец, был арестован министр земледелия Чернов и производились нападения на казачьи патрули, оставшиеся верными революции и долгу.

При создавшемся критическом положении, когда безответственные массы, руководимые изменниками, готовы были слепо осуществить замыслы врагов родины и революции, Временное правительство, по соглашению с Исполнительным комитетом Всероссийского центрального комитета рабочих и солдатских депутатов, в целях демонстрации, а в случае надобности и для действия против прибывающих из Кронштадта вооруженных масс, резко выделяющихся своими актив-

[1]) ЛОЦИА, фонд главного военно-морского судного управления, дело № 263, 1917 г. «О командующем флотом Балтийского моря контр-адмирале Вердеревском, обвиняемом по 104, 105 и 271 ст. ст. воен.-морского уст. о наказ».

ными действиями и разнузданностью, обратилось через 1-го помощника морского министра, капитана 1 ранга Дудорова, к командующему флотом Балтийского моря контр-адмиралу Вердеревскому с приказанием прислать 4 эскадренных миноносца; контр-адмирал Вердеревский этого приказания не исполнил: контр-миноносцев по требованию Временного правительства не выслал. Между тем, на следующий день, с разрешения контр-адмирала Вердеревского, прибыла из Гельсингфорса на миноносце «Орфей» делегация матросов, в составе около 70 человек, с целью арестовать помощника морского министра капитана 1 ранга Дудорова и с требованием передать всю власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Вследствие сего постановлением Временного правительства от 7 июля 1917 г. командующий флотом Балтийского моря контр-адмирал Вердеревский был отрешен от должности и арестован по обвинению в неповиновении и сопротивлении приказаниям Временного правительства и государственной измене.

Из произведенного по этому делу предварительного следствия выяснилось следующее. Согласно установившемуся порядку, вскоре после февральского переворота, о всех крупных политических событиях морской генеральный штаб стал всегда оповещать по телеграфу штаб командующего флотом Балтийского моря. При возникновении событий 3 июля и в последующие дни командующий флотом Балтийского моря и его штаб находились в Гельсингфорсе на посыльном судне «Кречет», куда, сообразно указанному выше порядку, был послан из морского генерального штаба ряд телеграмм, в которых освещались, по мере развития, эти события, кои возникли в Петрограде начиная с 3 июля.

Независимо от этого, осведомление происходило и путем переговоров по прямому проводу между чинами морского генерального штаба и штаба командующего флотом Балтийского моря. А именно, в ночь на 4 июля начальник статистического отделения морского генерального штаба капитан 2 ранга Романов вызвал из штаба командующего флотом помощника флаг-капитана кап. 2 ранга Карпова и передал ему по прямому проводу следующее: «В Петрограде часть гарнизона вышла около 10 часов вечера с оружием в руках на улицу; имеют много автомобилей с пулеметами; сопротивления никто не оказывает; говорят только про небольшую стычку с казаками; говорят, были убитые и раненые, но очень немного; по последним слухам, как будто войска начинают расходиться по казармам; пока больше ничего». Затем из морского генерального штаба в 4 ч. 10 м. 4 июля была отправлена, за подписью 1-го помощника морского министра капитана 1 ранга Дудорова открытая юзограмма (№ 8275) следующего содер-

жания: «3 июля вечером 1 пулеметный полк начал агитацию, призывая воинские части к вооруженной демонстрации против Временного правительства. Некоторые части, вопреки распоряжению Совета раб. и солд. деп., вышли с оружием на улицу. На Невском и в некоторых других частях города, по невыясненным еще причинам, открылась стрельба. По поступившим пока сведениям, пострадало несколько человек. На Невском три вооруженных полка демонстрантов, при первых, неизвестно кем произведенных выстрелах, рассеялись. Большинство частей, в том числе оба эпипажа, не выступают, ожидая распоряжения от Комитета совета рабочих и солдатских депутатов. К часу ночи демонстранты стали возвращатьея в казармы. Порядок, видимо, восстанавливается. Если события изменят свой ход, буду вам сообщать».

Юзограмма эта была доложена командующему флотом начальником его штаба капитаном 1 ранга Зеленым около 8 часов 4 июля. Затем в 12 ч. 50 мин. на «Кречет» была принята из морского генерального штаба юзограмма № 8277, за подписью капитана 1 ранга Дудорова, передававшая следующее воззвание Бюро Всероссийского центрального исполнительного комитета советов рабочих и солдатских депутатов и Бюро Всероссийского исполнительного комитета советов крестьянских депутатов: «Товарищи солдаты и рабочие! Неизвестные лица, вопреки выраженной воле всех без исключения социалистических партий, зовут вас выйти с оружием на улицы. Этим способом вам предлагают протестовать против расформирования полков, запятнавших себя на фронте преступным нарушением своего долга перед революцией. Мы, уполномоченные представители революционной демократии всей России, заявляем вам: расформирование полков на фронте произведено по требованию армейских и фронтовых организаций и согласно приказа избранного нами военного министра А. Ф. Керенского. Выступление в защиту расформированных полков есть выступление против наших братьев, проливающих свою кровь на фронте. Напоминаем товарищам солдатам: ни одна воинская часть не имеет права выходить с оружием без призыва главнокомандующего, действующего в полном согласии с нами. Всех, кто нарушит это постановление в тревожные дни, переживаемые Россией, мы объявляем изменниками и врагами революции. К исполнению настоящего постановления будут приняты все меры, находящиеся в нашем распоряжении».

Обе эти юзограммы (№№ 8275 и 8277), равно как и переданный по прямому проводу разговор капитана 2 ранга Романова с капитаном 2 ранга Карповым, командующий флотом приказал сообщить Центральному комитету Балтийского флота. Из объяснений контр-адмирала Вердеревского видно, что после кровавых событий в начале марта

в Гельсингфорсе с очевидностью выяснилось, что основной причиной волнений команды, с самыми печальными последствиями, являлась прежняя система — недержание команды в курсе событий, почему и открывалось широкое поле для провокации на почве неосведомленности команды. С первых дней нового строя, с ведома и одобрения всех министров, а в том числе и А. Ф. Керенского, командующие флотами, через посредство командных выборных организаций, осведомляли команды о всем, что их могло волновать, и этим путем в значительной степени восстановили ранее утраченное доверие к командному составу. По этой причине все осведомительные телеграммы из генмора и сообщались Центральному комитету Балтийского флота.

Из показаний свидетелей настроение в команде 4 июля вырисовывается в следующем виде: еще с вечера 3 июля, по показанию радиотелеграфиста посыльного судна «Кречет» Оборотова, среди команды появились слухи о каких-то беспорядках в Петрограде. На следующий день слухи усилились и, по словам ревизора посыльного судна «Кречет» прапорщика по адмиралтейству Кондратенко, настроение команды было с утра тревожным. По показанию же члена ротного комитета береговой роты минной обороны машиниста Соловова, еще вечером 3 июля распространился слух, что Временного правительства не существует и вся власть перешла в руки Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Об этом на следующее утро, по словам Соловова, было объявлено команде председателем ротного комитета матросом Поповым. Члены Центрального комитета Балтийского флота узнали утром от приехавших из Петрограда двух матросов, что в столице была слышна сильная стрельба. Известия эти, — показывает член Центрального комитета матрос Ховрин, — встревожили его товарищей по комитету, который находился на бывшей яхте «Полярная звезда», стоявшей около посыльного судна «Кречет». Около полудня до Центрального комитета стали доходить сведения, что, в связи со слухами, доходящими из Петрограда о каких-то там событиях, на всех кораблях команды очень волнуются. Это волнение, по словам Ховрина, между прочим, выражалось и в том, что в Центральный комитет приходили матросы со многих кораблей и спрашивали о положении дел. После полудня в Центральный комитет была прислана из штаба командующего флотом юзограмма с сообщением о беспорядках в Петрограде, причем, по словам Ховрина, при чтении этой юзограммы члены Центрального комитета обратили внимание на то, что она была передана в комитет спустя, примерно, полдня по ее получении в штабе. Это обстоятельство, по словам свидетеля, вызвало подозрение среди членов Центрального комитета, что штаб или что-то скрывает или, во всяком случае, задерживает полученные из Петрограда сведения. Этот факт,

как показал свидетель, в связи с ранее уже сложившимся недоверием со стороны комитета к штабу и обратно, усилил подозрительность комитета. Около 2 часов дня в Центральный комитет на «Полярную звезду» пришел с «Кречета» Оборотов узнать, нет ли в комитете каких-нибудь сведений о Петрограде, причем Оборотов сообщил о повышенном настроении, наблюдаемом им среди команды «Кречета».

Из показаний штаб-офицера для поручений при командующем флотом капитана 2 ранга Муравьева видно, что после 14 часов свидетель узнал, что на «Полярной звезде» происходит соединенное заседание Центрального и судовых комитетов, а в городе в Мариинском дворце собрались представители всех демократических организаций и партий г. Гельсингфорса. Одновременно с этим до капитана 2 ранга Муравьева дошли слухи, что, по полученным сведениям, в Петрограде восставшие войска заняли почту и вокзалы. Ввиду отсутствия сведений из морского генерального штаба, командующий флотом приказал капитану 2 ранга Муравьеву переговорить по прямому проводу с начальником морского генерального штаба капитаном 1 ранга графом Каннистом. Капитан 2 ранга Муравьев доложил о полученном приказании начальнику штаба командующего флотом и здесь присутствовал при разговоре по прямому проводу, около 16 часов, капитана 1 ранга Зеленого с капитаном 1 ранга графом Каннистом.

Начальник морского генерального штаба сообщил следующее: «Пока трудно сказать, насколько все это серьезно. Правительство и Исполнительный комитет С. Р. и С. Д. относятся к этому пока довольно спокойно. В сущности, тут скопилось несколько разнородных факторов и соответственно разнородных элементов беспорядков: с одной стороны, тысяч до двадцати сорокалетних, которые требуют продолжения отпуска или увольнения в запас, затем полки Гренадерский и Павловский и другие, протестующие против расформирования соответствующих полков на фронте, наконец большевики, с их обычными лозунгами, среди коих и пулеметный полк. Сверх этого много просто хулиганов, как это всегда бывает. Со стороны правительства и Исполнительного комитета С. Р. и С. Д. систематического противодействия силой нет. Думаю, что это мудро, потому что едва ли это восстание сможет принять стройную форму; думаю, что оно, если его предоставить самому себе, само собою и уляжется и обойдется без крупных эксцессов. Авторитет Исполнительного комитета С. Р. и С. Д. и правительства за последние дни и в провинции и в войсках очень окреп, поэтому мне не представляется, чтобы происходящее сколько-нибудь отозвалось вне Петрограда. Конечно, признание автономии Украины повлечет за собою центростремительное движение всех национальностей. Но пробуждение сознания национального духа,

хотя бы и по разным племенам в отдельности, теперь только полезно, потому что на этой почве возрастает и моральная сила войск, да и вообще пробудится патриотизм. Поэтому правящие круги взирают на все это довольно спокойно». — «Где минмор Керенский?» — спросил капитан 1 ранга Зеленой. «Вчера уехал», — ответил граф Капнист. — «Чем выразился кризис правительства?» — осведомился капитан 1 ранга Зеленой. На этот вопрос последовал следующий ответ графа Капниста: «Партия народной свободы потребовала, чтобы министры-кадеты ушли. Вследствие этого уходят, повидимому, Шингарев, Мануйлов и, вероятно, Некрасов. На место последнего называют Бубликова, про остальных неизвестно: кажется, теперь можно сказать, что Львов и Терещенко останутся также, так как они к кадетской партии не принадлежат».

Этот разговор был доложен контр-адмиралу Вердеревскому и, по показанию капитана 2 ранга Муравьева, произвел на адмирала успокоительное впечатление. Разговор был размножен собственноручно капитаном 2 ранга Муравьевым на пишущей машинке в нескольких экземплярах для рассылки по главным комитетам. В это время приехал на «Кречет» начальник 1 бригады линейных кораблей капитан 1 ранга Зарубаев и привез командующему флотом принятую в 14 ч. 35 мин. на линейном корабле «Полтава» радиотелеграмму с линкора «Республика» следующего содержания: «Кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов. Экстренно сообщите о последних событиях. Нужна ли помощь? «Республика». По докладе командующему флотом этой радиотелеграммы, адмирал Вердеревский послал на «Республику» помощника флаг-капитана капитана 2 ранга Карпова с протестом против открытого телеграфирования. К этому времени начальник штаба командующего капитан 1 ранга Зеленой из беседы с командирами судов, некоторыми офицерами и отдельными матросами пришел к заключению, что настроение довольно неспокойное. В связи с затем создавшимся настроением и слухом, появившимся в городе, об убийстве якобы А. Ф. Керенского, командующий флотом предложил капитану 1 ранга Зеленому вторично переговорить по прямому проводу с начальником морского генерального штаба. Между тем к этому времени настроение команды на посыльном судне «Кречет» повысилось. Приблизительно после полудня, по показанию прапорщика Кондратенко, на «Кречете» стали происходить частичные совещания судового комитета.

В команде, между прочим, по показанию радиотелеграфиста Оборотова, шли разговоры о том, что аппарат Юза усиленно работает вследствие постоянного обмена юзограммами и что в рубке все время находится много офицеров. Около 17 ч. на совещании в судовом коми-

тете был поднят вопрос о переносе патронов из каюты ротного командира в помещение комитета. Как на причину для переноса указывалось, что офицеры, будучи вооружены, могут занять выход наверх и перебить постепенно команду. По словам прапорщика Кондратенко, участвовавшего в заседании судового комитета, мысль о перенесении патронов была дружно подхвачена и тотчас же осуществлена. 2 члена комитета направились к ротному командиру и возвратились с ящиком патронов.

Аналогичное явление, в смысле такого же тревожного настроения, наблюдалось прапорщиком Кондратенко и 21 апреля. Тогда также среди членов комитета явилось желание вооружить команду и перенести часть винтовок в помещение комитета, но мероприятие, за отсутствием места, тогда не было осуществлено. Около того же времени, т. е. 17 часов, на баке посыльного судна «Кречет» в команде шли разговоры, что в штабе получена какая-то телеграмма, касающаяся происходящего в Петрограде, но эта телеграмма известна лишь части команды, а не объявлена через судовой комитет во всеобщее сведение. Тогда присутствовавший при этом разговоре матрос Слыкшан отправился в судовой комитет для выяснения возникшего разговора. Судовой комитет «Кречета» был в это время уже на «Полярной звезде», так как на последней должно было происходить в 17 часов объединенное заседание судовых и Центрального комитетов. Придя на «Полярную звезду», Слыкшан сообщил членам судового комитета, что команда просит комитет установить наблюдение над получаемыми в штабе юзограммами, в которых сообщается о событиях в Петрограде.

Ввиду такого заявления, судовой комитет командировал на «Кречет» в юзорубку члена комитета — радиотелеграфиста Оборотова. Из приведенного уже ранее показания члена Центрального комитета Ховрина видно, что Центральный комитет также не доверяет штабу командующего флотом. В связи с этим, как показал Ховрин, в Центральном комитете было решено установить контроль над аппаратами Юза, и три члена Центрального комитета — Ховрин, Штарев и Шинбин — пришли в юзорубку «Кречета», но затем там остался Ховрин, а остальные отправились к аппаратам Юза, находившимся в службе связи и в береговой канцелярии штаба командующего флотом. Таким образом вскоре после прихода капитана 1 ранга Зеленого в юзорубку для вторичного переговора с начальником морского генерального штаба к аппаратам Юза подошли и члены Центрального и судового комитетов. Эти члены сейчас же ознакомились с юзограммой, содержавшей следующий текст разговора графа Капниста с капитаном 1 ранга Зеленым: «Здесь у аппарата начальник штаба. В дополнение сообщенного графом Капнистом, комфлот желает узнать, были ли лозунги: долой

отдельных министров, например, Керенского? также действительно ли он, Керенский, уехал? Здесь много всяких слухов, почему желательно несколько раз в день давать сведения о событиях». На это граф Капнист ответил: «Лозунги всякие, но без всякой системы, до сих пор никому не удалось выяснить, чего собственно кто желает. Сейчас вам будет послана весьма срочная шифрованная телеграмма, которую необходимо расшифровать в спешном, но доверительном порядке, поэтому оставьте у провода офицера, который взял бы ленту. Сейчас много полков заявляют доверие Временному правительству и Всероссийским Съездам Исполнительных комитетов С.Р. и С.Д. и крестьянских депутатов. Оба исполнительных комитета вынесли резолюции о полном соглашении с главнокомандующим округа, так что в действиях не будет никого разлада».

Далее на ленте стояли, как впоследствии выяснилось, не принадлежавшие графу Капнисту, а прибавленные от себя юзистом морского генерального штаба следующие слова: «А шифрованной телеграммы не будет, потому что не хотят наши телеграфисты сегодня давать шифрованных телеграмм; если и будет, то потом уже, как рассмотрят они, а пока до свиданья». Указание, сделанное графом Капнистом о расшифровании телеграммы в особо доверительном порядке, оставив у аппарата офицера для приема ленты, чрезвычайно удивило как капитана 1 ранга Зеленого, так и находившегося в юзорубке капитана 2 ранга Муравьева, так как подчеркивание такого приема телеграммы возбудило, по показанию капитана 2 ранга Муравьева, подозрительность телеграфистов. Удивление капитана 2 ранга Муравьева, по его словам, нашло подтверждение в последних словах разговора, т. е. что телеграфисты морского генерального штаба отказываются передавать шифрованную телеграмму. По докладу командующему флотом ответа графа Капниста адмирал приказал послать ему юзограмму, что считает необходимым передавать сведения открыто и считает несоответствующим моменту посылку шифрованной телеграммы. Такая юзограмма была послана, так как обнаружилось, по показанию капитана 2 ранга Муравьева, что ожидание шифрованной телеграммы очень волнует заседавших на «Полярной звезде» членов Центрального комитета, о чем капитан 2 ранга Муравьев заключил из слов бывших в юзорубке членов этого комитета. Упомянутая юзограмма была отправлена с «Кречета» в 18 ч. 10 м. В 18 ч. 45 м. на «Кречете» была принята ответная юзограмма графа Капниста, в которой указывалось, что все сведения передаются открыто, а шифрованно передаются лишь распоряжения от Временного правительства и телеграммы оперативного значения. В ответ на это командующий флотом приказал передать графу Капнисту, что шифрованные телеграммы, естественно, волнуют

команды, почему все они, за исключением оперативных, будут объявлены.

Телеграмма эта однако не была отправлена тогда же, а лишь в 19 ч. 10 мин.

В 18 ч. 50 м. на «Кречете» была принята юзограмма за № 8291 от капитана 1 ранга Дудорова следующего содержания: «Около полудня прибыло в Петроград около 5 тысяч кронштадцев. Рабочие некоторых заводов вышли одновременно на мирную манифестацию. Около 14 часов в различных частях города была кратковременная стрельба из пулеметов и из ружей, причины не выяснены. Исполнительный комитет срочно принимает энергичные меры к охране спокойствия. Никто до сего времени и не может установить основной причины домонстраций, проходящих под лозунгами: «Вся власть Советам!» Многие части, в том числе оба экипажа, твердо стоят в подчинении комитету».

Относительно приказания командующего флотом отправить телеграмму начальнику морского генерального штаба с указанием, что все шифрованные телеграммы, за исключением оперативных, будут объявлены, капитан 2 ранга Муравьев показал, что посылка такого рода телеграммы была совершенно необходимой, так как свидетель хорошо помнил о тех печальных событиях, которые произошли в ночь с 3 на 4 марта в Гельсингфорсе из-за временного скрытия телеграммы об отречении от престола бывшего императора.

Между тем в это время на «Полярной звезде» шло объединенное заседание судовых и Центрального комитетов.

Объединенное заседание комитетов началось в 18 часу и, по показаниям свидетелей, бывших в этом заседании — Иончикова, Хлебникова, Стельмаха и Грачева, председатель Дыбенко, открыв заседание, стал оглашать телеграммы о событиях в Петрограде и при этом объявил собранию, что у него, Дыбенко, есть сведения, что Временного правительства уже не существует, а власть перешла к Советам солдатских, рабочих и крестьянских депутатов.

Между тем на «Кречете» была получена шифрованная юзограмма за подписью капитана 1 ранга Дудорова (№ 8294), отправленная из морского генерального штаба в 19 ч. 15 мин. Начало юзограммы было не зашифровано и начиналось так: «Временное правительство, по соглашению с Исполнительным комитетом приказывает». После этой фразы следовал зашифрованный текст. Как видно из следственного производства, при зашифровании этой телеграммы в морском генеральном штабе, а также при расшифровании текста на «Кречете»— были допущены ошибки. Подлинное содержание подлежащей передаче в зашифрованном виде телеграммы было следующее: «немедленно прислать «Победитель», «Забияку», «Гром» и «Орфей» в Петроград,

где им войти в Неву. Итти полным ходом. Посылку их держать в секрете. Если который-нибудь из этих миноносцев не может быстро выйти, не задерживать остальных. Начальнику дивизиона по приходе явиться мне. Временное правительство возлагает на них задачу демонстрации и — если потребуется — действие против прибывших кронштадтцев. Если по вашим соображениям указанные миноносцы прислать совершенно невозможно, замените их другим дивизионом, наиболее надежным». При шифровании этого текста в морском генеральном штабе фраза... «них задачу демонстрации» была неверно набрана по морскому ключу, а потому на «Кречете» при расшифровании осталась неразобранной.

Таким образом, юзограмма за № 8294 была отправлена с ошибкой в тексте. Помимо этого, при расшифровании юзограммы на «Кречете», на последнем неправильно была разобрана фраза «Временное правительство», и вместо нее получилось «Временное возлагает».

Вслед за этой юзограммой из морского генерального штаба стали передавать другую за № 8295, также за подписью 1 помощника морского министра, капитана 1 ранга Дудорова. Юзограмма эта, также как и предыдущая, начиналась открытым текстом: «Временное правительство, по соглашению с Исполнительным комитетом, приказывает принять», а затем шел зашифрованный текст. По показанию дежурного телеграфиста при аппарате Юза на посыльном судне «Кречет» Гришина, вторая юзограмма, следовавшая непосредственно за первой, была принята в 19 час.

Обе юзограммы Гришин передал находившемуся в юзорубке флагманскому радиотелеграфному офицеру старшему лейтенанту Петухову, который, при участии члена судового комитета телеграфиста Оборотова, флаг-офицера мичмана Костенко-Радзеловского и в присутствии двух членов ЦКБФ, стал расшифровывать юзограмму за № 8294.

Перед расшифрованием юзограммы находившийся в юзорубке начальник штаба капитан 1 ранга Зеленой спросил командующего флотом, разрешает ли последний при расшифровании присутствие членов Центрального комитета. Адмирал Вердеревский подтвердил необходимость при создавшемся положении не скрывать содержания шифрованной телеграммы от членов ЦКБФ и разрешил допустить двух членов этого комитета к принятию участия в расшифровании. После того как была принята юзограмма за № 8295, телеграфист Гришин передал в морской генеральный штаб капитану 1 ранга Каннисту в 19 ч. 10 м. юзограмму за № 4080, за подписью комфлота, следующего содержания: «Шифрованные телеграммы естественно волнуют команды, почему все они, за исключением оперативных, будут мной объявлены».

Вскоре из морского генерального штаба передали по прямому проводу: «8294 и 8295 прошу пометить оперативные». В это время расшифрование юзограммы № 8294 еще не было закончено. Тогда Гришин взял юзограмму 8295 и внизу текста наклеил ленту с переданным текстом, т. е. просьбу считать шифрованные телеграммы оперативными.

Из показаний Гришина, а также капитана 1 ранга Зеленого и капитана 2 ранга Муравьева видно, что по установившемуся порядку юзограммы оперативного порядка обычно имеют такую пометку в начале текста или перед текстом.

В своем показании старший лейтенант Петухов указывает, что расшифрование юзограммы происходило при очень неблагоприятных условиях, так как в аппаратной каюте Юза, незначительной по своим размерам, набралось много людей, мешавших своими разговорами разбиравшему шифр мичману Костенко, а помимо этого в каюте было невероятно жарко. Расшифрование производилось тремя лицами: Оборотов диктовал цифры, мичман Костенко находил по цифрам в морском ключе сочетания и диктовал их, а старший лейтенант Петухов записывал уже открытый текст.

Зная, что первая юзограмма начиналась открытым текстом: «Временное правительство, в согласии с Исполнительным комитетом, приказывает», старший лейтенант Петухов не записывал однако этих слов, а начал запись с шифрованного текста, так как смотрел на свою запись как на черновую. По мере расшифрования телеграмм капитан 2 ранга Зеленой делал доклады командующему флотом о содержании ленты, причем, как только выяснилось, что требуется посылка в Петроград 4-х миноносцев, адмирал Вердеревский высказал, что миноносцев не пошлет, так как такая посылка неминуемо вызовет во флоте раскол и поведет к междоусобице.

Когда юзограмма была расшифрована, мичман Костенко, ввиду неясности некоторых выражений, предложил еще раз проверить текст, но начальник штаба, предупредив всех присутствующих о сохранении тайны, взял записанный ст. лейтенантом Петуховым текст и понес его к командующему флотом. В расшифрованном виде телеграмма была записана так: «Немедленно прислать «Победитель», «Забияку», «Гром» и «Орфей» в Петроград, где им войти в Неву. Итти полным ходом. Посылку их, куда их, держать в секрете [1]). Если кто и будет из этих миноносцев не может быстро войти [1]), не задерживать других. Начальнику дивизиона по приходе явиться мне, временно возлагается на нибритания задержана чукие [1]) и если потребуется действие противника прибывших цев [1]). Если, по вашим соображениям, указан-

[1]) Так в подлиннике.

ные миноносцы прислать невозможно совершенно, замените их другим дивизионом, наиболее надежным». Вместе с капитаном 1 ранга Зеленым к адмиралу Вердеревскому пришли и присутствовавшие при разборе юзограммы 2 члена Центрального комитета Штарев и Ховрин, которым командующий подтвердил о необходимости сохранять в тайне содержание телеграммы. Кроме названных лиц, в кабинете командующего флотом находился еще капитан 2 ранга Муравьев, который свидетельствует, что члены ЦК очень волновались, указывая, что посылка миноносцев приведет к печальным событиям в Гельсингфорсе.

Между тем в аппаратной каюте старший лейтенант Петухов и Радзеловский стали расшифровывать вторую юзограмму. Подлинное содержание этой телеграммы было такое: «Временное правительство, по соглашению с Исполнительным комитетом, приказывает принять (дальше шел шифрованный текст) меры к тому, чтобы ни один корабль без вашего на то приказания не мог итти в Кронштадт, предлагаю не останавливаться даже перед потоплением такого корабля подлодками, для чего полагает необходимым подлодкам заблаговременно занять позицию». При шифровании этой телеграммы в морском генеральном штабе вместо слова «предлагает» было зашифровано «предлагаю», и соответственно с этим в текст расшифрованной на «Кречете» юзограммы было внесено это выражение (предлагаю). Эта юзограмма была записана старшим лейтенантом Петуховым полностью, т. е. с открытым текстом, гласившим, что приказывает Временное правительство, по соглашению с Исполнительным комитетом.

Когда эта телеграмма была доложена командующему флотом, то он приказал отправить 1-му помощнику морского министра капитану 1 ранга Дудорову телеграмму такого содержания: «На №№ 8294 и 8295. Приказание исполнить не могу. Если настаиваете, укажите, кому сдать флот. Причины дополнительно сообщаются шифром». Телеграмма эта была отправлена в 20 ч. 50 м. Затем командующим флотом была составлена такая телеграмма, отправленная капитану 1 ранга Дудорову в зашифрованном виде: «По установившемуся порядку, я единолично распоряжаюсь только оперативными действиями. Посылка миноносцев в Неву в настоящий момент есть акт политический. Все политические решения могут мной приниматься лишь в согласии с Центральным комитетом, а потому, обсудив в секретном порядке вашу телеграмму, сообщаю: посылка миноносцев в Неву делает флот орудием политической борьбы и отвлекает его от прямых боевых задач. До сего времени все усилия мои и Центрального комитета были направлены к боевой способности флота. Требуемая посылка судов в Неву внесет во флот раскол и очень ослабит его боевую мощь, а посему ЦК против этой посылки, с чем я согласен. ЦК и я приложили все уси-

лия, дабы удержать от междоусобной войны флот, куда никто не имеет права его втягивать».

Вскоре после составления этой телеграммы пришли члены ЦК Ховрин и Штарев, которых адмирал пригласил к себе в кабинет. Здесь между к.-а. Вердеревским и членами ЦК произошел следующий разговор, почти дословно записанный находившимся в кабинете капитаном 2 ранга Муравьевым.

Командующий флотом. — В Петрограде под влиянием событий растерялись и приказывают послать в Неву «Новика» и отдают категорическое приказание задержать корабли от выхода в Кронштадт, даже не останавливаясь перед потоплением. Предполагаю послать такую телеграмму (читает проект телеграммы).

Ховрин. — От меня ЦК требовал огласить телеграмму, полученную от Дудорова. Так как я дал вам честное слово, то не огласил, но ЦК обязательно хочет огласить ее всем собравшимся комитетам.

Командующий флотом. — Нет, не надо, слишком распространится.

Ховрин. — Очень настаивают, чтобы огласить полученные телеграммы.

Штарев. — Получается щекотливое положение.

Командующий флотом. — Да ведь вам же доверяют, и вы вполне в курсе дела.

Ховрин. — Но все же шифрованное волнует команду, и, раз мы с вами совместно ослушались приказания, то можно и огласить.

Командующий флотом. — Я служу не людям, а родине, и если флот вовлекают в политическую борьбу, то я не исполню приказания, а там могут меня сажать в тюрьму. Ну, так как телеграмму мы отклоняем, то объявите, но сообщите, что содержание ее я считаю секретным.

Ховрин. — Конечно, она распространится, но это лучше, чем если команды волнуются из-за неизвестных шифрованных телеграмм.

Командующий флотом. — Пожалуй, я сам пойду на «Полярную» и сделаю сообщение всем собравшимся комитетам.

Придя затем вместе с капитаном 2 ранга Муравьевым на объединенное заседание судовых и Центрального комитета командующий флотом в 20 ч. 10 м. сказал, как это записано капитаном 2 ранга Муравьевым, следующее: «О том, что я буду говорить, прошу не распространять. Надеюсь, что эта моя просьба будет уважена. Я мог бы утаить, как это делалось во время старого режима, те распоряжения, которые я получил из Петрограда, но считаю это вредным и действую открыто и, так как в согласии с ЦК я отказываюсь исполнить приказание, то думаю, что собрание будет со мною единомышленно. Разглашение

полученных телеграмм может только зря возбудить массы, а между тем практического значения они не имеют, так как я их не исполню». Затем к.-а. Вердеревский огласил телеграммы за №№ 8294 и 8295, причем, по словам капитана 2 ранга Муравьева, контр-адмирал Вердеревский огласил конец второй юзограммы о принятии мер против попытки итти в Петроград не дословно, а придал сообщению такой смысл, что ему, Вердеревскому, приказано не останавливаться перед применением силы, т. е. не упомянул о действии подводных лодок. «Сила моя, — продолжал командующий флотом, заключается только в двух руках, но это ничто, и в горячем убеждении в необходимости не допустить раскола во флоте. Я много раз говорил и утверждаю еще раз, что единственный мой долг — это поддержать боевую мощь флота. Я также всегда говорил, что ни весь флот, ни одна его часть не должна уходить от своих позиций, во имя политических лозунгов, откуда бы они ни исходили. И, когда «Петропавловск» собирался итти в Петроград, я осудил его. Я не соглашаюсь и теперь послать корабли в Петроград, где кипят политические страсти, — это может погубить флот. Если пошлем сейчас миноносцы, они будут бороться за одни лозунги, завтра туда могут пойти другие и бороться за другие лозунги. Это повлечет к расколу, и флот пропадет. Вот, в согласии с двумя членами ЦК, я составил такой ответ», — и командующий флотом прочитал телеграмму, отправленную 1-му помощнику морского министра.

С места кто-то спросил: «А кто прислал телеграммы?»

К о м а н д у ю щ и й ф л о т о м: «Помощник морского министра. Я этого приказания не исполняю и, если его повторят, то сложу с себя командование флотом. Прошу вас принять меры к предотвращению междоусобий. Думаю, что эта телеграмма послана из Петрограда под влиянием чрезвычайного волнения, и ее надо рассматривать, как акт судорожного хватания за соломинку. Вот все, что я хотел сказать».

По записи капитана 2 ранга Муравьева, затем кто-то с места сказал: «Мы сперва должны поблагодарить командующего за его благородный поступок. Но неужели, когда в Петрограде раздирают свободу и когда там контрреволюция, то никого из наших не будет? Я предлагаю послать «Республику» и «Уссурийца».

На это командующий флотом сказал: «Я в прениях не буду участвовать. Это не пристало командующему, но еще раз призываю вас не делать таких актов. Я не борюсь за ту или другую сторону, борюсь только за целость флота. Если кто-нибудь уйдет отсюда, то произойдет раскол; если хоть часть флота пойдет туда, то, может быть, в другом месте вспыхнет противоположное мнение, и начнется распря.

Я могу считать себя ответственным за флот только пока он цел, а вы едины, а если расколетесь, то я продолжать командования не буду в состоянии, флот останется без управления. А самое главное: потеряется драгоценное единение. Подумайте хорошенько и примите меры, чтобы оно не нарушилось».

Сказав речь, командующий флотом ушел; объединенное же заседание продолжалось непрерывно до глубокой ночи. Между прочим, после 20 ч. на «Кречёте» пронесся слух, что в Петрограде власть перешла к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

О характере настроения в штабе командующего флотом, создавшегося под влиянием тревожных событий в Петрограде, можно судить из показаний старшего флагманского офицера штаба поручика Чистякова, выехавшего из Петрограда в 10½ ч. 4 июля и вернувшегося на «Кречет» около полуночи. Войдя в кают-кампанию, — показывает свидетель, — я был засыпан вопросами: «Существут ли в Петрограде какое-либо правительство, кто восстал, какие были лозунги?» Поручик Чистяков не мог понять, что произошло за 12 часов его отсутствия из Петрограда. «Зная количество восставших и воздержавшихся от выступлений войск, также настроение последних, работавших по разоружению автомобилей, будучи безоружными, — говорит поручик Чистяков,—я не представлял себе столь быстрого падения власти». Когда свидетель рассказал о своих впечатлениях, то посыпались возражения: «Ну, вы ничего не знаете. С 2-х часов дня настроение в Петрограде изменилось, остатки Временного правительства в полной растерянности, и ничего толком нельзя понять; то сообщают сведения, подобные вашим, то потом помощник морского министра капитан 1 ранга Дудоров требует посылки миноносцев, не сообразуясь с положением во флоте — как миноносцы пройдут заграждения и батареи, если кронштадтцы восстали? Из второй телеграммы видно, что боятся выхода больших судов, и Временное правительство требует принять меры, чтобы ни одно судно не могло уйти без распоряжения, а капитан 1 ранга Дудоров предлагает выслать подводные лодки в море и не стесняться перед потоплением. Кто это Временное правительство, кто ушел, кто остался? Да существует ли Временное правительство? Кадеты ушли, Керенский уехал. Если такая растерянность, — что видно из приказаний, идущих от капитана 1 ранга Дудорова, где нельзя разобрать, он ли приказывает или правительство, — то есть полное основание думать, что Временное правительство потеряло всякую власть, которая перешла к Совету».

После этих разговоров поручик Чистяков пошел на «Полярную звезду». На «Полярной звезде», между тем, после ухода командующего

флотом, председатель ЦК Дыбенко объявил, что он располагает официальными сведениями о несуществовании уже Временного правительства и о переходе власти к Советам р., с. и к. д.

О таковом заявлении Дыбенко свидетельствуют присутствовавшие на заседании старший флагманский офицер штаба командующего флотом поручик Чистяков и матросы Бушуев, Хлебников, Матвеев, Максимов и другие.

Из показаний многих свидетелей — участников этого заседания видно, что собрание, под влиянием заявления Дыбенко о падении Временного правительства, вполне прониклось мыслью об единоличном выступлении капитана 1 ранга Дудорова. Подтверждением этого служат 3 резолюции, принятые на вечернем заседании. Первая резолюция гласила о посылке в Петроград эск. миноносца «Орфей» с делегацией, состоящей из членов Центрального комитета и представителей всех судовых комитетов, для сообщения точных сведений о текущем моменте и ареста капитана 1 ранга Дудорова, проявившего явное контрреволюционное действие в отношении к трудовой демократии. Решение это, согласно резолюции, подлежало объявлению Всероссийскому совету крест., раб. и солд. депутатов.

Затем следовала резолюция об отрешении от должности комиссара Онипко, и, наконец, последняя резолюция состояла из обращенных к Всероссийскому исполнительному комитету советов раб., солд. и крест. депутатов требования взять полностью власть в свои руки и просьбы оказать содействие в аресте бывшего, как было сказано в резолюции, помощника морского министра капитана 1 ранга Дудорова для доставления его в Центральный комитет на предмет производства следствия и предания суду за контр-революционные действия и оскорбление, брошенное всему Балтийскому флоту.

Кроме того в дневном заседании Центральный комитет, обсудив вопрос о кризисе власти, вынес резолюцию, в которой было сказано, что опыт правления старого коалиционного министерства требует немедленно от Всероссийского комитета советов раб., солд. и крест. депутатов взять власть полностью в свои руки.

Около полуночи на «Кречете» была принята из морского генерального штаба юзограмма, в которой передавалась резолюция соединенных Исполнительных комитетов советов р. с. и к. депутатов о требовании некоторых воинских частей, явившихся с оружием в руках, чтобы Исполнительные комитеты взяли всю власть в свои руки. С негодованием отвергая всякую попытку давить на их волю, Исполнительные комитеты заявили, что эти деяния равносильны предательству и удару в спину революционной армии, и призывали ждать решения полномочного органа демократии, пред решением которого

должны склониться все, кому дорого дело свободы. Эта юзограмма была отправлена капитаном 2 ранга Муравьевым, в копии, в Центральный комитет.

Вскоре после этого капитан 2 ранга Муравьев узнал о предполагаемом уходе «Орфея» с делегацией. О том, что эта делегация предполагает арестовать капитана 1 ранга Дудорова, свидетель узнал позже, но еще до ухода «Орфея», от командира миноносца. Доложив об этом начальнику штаба, капитан 2 ранга Муравьев получил от него около 1 часу ночи приказание отправиться вместе с командиром «Орфея» и членом ЦК Ховриным к командующему флотом, который был у себя на даче. Явившись, Ховрин показал адмиралу принятую на объединенном собрании резолюцию, в которой говорилось об аресте капитана 1 ранга Дудорова. Адмирал указал на бессмысленность такого требования, так как капитан 1 ранга Дудоров являлся лишь исполнителем распоряжений Временного правительства, и вопрос идет не о контрреволюции, а о подавлении разбойных нападений. На это Ховрин возразил, что поездка делегации не приведет к аресту, так как, очевидно, ЦИК в Петрограде откажется выполнить эту просьбу. Ховрин полагал, что эта резолюция являлась маневром для успокоения возбужденных командных масс путем направления создавшегося настроения на лицо, находящееся вне Гельсингфорса.

Командир «Орфея» капитан 2 ранга Зубов, в свою очередь, доложил командующему, что он получил от ЦК гарантии, что его миноносец не будет вовлечен в какие бы то ни было выступления в Петрограде. После этих переговоров командующий флотом дал свое согласие на посылку «Орфея», который и ушел с делегацией в 3 ч. 30 м. 5 июля в Петроград.

По возвращении капитана 2 ранга Муравьева на «Кречет» вскоре была получена телеграмма за № 8309 за подписью капитана 1 ранга Дудорова, отправленная из морского генерального штаба в 2 ч. 10 м. В этой юзограмме сообщалось, что Временное правительство, вследствие изменившейся обстановки, отменяет свое распоряжение и указывает командующему флотом на недопустимое поведение части Балтийского флота в лице береговых и судовых команд Кронштадта. Ночью на 6 июля от главнокомандующего северным фронтом была получена шифрованная телеграмма, оказавшаяся по содержанию оперативной и касающаяся военных мероприятий по передвижению войск в Финляндии.

Ввиду установленного Центральным комитетом контроля над аппаратами Юза, телеграмма эта была расшифрована в присутствии членов Центрального комитета.

Начальник штаба доложил об этом к.-а. Вердеревскому, указав на необходимость принять какие-нибудь меры для снятия контроля в видах обеспечения военной тайны.

По мнению к.-а. Вердеревского, выходом из создавшегося положения являлось срочное устранение капитана 1 ранга Дудорова от деятельности, так как доверие к последнему во флоте подорвано и повело к установлению контроля ЦК над всеми оперативными как входящими, так и выходящими распоряжениями.

Исходя из этих соображений, командующий флотом и отправил морскому министру Керенскому 6 июля юзограмму такого содержания, указывая, кроме того, что, в случае помещения в оперативные распоряжения политических вопросов, таковые телеграммы все равно будут сообщены ЦКБФ, так как руководство боевой деятельностью флота возможно только при полном доверии к командующему флотом и строгом разграничении оперативной и политической частей. 6 того же июля управляющий морским министерством приказал капитану 1 ранга Дудорову вызвать в Петроград к.-а. Вердеревского.

Во исполнение этого требования к.-а. Вердеревский вышел из Гельсингфорса на мин. «Молодецкий» и, по прибытии 7 июля в Петроград, был арестован на квартире морского министра, куда к.-а. Вердеревский приехал.

Телеграмма о вызове к.-а. Вердеревского очень взволновала команду, и по этому поводу состоялось даже объединенное совещание судовых и Центрального комитетов, причем на совещании высказывалось беспокойство по поводу вызова адмирала и была вынесена резолюция о недопустимости ареста или отрешения от должности к.-а. Вердеревского. К.-а. Вердеревский был на этом совещании и объяснил собранию, что всякие выступления матросов в его пользу лишь создадут почву для обвинения его в провокации. Тем не менее собрание настояло, чтобы к.-а. Вердеревский шел на миноносце.

Допрошенный на следствии в качестве обвиняемого к.-а. Вердеревский не признал себя виновным в предъявленных ему обвинениях в неисполнении приказания, в сопротивлении распоряжению Временного правительства и в государственной измене, причем объяснил, что, по формальным причинам, отданное ему приказание помощником морского министра капитаном 1 ранга Дудоровым о высылке четырех миноносцев в Петроград не имело для него безусловной силы, а потому вопрос об исполнении этого приказания находился вполне в сфере его компетенции, так как, на основании 29 ст. морского устава, командующий флотом всецело подчинен главнокомандующему, и никакое иное лицо или место не вправе давать командующему флотом предписаний или требовать отчета. А затем, на основании 32 ст.

морского устава, командующий флотом, главным образом, заботится об исполнении военных указаний главнокомандующего и о сохранении боеспособности флота и его личного состава. Далее к.-а. Вердеревский указал, что он решил не высылать миноносцы потому, что, может быть, посылку эту и не удалось бы выполнить, за неисполнением приказания, а кроме того и потому, что в той обстановке, которая была и одинаково оценивалась как им, так и его сотрудниками по работе в штабе, посылка миноносцев вызвала бы немедленный выход и других судов, но уже с целью поддержки крайних элементов.

С другой стороны, по словам к.-а. Вердеревского, оценка лойяльности миноносцев была сделана без знания действительного положения вещей. Относительно оглашения секретных юзограмм к.-а. Вердеревский объяснил, что, предвидя оглашение юзограмм помимо него, так как при расшифровании присутствовали члены секретной секции Центрального комитета, которая потом объявила ему, что не считает возможным скрыть содержание юзограмм от комитета, он Вердеревский, предвидя весьма тяжелые последствия, решил сам пойти на заседание комитетов и, объяснив, почему не посылает миноносцев, призвать всех к сознанию необходимости соблюдать спокойствие и безусловно отказаться от использования судов флота, как орудий политической борьбы. В результате, по объяснению к.-а. Вердеревского, он получил формальное заверение, что ни один корабль не тронется с места, и, таким образом, второе требование — о невыходе ни одного корабля в Петроград без его ведома, было фактически удовлетворено.

Относительно согласия на отправку в Петроград с делегацией эск. миноносца «Орфей» к.-а. Вердеревский объяснил, что резолюция об аресте капитана 1 ранга Дудорова потеряла свою остроту, и, считая, что отправка этого миноносца будет способствовать лишь внесению успокоения, не может считать себя, по совести, виновным в оказании сопротивления действиям Временного правительства, каковым действиям он, к.-а. Вердеревский, всегда и во всем помогал.

При предъявлении к.-а. Вердеревскому следственного производства и по ознакомлении с ним, к.-а. Вердеревский добавил к своим первым объяснениям, что для него не возникало никаких сомнений о том, что телеграмма о посылке миноносцев в Петроград была послана по личной инициативе капитана 1 ранга Дудорова, и именно от него, а не от Временного правительства.

Поэтому, по существу, в силу сложившейся обстановки и формально, он, командующий флотом, не мог, да и не обязан был исполнить это распоряжение.

При этом к.-а. Вердеревский объяснил, что он мог ошибиться в оценке обстоятельств, что однако объясняется обстановкой, но никогда ни одним жестом не содействовал смуте и борьбе с правительством.

На основании всего изложенного против к.-а. Вердеревского возникает обвинение в том, что: 1) состоя в должности командующего флотом Балтийского моря и получив, во время войны, 4 июля 1917 года, в Гельсингфорсе две шифрованные юзограммы за №№ 8294 и 8295, за подписью 1 помощника морского министра капитана 1 ранга Дудорова, в которых Временное правительство в числе других приказаний предписывало ему выслать в Петроград 4 миноносца в распоряжение Временного правительства, и, ознакомившись с содержанием этих юзограмм из доклада начальника своего штаба, а затем и лично прочтя расшифрованный текст этих юзограмм, он умышленно приказания этого не исполнил и миноносцев в Петроград не выслал.

2) Тогда же придя на объединенное заседание Центрального и судовых комитетов, собравшихся на «Полярной звезде», и огласив там, своими словами, содержание полученных им в особо доверительном порядке двух шифрованных юзограмм за №№ 8294 и 8295 и пояснив при этом, что юзограммы исходили от помощника морского министра капитана 1 ранга Дудорова, тогда как приказания заведомо для него исходили от Временного правительства по соглашению с Исполнительным комитетом, он ввел в заблуждение названное собрание и, не дав надлежащих разъяснений, способствовал вынесению резолюций противогосударственного содержания, а затем, отказав Временному правительству в посылке 4-х миноносцев,—в том числе и эскадренный миноносец «Орфей»,— он отпустил названный эскадренный миноносец «Орфей» в Петроград с делегацией, в числе около 70 человек, для приведения в исполнение принятой на объединенном собрании комитетов резолюции об арестовании капитана 1 ранга Дудорова и о передаче верховной власти Совету солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, т. е. в преступных деяниях, предусмотренных: первое— ст. 104, второе — ст. ст. 142 и 145 военно-морского устава о наказаниях.

Что касается предъявленных на предварительном следствии к.-а. Вердеревскому обвинений в сопротивлении исполнению приказаний Временного правительства и в государственной измене, т. е. в преступных деяниях, предусмотренных ст. ст. 105 кн. XVI св. морских постановлений и 108 угол. улож., то, принимая во внимание:

1) что к.-а. Вердеревский не имел намерения оказать активного противодействия приказаниям, исходящим от Временного правительства,

2) что оглашение секретных юзограмм, а равно всеми своими действиями, квалифицированными, как неисполнение приказания и бездействие власти, он отнюдь не имел намерения способствовать неприятелю в его враждебных действиях против России, я полагаю, что обвинения к.-а. Вердеревского в сопротивлении и в государственной измене подлежат прекращению за отсутствием состава преступления.

Главный военно-морской прокурор Шабловский.

С подлинным верно:

Товарищ главного военно-морского прокурора [подпись].

ПРОТОКОЛ № 3.

1917 года июля 9 дня производящий, по поручению морского министра, предварительное следствие полковник военно-морского судебного ведомства Шпаковский в морском генеральном штабе допрашивал, с предварением о присяге, в качестве свидетеля, нижепоименованного, который показал:

Зовут меня Капнист, граф, капитан 1 ранга, Алексей Павлович, начальник морского генерального штаба, 46 л., православный, под судом и следствием не был, обвиняемому посторонний. — Во вторник 4 сего июля я был вызван к прямому проводу начальником штаба Балтийского флота капитаном 1 ранга Зеленым для осведомления его о положении дел в Петрограде.

Лента этого разговора, к сожалению, не сохранилась, так как я забыл приказать ее наклеить. Насколько я помню, капитан 1 ранга Зеленой спросил меня, были ли выступления против определенных министров и плакаты против них и, в частности, против А. Ф. Керенского. Я ответил, что плакаты были всякие, что манифестации носили сумбурный характер и что в точности неизвестно, кто чего требует. В этом же разговоре по Юзу я сообщил, что сейчас будет срочная телеграмма шифром с распоряжением Времен. правительства. После этого от адмирала Вердеревского была получена телеграмма, что, вследствие обстоятельств момента, он просит передавать сведения открыто, а не шифрованными телеграммами. Ввиду этого капитаном 2 ранга Романовым последовавшая телеграмма о высылке 4 миноносцев была обозначена «оперативная». По содержанию она дает распоряжение о передвижении боевых судов и поэтому должна была итти как оперативная, несмотря на свой политический оттенок. Сверх того, так как она содержала категорическое распоряжение Врем. правительства, сделанное в согласии с Исполнительным комитетом советов р. и к. депутатов, то не подлежит никакому предварительному обсужде-

нию в местных комитетах и притом не подлежала никакому оглашению, иначе о ней могли узнать те лица, против которых данная мера принималась. Почему, ввиду предыдущей телеграммы командующего флотом адмирала Вердеревского и дабы дать ему возможность не показывать ее никому, кроме исполнителей приказания, она и должна была быть послана шифрованной.

Мне было известно о существовании соглашений между командующим Балтийским флотом и Исполнительным комитетом, что последний не вмешивается в оперативные дела, и, следовательно, не должен вникать в оперативные телеграммы, но у меня не было никакой уверенности в том, что это соблюдается. Капитан 2 ранга Романов, заведующий секретной перепиской морского генерального штаба, в случае неимения определенных указаний, самостоятельно определяет способ посылки телеграммы: прямым ли проводом или нет, шифром ли, подшифровкой, открытой или пометкой «оперативная». Как я случайно узнал из печатного листка под заглавием «Кризис власти», помещен мой разговор по Юзу с капитаном 1 ранга Зеленым, имевший место 4 сего июля со следующим списанным мной текстом: «Здесь у аппарата начальник штаба. В дополнение сообщенного графом Капнистом, комфлот желает знать, были ли лозунги: долой отдельных министров, например, Керенского. Также, действительно ли он уехал. Здесь много всяких слухов, посему желательно давать несколько раз в день сведения о событиях». — Лозунги были всякие, но без всякой системы. До сих пор никому не удалось выяснить, чего собственно кто желает. Сейчас вам будет начата весьма срочная телеграмма, которую необходимо расшифровать в спешном, но доверительном порядке. Поэтому оставьте у провода офицера, который взял бы ленту; сейчас много полков заявляет доверие Временному правительству и Всероссийским съездам Исполнительных комитетов с. и р. депутатов и крест. депутатов. Оба Исполнительные комитета вынесли резолюции о полном соглашении с главнокомандующим округом, так что в действиях не будет никакого разлада. А шифрованной телеграммы не будет, потому что не хотят наши телеграфисты сегодня давать шифрованные телеграммы; если и будет, то потом уже, как рассмотрят они, а пока до свиданья».

В действительности текст этого разговора кончился словами: «так что в действиях не будет никакого разлада», текст этот вполне верен. К сожалению, как я упомянул, на станции не сохранилось этой ленты. Однако утверждаю, что последние строки приведенного текста, начиная со слов: «а шифрованной телеграммы не будет» и т. д., я не телеграфировал, и слова эти представляют собой самовольную прибавку телеграфиста, передававшего мои слова. Обращаю внима-

ние, что слова эти были переданы так, что им придан был характер моих слов, что ясно видно из слов «наши телеграфисты», «как рассмотрят они» и, наконец, «а пока до свидания». Между тем после слов «никакого разлада» я протелеграфировал, как и обыкновенно, «все» или «точка», на что через полминуты капитан 1 ранга Зеленой ответил: «Благодарю», а я: — «До свидания». Так, по крайней мере, мы обыкновенно кончали разговор по прямому проводу, чтобы показать, что разговор окончен и больше не будет вопросов или ответов.

Очевидно, что при наклейке ленты в Гельсингфорсе слова эти были выброшены, так как следовала дальнейшая прибавка к тексту, заканчиваемая словами: «До свидания». Телеграмму мою передавал телеграфист Пшеничный, но у меня нет данных, чтобы судить, он ли сделал к телеграмме самовольно дополнение или кто-нибудь из остальных телеграфистов.

Печатный листок «Кризис власти» у меня не сохранился, а был мне показан одним из офицеров. Поясняю, что разговор по Юзу обычно одновременно с офицером читает и телеграфист, который находится при аппарате. Присутствие это является полезным, дабы быстро настраивать аппарат, который очень часто, особенно при неопытных подающих телеграфистах, теряет согласование. Поэтому я склонен думать, что и в момент моего разговора с капитаном 1 ранга Зеленым, в котором я сообщал о предполагаемой посылке шифрованной телеграммы, присутствовал телеграфист и мог читать телеграмму. Во всяком случае, я не передавал капитану 1 ранга Зеленому перед началом разговора, чтобы он отослал телеграфиста, опасаясь, что такое предупреждение может обострить обстановку. При предварительном расследовании о том, кто сделал самовольно прибавку к вышеописанному мной разговору, выяснилось, что эта прибавка была сделана не телеграфистом Пшеничным, а телеграфистом Романовым. Больше добавить ничего не имею.

Надписано: «с предварением присяги», «соглашении», «телеграммы», «текст этот», зачеркнуто: «в чем я» — верить. Показание мною прочитано.

Капитан 1 ранга граф К а п н и с т.

Производящий следствие полковник Ш п а к о в с к и й.

ПРОТОКОЛ № 4.

1917 года июля 9 дня производящий, по поручению морского министра, предварительное следствие полковник военно-морского судебного ведомства Шпаковский, в квартире помощника морского

министра, допрашивал в качестве свидетеля нижепоименованного, который показал:

Зовут меня Дудоров, Борис Петрович, капитан 1 ранга, 1-й помощник морского министра, 34 православный, под судом и следствием не был, обвиняемому посторонний.

Предъявленные мне телеграммы за моей подписью, действительно, были мною посланы. (Свидетелю предъявлены приложенные к делу, в качестве вещественного доказательства, телеграммы, описанные в протоколе за № 5.)

Первые телеграммы, освещающие положение вещей, были посланы по моей инициативе, а последующие также и в силу просьбы адмирала Вердеревского. Телеграммы высылались не шифрованные для того, чтобы о содержании их была поставлена в известность команда. Вечером 4 июля управляющий морским министерством В. И. Лебедев передал мне, что он говорит со мной по телефону из штаба главнокомандующего округом, где происходит заседание Временного правительства вместе с представителями Центр. исполнительного ком. Всеросс. сов. с. р. и к. деп., причем спросил, какие меры могу я принять, чтобы воспрепятствовать кронштадтцам уйти из Петрограда, и не могу ли я, при посредстве 2 Балтийского флотского экипажа, отвести пароходы от пристаней. Я ответил, что так как часть кронштадтцев возвращается уже на пароходы, то сделать это будет невозможно без содействия вооруженной силы и что меру эту я нахожу нецелесообразной. Этот мой ответ, как и все последующие, передавался управляющим заседанию, что мне ясно было слышно по телефону. В дальнейшем управляющий спросил меня, не могу ли я воспрепятствовать уходу судов. Я ответил, что могу, если мне будут предоставлены соответствующие средства, и на вопрос, какие средства нужны, ответил: хотя бы одну пушку и к ней охрану. После последовавшего, видимо, совещания я получил ответ, что пушки мне дать не могут. На вопрос, какие надлежит применить средства для прекращения сообщения Кронштадта с Петроградом, я ответил, что, если это требуется, то лучше всего вызвать в Петроград дивизион миноносцев. На вопрос, можно ли ручаться, что дивизион миноносцев будет повиноваться законным властям, я ответил, что безусловно на огромное большинство минной дивизии можно положиться и, в частности, указал на миноносцы: «Победитель», «Гром», «Забияка» и «Орфей».

Изложенное мое убеждение основывалось на знании настроения минной дивизии, по крайней мере, поскольку оно не изменилось за самое последнее время. Услыша имя «Победитель», управляющий морским министерством, видимо, вспомнив устроенную этими миноносцами 11 мая манифестацию (когда они подняли в Гельсингфорсе сигналы: «Ро-

дина ожидает, что каждый исполнит свой долг», и с этими сигналами дефилировали между судами, вызвав грандиозный взрыв энтузиазма между другими судами и гарнизоном), сказал: «Да, да, «Победителя» было бы хорошо». Я заметил, что миноносцы эти, именно по оперативным соображениям, может быть, окажется прислать невозможным и придется предоставить командующему прислать в таком случае другие, на что получил согласие с оговоркой, чтобы все-таки прислали надежные миноносцы. На мой вопрос, могу ли озаглавить телеграмму с приказанием выслать миноносцы указанием, что это приказание исходит от Врем. правительства, в согласии с Исп. комитетом, я получил ответ: «Безусловно, так как все вопросы решаются здесь вместе». Независимо от этого, я получил указание включить в телеграмму вкратце мотивы, на основании которых я и редактировал телеграмму за № 8294 и передал ее начальнику морского генерального штаба для зашифрования.

После отсылки телеграммы ко мне пришел граф Капнист и сказал, что телеграфист отказывается послать шифрованную телеграмму. На это я поручил графу Капнисту передать телеграфисту, что, в случае ослушания, фамилия его будет сообщена Исп. комитету и он сам будет предан суду. В это время меня снова вызвал управляющий морским министерством В. И. Лебедев по телефону и спросил: «А вы не думаете, что какие-нибудь корабли могут самовольно притти в Петроград, например «Республика» или «Петропавловск», и не надо ли вызвать в Неву подводные лодки.» Я ответил, что в Петроград корабли притти не могут, а подводные лодки действовать в Неве и в Кронштадте не в состоянии, но что Кронштадт для кораблей доступен. На вопрос, будут ли корабли представлять опасность для Петрограда, стоя в Кронштадте, я ответил: не столько огнем, сколько моральным значением своего прихода. На вопрос, как же не допустить их прихода, я ответил: предоставить командующему флотом принять все меры, вплоть до потопления кораблей подводными лодками, для чего последним необходимо заранее занять позиции, например, у Гогланда.

Затем я услышал по телефону, что по поводу моих ответов шло в заседании какое-то совещание. Чрез некоторое время я получил от управляющего приказание отправить соответствующую телеграмму с таким же заголовком, как и первую за № 8294. Эта вторая моя телеграмма была послана за № 8295. При отправлении обеих телеграмм я получил приказание, чтобы действия, требуемые этими телеграммами, были совершены в полном секрете, причем мне было указано, что высланные миноносцы будут встречены особо назначенными лицами для разъяснения им обстановки. Когда я доложил, что отправка телеграмм зашифрованных встречает затруднение со стороны телегра-

фиста, то управляющий приказал арестовать его, но в это время граф Капнист доложил мне, что дело улажено передачей моего приказания телеграфисту и тем, что вступительная часть, указывающая, от имени кого передается телеграмма, не зашифрована. Когда граф Капнист доложил мне, что от командующего флотом получена телеграмма, в которой он просит не посылать шифрованных телеграмм, так как это волнует команду, то я сказал, что получил приказание отправить телеграммы секретно, почему телеграммы должны быть посланы шифрованными. О том, что эти телеграммы были посланы с пометками «оперативная», мне не было известно, и об этом я узнал на другой день из телеграммы адмирала Вердеревского. Получив первый отказ не шифрованным от адмирала Вердеревского о высылке миноносцев, я никому его не передавал до получения шифрованной мотивировки, после чего отправил обе телеграммы с адъютантом управляющего морским министерством в заседание Врем. правительства, приложив записку, в которой просил отнестись ко всему вопросу со всем государственным хладнокровием и, если, в связи с изменяющейся обстановкой в Петрограде, вызов миноносцев не необходим, отказаться от него, указав лишь Балтийскому флоту, что часть его, в лице кронштадтских команд, уже приняла недопустимое участие в мятеже, пролив кровь верных революции войск. Ответ я получил по телефону с приказанием отменить посылку миноносцев и сделать соответствующее указание на кронштадтцев. Соответственно с этим мной была послана телеграмма за № 8309. Относительно телеграммы, посланной адмиралом Вердеревским, с указанием на необходимость устранения меня от должности для блага флота, думаю, и даже уверен, что она ни в коем случае не являлась каким-либо личным выпадом против меня, а вызывалась создавшимся на месте тяжелым положением. Получив приказание вызвать адмирала Вердеревского в Петроград, я послал соответствующую телеграмму, причем мне было сообщено, что Временное правительство предполагает арестовать адмирала. Никакого участия в решении вопроса об аресте Временным правительством я не принимал, а получил приказание привести арест в исполнение 6 июля, о чем и отдал соответствующее распоряжение начальнику главного морского штаба. После прибытия и ареста адмирала Вердеревского я с ним не виделся. Относясь всегда раньше с глубоким уважением к адмиралу, я должен засвидетельствовать, что он принимал всегда все меры к тому, чтобы во время революции сохранить боеспособность флота. К командованию он не стремился и принял его лишь по прямому категорическому приказанию. Неоднократно он указывал на тяжелое свое положение как командующего, и я думаю, что решение не исполнить приказание Врем. правительства основывалось лишь на непра-

вильной оценке момента в том смысле, что только взяв на себя такую ответственность, он сохранит России флот. Больше ничего добавить не имею.

Показание мне прочитано. Надписано: «также», «сообщение», «корабли», зачеркнуто: «фа», «Слиш», «я ответил, что в Петро», «находит невоз», «шт» — считать правильным.

Капитан 1 ранга Дудоров.

Производящий предв. следствие полковник
Шпаковский.

ПРОТОКОЛ № 7.

1917 года июля 14 дня производящий по поручению морского министра предварительное следствие полковник военно-морского судебного ведомства Шпаковский допрашивал в помещении главного военно-морского судного управления в качестве свидетеля, с предварением о присяге, нижепоименованных:

1. Онипко, Федот Михайлович, генеральный комиссар при командующем Балтийским флотом, 38 л., православный, под судом не был, обвиняемому посторонний. По делу показываю: проживаю я на посыльном судне «Кречет». Начиная с 4 сего июля я путем телефона и чрез приезжавших из Петрограда был осведомлен о создавшемся положении в Петрограде, которое не представлялось мне особенно критическим. О положении дел я беседовал с адмиралом Вердеревским, который делился сведениями, в свою очередь, получаемыми им от капитана 1 ранга Дудорова по телеграфу. Вечером я находился у аппарата во время происходившего по Юзу разговора между капитаном 1 ранга Зеленым и графом Капнистом. Разговор происходил при таких условиях, что телеграфист мог прочесть содержание разговора на ленте.

Узнав из разговора о предстоящей шифрованной телеграмме, я смутился, так как такое предупреждение должно было вызвать подозрение у телеграфистов. После этого разговора я ушел и через некоторое время узнал в штабе, что телеграфисты в Петрограде отказываются передать упомянутую шифрованную телеграмму. Когда я вернулся из объединенного собрания, состоявшегося в Мариинском дворце, по поводу событий в Петрограде, то узнал о содержании 2-х шифрованных телеграмм и сделанных на них ответов контр-адмиралом Вердеревским. Согласно установившемуся порядку, всякое распоряжение, исходящее от центральной власти из Петрограда к командующему флотом и имеющее политическое значение, должно быть мне сообщаемо, и всякое последовавшее в связи с таким распоряжением

решение предварительно должно быть мне сообщаемо командующим, дабы я мог высказать свое мнение, если оно не согласуется с теми требованиями, на страже коих я поставлен. В данном случае ни две упомянутые шифрованные телеграммы — одна о высылке миноносцев, а другая — о потоплении подводными лодками кораблей, при попытке их пройти в Петроград — мне не были сообщены, равно как я не был поставлен в известность и о тех ответах, которые были даны адмиралом Вердеревским, что, как мне объяснил затем адмирал Вердеревский, произошло вследствие моего в то время отсутствия на «Кречете». Если бы со мной адмирал Вердеревский посоветовался, то я бы не одобрил посланного ответа, а настаивал бы на исполнении полученного приказания, хотя бы был уверен, что миноносцы не исполнили бы приказание итти в Петроград.

Свидетель просил, ввиду срочности имеющихся у него дел, прервать допрос, для окончания такового в Гельсингфорсе, куда выезжает через день или два.

Показание мне прочитано. Зачеркнуто: «вечера», надписано: «чрез», «был». Зачеркнуто: «дать»; надписано: «теми требованиями, на страже коих я поставлен». Зачеркнуто: «моими взглядами» — верить.

Генер. ком. О н и п к о.

Производящий следствие полковник Ш п а к о в с к и й.

2. З е л е н о й, капитан 1 ранга, Александр Павлович, бывший начальник штаба командующего Балтийским флотом, 44 л., православный, под судом не был, обвиняемому посторонний. По делу показываю: до получения первой осведомительной юзограммы за подписью Дудорова в штабе и мне лично о событиях в Петрограде ничего не было известно. Телеграмма эта была доложена мной адмиралу Вердеревскому около 8 ч. утра 4 сего июля. Телеграмма эта была передана в ЦКБ флота, равно как сообщались и последующие приходившие осведомительные юзограммы за подписью Дудорова, как то вообще было установлено уже издавна. Впродолжении дня, в связи с получаемыми сведениями и со слухами в городе и на судах, настроение было довольно неспокойное, о чем можно было заключить из бесед с командирами судов, с некоторыми офицерами и отдельными матросами.

В связи с создавшимся настроением и слухом в городе об убийстве, якобы, А. Ф. Керенского, адмирал Вердеревский предложил мне выяснить этот слух в осторожной форме, в дополнение к моему разговору с графом Капнистом, новым разговором по Юзу. Этим и объясняется ряд вопросов, касающихся личности Керенского в этом разговоре по Юзу. Во время этого разговора у аппарата уже присутствовали очередные

члены ЦКБФ, в числе двух или трех человек; один из них был музыкантский ун.-офицер Штарев. Эти члены читали ленту одновременно со мной. Устранить их я не имел возможности, так как такой порядок был установлен уже некоторое время для обеспечения общности работы и взаимного доверия, хотя оговариваюсь, что такое дежурство у Юза ЦК установил с вечера 4 июля впервые, равно как и в службе связи в сухопутной канцелярии. Дежурные члены неотступно следили за лентой и тотчас же сообщали содержание разговора президиуму Центр. комитета.

На мой доклад, что ожидается шифрованная телеграмма, адмирал Вердеревский приказал телеграфировать о недопустимости посылки шифрованной телеграммы. В последней было употреблено выражение: считаю, что надо открыто передавать «сведения», понимая под словом «сведения» не только осведомление, но всякого рода распоряжения административного характера. По получении ответа с репликой, что сведения передаются открыто, и в связи с заключительными словами моего последнего разговора с графом Капнистом, что телеграфисты в ген. штабе отказываются передавать шифрованные телеграммы, была, насколько я помню, вторая открытая юзограмма, приблизительно такая: прошу передавать телеграммы открыто, шифрованные волнуют команды.

Присутствовавший при моем разговоре по Юзу комиссар Онипко не делился со мной мнениями. При обсуждении вопроса, как поступить в случае получения шифрованной телеграммы, адмирал Вердеревский, с чем я был согласен, считал необходимым, для сохранения спокойствия в командах, не пытаться отстранить контроль от Юза, тем более, что настроение дежурных членов Центр. комитета и телеграфистов было довольно повышенное.

Когда затем, не взирая на наши две телеграммы, пошла шифрованная телеграмма, то я понял, что в ген. штабе удалось убедить передавать ее. Сомневаться же в том, что в моем разговоре последние слова, действительно, принадлежали графу Капнисту, я не имел никаких оснований, так как разговор был окончен обычным словом: «до свидания». Когда пошла телеграмма, то ее держали члены Центр. комитета, приняв от юзистов, а расшифровывали офицеры. Первую телеграмму расшифровали, и только в конце второй, вопреки обычному порядку, появилась в кавычках добавка: «такие то № № считать оперативными». Между тем всегда оперативные телеграммы имеют такую надпись в начале текста или перед адресом.

После расшифрования телеграммы я предупредил всех присутствовавших, а особенно дежурных ЦКБФ, о сохранении тайны, чему они вполне подчинились. С текстом телеграммы я, еще кто-то

из офицеров и 2 члена ЦКБФ, а именно Штарев и Ховрин, отправились в каюту адмирала Вердеревского, где произошел разговор, при котором я полностью не присутствовал, будучи отвлекаем по службе. Когда я вернулся, то обмен мнений, видимо, уже состоялся, и адмирал Вердеревский заявил Штареву и Ховрину, что он разрешает сообщить тексты телеграмм лишь секретной секции ЦКБФ, состоящей, насколько я знаю, из 5—6 человек. Тут же им был составлен текст — открытый и шифрованный — ответов, с которым я был вполне согласен, считая, что такой ответ является единственно возможным для избежания междоусобицы во флоте. Содержащиеся требования в особых шифрованных телеграммах я считаю не оперативными, а административно-политическими.

Почему не принял участия в рассмотрении всех вопросов, связанных с 2 шифрованными юзограммами, комиссар Онипко, мне неизвестно: полагаю, что произошло это случайно, ввиду его отсутствия в этот момент на посыльном судне «Кречет». Мне лично в этот момент не пришло в голову напомнить об этом адмиралу Вердеревскому, что, вероятно, произошло по той причине, что комиссар Онипко в последний период очень мало находился в общении с штабом и ЦКБФ, ввиду своей продолжавшейся втечение нескольких дней служебной поездки в Петроград. Почему именно был изложен текст ответной шифрованной телеграммы именно в тех выражениях, в которых он был составлен, я точно объяснить не могу, так как непосредственного участия в составлении текста не принимал, обращая, главным образом, внимание на суть ответа, а не на ту форму, в которой она была изложена, так как с основной мыслью — о невозможности посылки миноносцев — был согласен, так как у меня не было уверенности, что за выходом миноносцев не последует выход больших судов, но с противоположными целями.

Через некоторое время после отправки телеграмм адмирал Вердеревский был приглашен, — а, может быть, и по своему почину, пошел на объединенное заседание судовых и Центрального комитетов. Вместе с адмиралом пошел капитан 2 ранга Муравьев. Что происходило на заседании, я не знаю, так как на нем не присутствовал. По возвращении адмирал Вердеревский мне сказал, что результатом заседания он доволен, так как получил гарантию, что суда не будут делать никаких выступлений. Около 11 часов ночи ко мне обратился Ховрин или Дыбенко, точно не помню, с просьбой дать миноносец «Орфей» для доставки осведомительной делегации в Петроград. На мое указание, что удобнее послать поездом, так как это будет скорее, мне указали, что делегация многочисленная, человек 40, почему быстро такое количество мест на поезде получить трудно, к тому

же поезд должен скоро отойти, и делегация с судов не успеет собраться.

Я доложил о просьбе по телефону адмиралу Вердеревскому, высказав, что, так как делегация имеет целью умиротворение, то я не встречаю препятствий к удовлетворению этой просьбы. Адмирал Вердеревский разрешил дать «Орфея». Уже после разрешения итти «Орфею» в Петроград я случайно узнал от одного из офицеров штаба, что делегация предполагает произвести в Петрограде какие-то аресты, причем мне был указан, как осведомитель этого слуха, пришедший с «Орфея» матрос. На мой вопрос он точного ответа не дал. Я потребовал Ховрина и спросил его об этом слухе, причем приказал ему и пришедшему в это время командиру «Орфея» капитану 2 ранга Зубову точно выяснить этот вопрос и совместно сделать доклад адмиралу Вердеревскому, о чем, насколько помнится, и передал по телефону названному адмиралу, который подтвердил необходимость доклада ему указанными лицами. Затем я получил, не помню — от кого, уведомление, или, вернее, доклад, одного из дежурных флаг-офицеров, что «Орфею» адмирал Вердеревский разрешил итти, о чем я приказал телеграфировать в морской генеральный штаб. Во время этих разговоров по поводу отправки «Орфея» я узнал от кого-то из офицеров, что делегация предполагает арестовать капитана 1 ранга Дудорова, чему я не придал никакого значения, считая, что образ мыслей делегации по приезде в Петроград и общении с Советом с., р. и к. д. совершенно изменится.

Ночью на 6 июля от командующего северным фронтом была получена шифрованная телеграмма, оказавшаяся по содержанию оперативной и касавшаяся важных мероприятий по передвижению войск в Финляндии. Телеграмма эта была расшифрована, согласно создавшемуся порядку, в присутствии членов Центр. комитета. Я через начальника оперативного отделения князя Черкасского довел до сведения о ней адмирала Вердеревского, указав на необходимость предпринять какие-нибудь шаги для снятия контроля, в видах обеспечения военной тайны. Видимо, в связи с этим докладом, и была составлена телеграмма адмирала Вердеревского относительно устранения от должности капитана 1 ранга Дудорова, для того, чтобы такой мерой устранить контроль ЦК над шифрованными телеграммами. Я был ознакомлен с ее текстом, кажется, князем Черкасским, и считал такой выход единственно возможным. По сообщении текста этой телеграммы дежурному члену ЦК контроль над шифрованными депешами был снят. Когда впоследствии в печати появилось содержание шифрованных телеграмм и моих разговоров по Юзу, то адмирал Вердеревский пригласил ЦКБФ и высказал порицание, что они не сдержали

обещания сохранить сообщенное им в секрете. Больше показать ничего не могу.

Показание мне прочитано. Зачеркнуто: «раз», «ю», «член», «Тогда же я застал», «к испол», «что», «ночью». Добавляю, что я телефонировал адмиралу Вердеревскому о слухе, что делегация, между прочим, собирается арестовать капитана 1 ранга Дудорова, на что адмирал приказал прислать к нему представителей ЦКБФ для выяснения этого слуха. Зачеркнуто: «насколько». Показание мне прочитано.

Капитан 1 ранга Зеленой 2-й.

Производящий следствие полковник Шпаковский.

ПРОТОКОЛ № 10.

1917 года июля 16 дня производящий по поручению морского министра предварительное следствие полковник военно-морского судебного ведомства Шпаковский допрашивал в Ревеле на посыльном судне «Кречет» в качестве свидетеля, с предварениями о присяге, нижепоименованных:

1. Развозов, Александр Владимирович, контр-адмирал, командующий Балтийским флотом, 38 л., православный, под судом не был, обвиняемому посторонний. По делу показываю: до занимаемой мной в настоящее время должности, а именно до 7 сего июля, я занимал должность начальника морских сил Рижского залива. Я виделся с адмиралом Вердеревским 1 сего июля, причем в докладе своем я, между прочим, характеризуя настроение команд, указал, что не сомневаюсь, что подчиненные мне корабли, в случае надобности, пойдут в бой, хотя есть корабли, отличающиеся от других своим скверным настроением, которое можно охарактеризовать — выражаюсь ходячим термином — «большевистским». Таким настроением особенно отличался линейный корабль «Гражданин» («Цесаревич») и миноносцы 5 дивизиона «Уссуриец» и «Эмир Бухарский», незадолго пришедшие после ремонта в Гельсингфорсе и не успевшие слиться с общим настроением. Кроме того незадолго вернувшийся с отдыха из Гельсингфорса 1-й дивизион миноносцев, состоявший из 4 миноносцев — «Победитель», «Орфей», «Гром», также и «Забияка», который, вследствие аварии остался в Гельсингфорсе — также отличились левым настроением, что я объясняю пропагандой в Гельсингфорсе. Остальные миноносцы, из числа более крупных типа «Новик», отличались сравнительно лучшим настроением. Вообще же, характеризуя настроение на миноносцах в то время, с уверенностью могу сказать, что, при использовании их для военно-политических целей, результаты могли бы получиться самые непредвиденные, так как одного хорошего агита-

тора зачастую достаточно, чтобы сбить в любую сторону настроение команды корабля в столь острые и неясные по обстановке моменты. Такое состояние команды судов состава объясняется страшным недоверием к офицерскому составу при всех вопросах политического характера. Ввиду всего мной сказанного я считал и считаю, что привлечение отдельных кораблей для исполнения тех или иных военно-политических поручений является крайне опасным, так как может всегда привести к расколу и междоусобице во флоте. Из вышеупомянутых мной четырех миноносцев лучшим по настроению я считал миноносец «Орфей» благодаря личным качествам командира — капитана 2 ранга Зубова. Больше ничего показать не имею.

Надписано: «можно охарактеризовать» и «состава»; зачеркнуто: «судов» — верить. Надписано: «личным качествам» и зачеркнуто: «искусному поведению» — верить. Показание мне прочитано.

Контр-адмирал Развозов.

Производящий следствие полковник Шпаковский.

2. Калачев, Дмитрий Григорьевич, матрос команды линейного корабля «Петропавловск», 25 л., православный, под судом не был, обвиняемому посторонний. По делу показываю: я состою членом судового комитета. Я участвовал в числе семи человек также членом судового комитета в объединенном заседании судовых и Центрального комитетов, происходившем 4 сего июля на «Полярной звезде». Попал я лично на заседание после 9 ч. вечера. До этого заседания я почти весь день провел вне корабля и лишь по слухам знал, что в Петрограде происходят какие-то события. Когда в 9 ч. вечера я пришел из города на корабль, то, так как вследствие приглашения с «Полярной звезды» пробыл на корабле лишь несколько минут, не могу определить настроение команды, хотя мне известно, что, по желанию команды, на корабле были приняты меры для надзора за механизмами и боевыми припасами. Когда я пришел на заседание, то узнал, что предметом обсуждения являются сведения о событиях в Петрограде и телеграммы, в которых требовалась высылка миноносцев в Петроград и занятие подводными лодками позиций для воспрепятствования прохода кораблей в Петроград. При мне лично эти телеграммы не оглашались, но, как мне передали в заседании, телеграммы эти были оглашены адмиралом Вердеревском, которого я на заседании не застал. Как мне объяснили и как я понял из происходивших прений, две упомянутые телеграммы исходили от помощника морского министра капитана 1 ранга Дудорова, но были им сделаны [1]) по распоряжению

[1]) Так в подлиннике.

Врем. правительства. Наряду с этим из разговоров в заседании я понял, что вся полнота власти перешла в Петрограде к Советам, что будто бы была такая телеграмма. В связи с такими сведениями было решено послать в Петроград делегацию, в составе около 70 человек, для осведомления на месте положения дел и, в случае если действия капитана 1 ранга Дудорова окажутся контрреволюционными, то, при содействии Центр. испол комитета, арестовать его.

Свидетелю была представлена печатная резолюция, приложенная к делу в связи с допросом прапорщика Булдырева. Ознакомившись с содержанием резолюции, свидетель заявил, что та часть резолюции, в которой говорится об аресте капитана 1 ранга Дудорова, не вполне соответствует тому, что было решено, так как, повторяю, что арест капитана 1 ранга Дудорова делегация должна была произвести не непосредственно по прибытии в Петроград, а лишь в том случае, если бы, по выяснении дела на месте, деятельность названного капитана 1 ранга, действительно, оказалась направленной против революции. Больше ничего добавить не имею.

Зачеркнуто: «Врем.»; «м», «м». Показание мне прочитано.

Матрос Дмитрий Калачев.

Производящий следствие полковник Шпаковский.

ПРОТОКОЛ № 11.

1917 года июля 17 дня производящий по поручению морского министра предварительное следствие полковник военно-морского судебного ведомства Шпаковский допрашивал в Ревеле на посыльном судне «Кречет» в качестве свидетеля, с предварением о присяге, нижепоименованных:

5. Черкасский, князь, Михаил Борисович, капитан 1 ранга, начальник штаба командующего Балтийским флотом, 35 л., православный, под судом не был, обвиняемому посторонний. По делу показываю: до 11 июля с. г. я, состоя в штабе командующего Балтийским флотом, занимал должность флаг-капитана по оперативной части, в каковой последней должности состоял с декабря месяца 1915 года. Вскоре после начала возникновения революционного движения, когда со стороны команды определенно выразилась тенденция взять под свой контроль все без исключения области управления штаба командующего, я сразу же, поняв гибельность этой тенденции для оперативной области флота и руководства боевой деятельности флота, решил поставить дело таким образом, чтобы оперативная часть была отделена совершенно определенными и резкими границами от остальной

ных областей и особенно от вопросов, связанных с политикой. При практическом осуществлении этого начала в основу его был положен принцип, где под оперативными действиями и распоряжениями надлежит понимать все те мероприятия, которые направляются для борьбы с неприятелем, т. е. врагом внешним. Правильность такого определения понятия «оперативные действия» находит, по моему мнению, подтверждение и даже, точнее говоря, вытекает из тех статей закона, в которых трактуется об оперативной части командующего флотом, а именно в статьях 1 и от 21 до 26 включительно временного положения о штабе командующего флотом, объявленного в приказе по флоту и морскому ведомству от 10 февраля 1917 г., экземпляр какового приказа при сем предъявляю.

В силу вышеприведенного принципа, с момента возникновения революции мной не было отдано ни одного распоряжения оперативного характера, в основе которого лежали какие-либо другие кроме чисто боевых требований, диктуемых общими условиями на театре войны. Чтобы пресечь какие-либо попытки от вмешательства в сферу оперативных действий даже самых крайних партий, я умышленно устранил себя от участия не только в каких бы то ни было проявлениях политической жизни, но даже избегал участия в разговорах на политические темы с офицерами. Приведенный мой взгляд был неоднократно мной излагаем бывшему командующему вице-адмиралу Максимову, который выразил в этом отношении полную со мной солидарность; тот же взгляд был разделен и начальником штаба адмирала Максимова контр-адмиралом Вердеревским, нисколько не изменившим этому взгляду и после назначения его командующим флотом. Правильность такой постановки оперативной части флота наглядно подтвердилась, по моему мнению, в том, что флот, разбившись на множество зачастую непримиримых и даже враждующих между собою политических партий, в оперативном отношении, до последнего момента, остался едино целым и способным к выполнению своих задач, вследствие чего были выполнены и выполняются вполне удовлетворительные, при разрушительной окружающей обстановке, не только все работы по восстановлению обороны, согласно намеченным еще до революции планам, но даже и операции в море у неприятельских берегов. Тренировка же и обучение флота дали в некоторых отраслях результаты даже лучшие, чем в прошлом году. Независимо от изложенного, ближайшим и непосредственным образом результаты последовательного проведения упомянутого принципа выразились в том, что за весь революционный период не было ни одного случая предъявления каких-либо запросов или вообще какого-либо вмешательства в распоряжения по оперативной части со стороны бесконечно

многочисленных комитетов на флоте. С такой постановкой вопроса осведомлено и Временное правительство, которому, в связи с кронштадтскими событиями, в конце мая было об этом донесено по телеграфу бывшим командующим адмиралом Максимовым, копию какового донесения при сем предъявляю.

Никаких указаний или замечаний по существу разделения оперативной части от политической жизни флота, каковое разделение было подробно изложено в упомянутой телеграмме (пункты 4 и 5), со стороны Временного правительства не последовало. Кроме того, о такой постановке вопроса в отношении оперативной части я лично докладывал бывшим: верховному главнокомандующему генералу Алексееву и главнокомандующему северным фронтом генералу Рузскому, причем со стороны как первого, так и второго встретил полное одобрение на совещании во Пскове 17 апреля.

При такой постановке вопроса, естественно, произошло, что я почти ничего не знал о тех событиях совершенно исключительного характера, которые произошли в штабе, начиная с вечера 4 сего июля, и был поставлен в их курс лишь утром 5 июля при следующих обстоятельствах. Около 9 ч. утра мне была принесена одним из флаг-офицеров оперативная расшифрованная телеграмма от главнокомандующего северным фронтом генерала Клембовского, в которой сообщалось о предполагаемом очень важном передвижении войск, причем в самой телеграмме оговаривалось, что самый факт разглашения телеграммы может быть одной из причин, которая вызовет восстание в Финляндии. Из опроса флаг-офицера, кем была расшифрована телеграмма, так как о присутствии в рубке Юза членов ЦКБФ я знал, выяснилось, что телеграмма была расшифрована дежурным по Юзу офицером при участии одного из упомянутых членов матросов. Этот факт страшно меня поразил, так как в нем я усмотрел полное крушение столь ревниво и успешно оберегаемой мной тайны оперативных дел.

Я невольно стал громко высказывать свое возмущение, на что один из членов штаба мне указал, что случай этот объясняется тем, что накануне вечером поступили в штаб 2 телеграммы шифрованные за подписью капитана 1 ранга Дудорова, которые по содержанию были политического характера, но носили пометку оперативных. Это объяснение привело меня сразу же к убеждению, что единственно возможным средством вернуть оперативной части ее неприкосновенность и притом немедленно устранить контроль является требование к правительству устранить виновного в создании такого положения и, как всегда, ни в коем случае не злоупотреблять выражением «оперативная» в отношении распоряжений, не имеющих, по существу,

такого характера. В связи с этими мыслями я составил телеграмму от имени командующего флотом министру Керенскому, которая затем и была послана под № 929/оп. С текстом телеграммы, в целях проверки правильности избранного мной пути для выхода из создавшегося положения, я познакомил своего ближайшего помощника ст. лейтенанта Довконта, а затем штаб-офицера для поручений капитана 2 ранга Муравьева и начальника штаба капитана 1 ранга Зеленого. Все трое выразили полную солидарность с текстом. Успокоенный этим, я пошел к адмиралу Вердеревскому и, доложив ему о составленной телеграмме, указал на необходимость, в целях немедленного устранения контроля, вызвать представителей ЦКБФ, по указании коим на строго проводимую всегда штабом корректность в разграничении оперативной сферы от политической и ознакомлении их, в доказательство этого, с предполагаемой к посылке телеграммой, немедленно потребовать снятия контроля с телеграмм, имеющих пометки «оперативная» или «военная». Подписав без изменений телеграмму, адмирал Вердеревский, воспользовавшись приходом в этот момент нескольких членов ЦКБФ, объявил им содержание подписанной телеграммы и, дав соответствующее разъяснение, потребовал немедленного снятия описанного выше контроля. Присутствовавшие члены ЦКБФ выразили на это полную свою готовность, и, действительно, контроль немедленно был устранен, причем не возобновляется до настоящего времени.

Считая после этого, что неприкосновенность оперативной части восстановлена, я опять совершенно отошел от какого бы то ни было участия в политической жизни штаба и флота. Узнав однако случайно при описанных обстоятельствах о требовании высылки 4 миноносцев в Петроград и последовавшем на это ответе адмирала Вердеревского, считаю обязанным сказать, что, при создавшемся тогда на флоте положении, исполнение этого требования, по моему мнению, привело бы флот к расколу на части и к подрыву его боевой мощи. 7 июля вечером, узнав об аресте адмирала Вердеревского в Петрограде, я, желая обрисовать новому командующему флотом контр-адмиралу Развозову свое участие в событиях, повлекших за собой этот арест, подал рапорт, в котором изложил, как я понимал, свою в этом отношении роль. Рапорт я закончил просьбой об отчислении меня от штаба ввиду того, что советы, даваемые мной, повидимому, способствовали принятию того решения, которое последовало по отношению к адмиралу Вердеревскому. На моем рапорте адмирал Развозов положил резолюцию, что в связи с военными обстоятельствами он не считает возможным дать законный ход моему рапорту. Больше добавить ничего не имею.

Зачеркнуто: «старался»; надписано: «даже»; зачеркнуто: «неу», «мой», «капи», «не и», «разрушающей окру», «раб»; надписано: «результаты», «за»; зачеркнуто: «каких-либо», «нс», «было»; надписано: «мая», «генерала», «как всегда», «ни в коем случае»; зачеркнуто: «из ост», «пути»; надписано: «мной», «по указании»; зачеркнуто: «и указав» и «и показа ознакомить»; надписано: «и ознакомлении», «тогда».

Показание мне прочитано.

Капитан 1 ранга кн. Черкасский.

Производящий следствие полковник Шпаковский.

ПРОТОКОЛ № 16.

1917 года июля 20 дня производящий по поручению морского министра предварительное следствие полковник военно-морского судебного ведомства Шпаковский допрашивал в Гельсингфорсе на посыльном судне «Чайка» в качестве свидетеля, с предварением о присяге, нижепоименованного:

Бахирев, Михаил Коронатович, вице-адмирал, начальник обороны Балтийского моря, 49 л., православный, под судом не был, обвиняемому посторонний. По делу показываю: адмирал Вердеревский, после назначения его командующим флотом, неоднократно при служебных разговорах высказывал жалобы на то, что ЦКБФ стремился захватить всю власть в свои руки за исключением, кажется, оперативной сферы, причем в таких своих стремлениях не хотел отмежевать сферы единоличного ведения командующего флотом от совместной деятельности комитета с деятельностью командующего и области единоличного ведения Исп. комитета. Ввиду таких стремлений ему, адмиралу Вердеревскому, приходилось пребывать с комитетом все время в состоянии борьбы. Характеризуя деятельность ЦКБФ, адмирал Вердеревский указывал, что, по его мнению, в состав комитета входили лица, явно преследующие провокационные цели, что он усматривал из тех фактов, что бывали случаи искажения не только его слов, но даже постановлений самого комитета. Как на одного из провокаторов адмирал Вердеревский указывал на матроса Дыбенко. Характеризуя настроение в последний период команд на подчиненных мне судах, я должен указать, что суда эти, в общем, небольшие, а именно: заградители, сетевые заградители, тральщики и сторожевые суда, на каждом из которых число команды не превышает ста человек, и лишь на одном из них — бывшем в Гельсингфорсе заградителе «Наров» — около 300 человек. На всех этих судах последние 2 месяца я ничего угрожающего в настроении команд не наблюдал, в то время как, судя по рассказам, настроение команд на больших судах было

очень повышенное, исключая нескольких крейсеров. Хотя я был 4 июля в Гельсингфорсе, но о событиях, происшедших как втечение этого дня, так и всей ночи, ничего не знал. Прийдя утром 5 июля к адмиралу Вердеревскому по его требованию, я был им поставлен в известность о том, что произошло накануне. Адмирал сказал мне, что он вынужден был огласить полученные им две шифрованные телеграммы, так как сокрытие их, по его мнению, привело бы к повторению событий, имевших место в Гельсингфорсе 3 марта, т. е. к резне офицеров.

Ставя основной и главнейшей своей задачей сохранение боевой мощи флота, адмирал Вердеревский говорил, что только указанной мерой ему удалось спасти флот от раскола и междоусобицы и удержать некоторые суда от самовольной попытки пройти в Петроград. Кроме того адмирал Вердеревский тогда же мне говорил, что и фактически он не мог исполнить отданное приказание, так как в Гельсингфорсе находился в то время из миноносцев типа «Новик» лишь один «Орфей»; не говоря уже о том, что вообще он далеко не был уверен в настроении команд «вообще» на миноносцах. Разрешил он затем «Орфею» итти в Петроград, так как ЦКБФ просил его о таком разрешении для посылки делегации с целью ознакомления с положениме дел в Петрограде.

Считаю необходимым отметить, что, после событий 4 июля, в последние дни не наблюдалось ничего тревожного, что объясняю теми мероприятиями, которые были сделаны адмиралом Вердеревским, что привело к ненарушению целости флота и сохранению его боеспособности. Перед отъездом адмирал Вердеревский вызвал меня и высказал свое большое огорчение, что ему придется покинуть в такие трудные дни флот, который путем больших усилий ему удалось удержать в равновесии.

Больше добавить ничего не имею.

Зачеркнуто: «от»; надписано: «от»; зачеркнуто: «области», надписано: «в общем», «бывшем в Гельсингфорсе», «как»; зачеркнуто: «вообще».

Показание мне прочитано.

Вице-адмирал Бахирев.

Производящий следствие полковник Шпаковский.

Из дневника А. А. Половцова [1]).

(1895—1900 гг.)

1895 ГОД.

29 м а р т а. На-днях умер Вышнеградский — олицетворение грустных годов царствования Александра III. То был человек, чрезвычайно богато от природы одаренный, но лишенный всякого нравственного чувства и преследовавший в жизни почти исключительно личные цели, да и в личных целях почти исключительно одну наживу. Сын бедного священника, начав карьеру с преподавания математики за крайне умеренную плату, он оставляет многомиллионное состояние, нажитое всякого рода мошенничествами сначала при подрядах по артиллерийскому ведомству, потом при управлении Юго-западными железными дорогами и, наконец, при всякого рода конверсиях и самых разнообразных денежных биржевых операциях под ведением его как министра финансов. По этой должности он имеет одну, пожалуй, немалую заслугу. Он упорно настаивал на сокращении расходов и достиг сведения росписи без дефицитов, но экономическое развитие сил страны, на коем исключительно зиждятся прочные финансы, не было доступно его пониманию, и, если, может быть, он и мог бы уразуметь его важность, то он не очень стремился к этому уразумению, которое не могло доставить ему барышей, легко осуществляемых верчением бумажек и металлов.

Вышнеградский, проходя темную дорогу к власти и почестям, нажил тесные связи с сомнительными личностями и остался до конца дней своих в зависимости от подобного рода связей. Около него грела руки шайка негодяев, с которыми он должен был считаться, опасаясь скандалов. Бывший товарищ министра финансов Николаев рассказывал мне не одну грязную проделку Вышнеградского, состоявшего под начальством Николаева, а занимавший должность директора кредитной канцелярии сначала при Бунге, а потом при Вышнеградском — Верховский, известный мне со дня выхода из университета и

---

[1]) См. «Красный архив», тт. II, IV, XXIII.

поступления на службу ко мне в Сенат, бросил выгодное во всех отношениях служебное положение, только чтобы избавиться от соприкосновения с делишками, кои у него на глазах обделывал господин министр финансов.

Назначение Вышнеградского министром финансов было поворотною точкою в приемах царствования Александра III. Оно ознаменовало исчезновение преклонения пред существовавшими порядками и общественным характером состоявших во власти людей. То был первый пример бесцеремонного возвеличения темного человека по каким-то темным интригам. Это разнуздало политические аппетиты разных пронырливых негодяев, которые стали успешно ломиться в недоступные им дотоле двери пользовавшихся еще некоторым уважением учреждений.

21 а п р е л я. В 4 часа финансовый комитет у Сольского. Рассматривается представление Витте об установлении выпуска депозитных билетов, обеспеченных золотом и золотыми ценностями, вносимыми в банковские учреждения.

За несколько дней пред этим Витте говорил мне, что Сольский отвергает необходимость рассмотрения этого вопроса комитетом, а сказал Витте, что подобное дело следовало бы ему прямо представить государю при всеподданнейшем докладе. В сущности, такое мнение было лишь последствием трусости его пред поднявшейся в газетах агитацией на тему о девальвации. Но, натрусившись газет, Сольский стал трусить и мнения товарищей, и заседание было назначено, по обыкновению, на квартире у председателя.

По приезде моем он объявил мне, что у великого князя Константина Константиновича в этот день происходят солдатские экзамены в командуемом им Преображенском полку и что поэтому нам надо будет его подождать. Великий князь однако не опоздал. Заседание началось с того, что Сольский, все под гнетом опасений, заявил, что всех подробностей проекта рассматривать нечего, а что довольно установить текст одного параграфа о создании таких билетов, параграфа, который и будет внесен в Госуд. совет. Ему хотелось как можно более сократить прения, чтобы сложить с себя всякую ответственность, а я, напротив, стал по возможности расширять пределы обсуждения, что его выводило из терпения.

По счастью, Витте начинает выходить на разумный финансовый путь, недостаток теоретических сведений начинает восполняться сведениями практическими, приводящими его к разумным заключениям. На обязанности людей, у дела стоящих, — поддержать его в новой монете, даже разделить ответственность за разумные действия, а не дрожать пред журнальными выходками.

1897 ГОД.

2 января. По поезду Царскосельской жел. дор. отправляюсь в Царское Село, где в 2 часа назначено у государя, под его председательством, заседание финансового комитета.

Дело в том, что, встречая сопротивление проекту о восстановлении металлического обращения среди Госуд. совета, Витте настаивает на необходимости приступить к чеканке золотой монеты нового образца (7,50 вместо 5), отвечающего предположениям общего проекта.

За несколько дней пред этим происходило частное совещание об этом вопросе на квартире у Маркуса. Участвовали в этом совещании Каханов, Тернер, Витте и я. В принципе согласились, что, если закон о металлическом обращении не может быть приведен к окончательному рассмотрению Госуд. советом в ближайшем будущем, то приходится согласиться с предложением Витте об издании предлагаемого им указа.

Вследствие такого соглашения Витте в следующий за тем всеподданнейший доклад уговорил государя назначить под своим собственным председательством заседание финансового комитета.

Приехав в Царское Село, садимся в ожидающие нас придворные кареты и отправляемся в Александровский дворец — местожительство императора. Нас проводят в угловую голубую гостиную, посреди коей стоит обеденный, покрытый зеленым сукном, стол с десятью окружающими его стульями. В 2 часа государь входит, сопровождаемый в. к. Михаилом Николаевичем (приглашенным в качестве председателя Госуд. Совета) и в. к. Константином Константиновичем (членом комитета). Государь здоровается с каждым из присутствующих, пожимая ему руку, и затем садятся за стол в таком порядке:

Государь.

В. к. Михаил Николаевич.	В. к. Константин Константинович.
Сольский.	Каханов.
Половцов.	Маркус.

Филиппов. Тернер. Витте. Иващенков, тов. министра финансов.

Государь обращается к Витте, который излагает существо дела, выставляя необходимость чеканки золотой монеты предлагаемого им образца.

Потом государь спрашивает мнение Сольского, который, изложив всю историю дела, заявляет, что после рассмотрения дела в соединенном присутствии департаментов Госуд. совета некоторыми членами было заявлено о необходимости остановиться рассмотрением дела впредь до выработки проекта реформы государственного банка

для совокупного одновременно разрешения обоих проектов; что так как министр финансов с этим согласился, то он, Сольский, и остановил рассмотрение дела; что, между тем, представляемые ныне министром финансов соображения доказывают необходимость предлагаемой им меры, которую он, Сольский, признает весьма полезною, потому что она определит направление, в котором, по выраженной государем воле, дело будет подлежать разрешению совета.

Маркус повторил то, что уже неоднократно говорил нам прежде, а именно, что, по его мнению, не следовало вовсе возбуждать дело в настоящей форме, а лишь ограничиться изменением статьи монетного устава, определяющей законное отношение золота к серебру согласно изменившимся рыночным ценам этих двух металлов; что он, Маркус, не видит тесной связи между законом о металлическом обращении и реформою банка, что, по его мнению, реформа нашего банка должна последовать на основаниях банка английского, т. е. разделение банка на отделения: a) banking, б) issuing; что предлагаемая ныне мера отвечает его первоначальной мысли, т. е. установлению взаимной цены золота к серебру и, следовательно, может быть допущена.

Каханов в длинной, плавной, закругленной речи выставил заслуги Витте, скопившего искусно золото и сделавшего возможным восстановление металлического обращения; предлагаемую ныне меру он считает не стесняющей свободы суждений Госуд. совета при обсуждении всего законопроекта.

Когда дошла очередь до меня, то я сказал приблизительно следующее. Быв много лет свидетелем усилий министров финансов, стремившихся к восстановлению металлического обращения, быв участником в трудах комитета финансов, направленных к поддержанию этих усилий, я не могу не быть приверженцем предлагаемого закона. Если говорить исключительно о проектируемом указе, то, конечно, ввиду заявлений министра финансов, что запасы золотой монеты истощаются, что пятирублевую монету население принимать уклоняется, что после рассмотрения дела советом может настать необходимость перечеканивать монету, в какой-либо форме ее сегодня не выпустили [1]), я присоединяюсь в принципе к предлагаемой мере, но относительно приведения ее в исполнение имею представить еще иные, кроме чисто финансовых, соображения.

Дело это вступило на официальный путь и формальное коллегиальное обсуждение около года тому назад. По рассмотрении соединенными департаментами ожидалось рассмотрение общим собранием, но вместо того дело остановилось, и тогда со всех концов посыпались

[1]) Так в подлиннике.

брошюры, статьи, записки от людей, не имеющих ни научных, ни практических в этом вопросе сведений, желающих выставить себя прозорливее, чем правительство, в вопросе преследуемой им финансовой политики. Создалась такая политическая агитация, которую едва ли надлежит поощрять с точки зрения государственной мудрости, агитация, которая может повториться при каждом новом законе, агитация, которой, по моему мнению, следует положить конец как можно быстрее. Равным образом, и в международных денежных наших отношениях такой порядок ведения дела имеет неудобства. 1 января 1883 г., представляя смету государственных доходов и расходов, покойный Н. Х. Бунге выразил убеждение о необходимости восстановления металлического обращения и накопления с этою целью золотых запасов. С тех пор в течение тринадцати лет правительство шло по этому пути, выраставшие у нас груды золота упрочивали более и более наши денежные отношения к соседям, укрепляли наш кредит, улучшению коего лучшими доказательствами должны служить события последнего времени, как, например, заключение прошлым летом займа на условиях доселе небывалых или сохранение без повышения учетного дисконта в то время, когда главнейшие денежные европейские центры подняли учет, т. е. стеснили трудовую деятельность населения, вследствие кризиса, вызванного сребролюбивыми в полном смысле речами Брайнса, этого американского Катилины.

Происшедшая в ходе этого дела заминка не могла не отозваться на столь влиятельном в финансовых делах общественном мнении других государств. Держатели наших фондов, ссудившие нам свое золото, рассчитывали, что оно пойдет на восстановление металлического обращения. Видя, что разрешение этого вопроса оттягивается, эти люди начинают выражать сомнение о том, действительно намерена ли Россия дать этому золоту первоначальное назначение, не скрываются ли подо всем этим воинственные замыслы, а если таких замыслов не существует, то не возникла ли в России доселе не существовавшая оппозиция правительству, не облекается ли какою-то тенью та мощь, пред которою привыкли преклоняться. Все это не может не отзываться на нашем кредите и, прибавлю, не на одном кредите денежном.

Ввиду высказанных мною соображений я считал бы необходимым ускорить разрешение этого дела и считаю ускорение это легко осуществимым. Действительно, остановка происходит оттого, что признано необходимым разрешить одновременно и вопрос о металлическом обращении и вопрос о реформе государственного банка, но оба эти вопроса, на мои глаза [1]), вовсе не так тесно связаны. Реформа банка должна

[1]) Так в подлиннике.

заключаться в том, чтобы банк сделался по возможности независимым от министра финансов, чтобы министр перестал видеть в нем подспорье при казначейских затруднениях, чтобы печатный стан перестал быть послушным его орудием. Но неужели в случае осуществления этой реформы не одновременно с восстановлением металлического обращения прочности последнего угрожала бы опасность, неужели бы министр финансов стал печатать кредитные билеты тотчас по издании закона о металлическом обращении, стал бы разрушать левою рукою то, что сделал правою? Я очень в том сомневаюсь и потому не вижу никакого затруднения к тому, чтобы начать рассмотрение законопроекта о металлическом обращении немедленно. Думаю, что это рассмотрение могло бы быть окончено прежде, чем золотые нового образца будут отчеканены, и таким образом устранится надобность в издании настоящего указа.

Сольский возражал мне, что соединение этих двух дел в одно последовало по желанию нескольких членов совета, к коему подписался министр финансов. Я ответил, что это зависит от дискреционарной власти председателя соединенного присутствия. Испуганный Сольский обратился к государю с словами: «Ваше величество, да ведь я вам о том докладывал, и распоряжение вами о том было одобрено», прибавив, что дело не может поступить на рассмотрение общего собрания ранее 1898 г.

Я прибавил, что в таком случае я готов присоединиться к предположению об издании указа.

Тернер говорил в довольно уклончивых выражениях, поддерживая мою мысль.

Витте в конце заседания довольно бестактно сказал, что после издания «указа» ему не особенно важно быстрое или медленное рассмотрение дела советом.

Тогда Сольский предложил окончательно замять дело в совете, но против этого протестовал Каханов.

После всех сказал несколько слов в. к. Михаил Николаевич приблизительно так: ехав сюда, я был в недоумении. Конечно, ваше императорское величество как самодержавный государь могли решить дело и подписать указ в каком угодно смысле, по докладу министра, но вам угодно было созвать членов комитета финансов и решить дело по выслушании мнения их, ваших верноподданных. Мнения эти разъяснили дело; я нахожу, что издание указа не мешает совету рассматривать дела, и потому согласен с мнением об издании его.

В заключение государь сказал: «Я имел уже по этому делу определенное мнение до настоящего заседания, которое окончательно утвердило мой взгляд. Мера, предлагаемая министром финансов,

была одобрена моим отцом, и я решился привести ее в исполнение. Мне остается благодарить членов комитета финансов за их добросовестное и горячее отношение к делу».

Встали, и государь снова обошел присутствующих, пожимая каждому руку. На обратном в Петербург пути все уселись в вагон, отведенный в. к. Михаилу Николаевичу. Только что поезд двинулся, как Витте предложил выслушать журнал только что состоявшегося заседания, так как государь выразил желание получить журнал на следующее утро.

Хотя журнал был всеми одобрен, но по моему настоянию была исключена такая фраза, что новая золотая монета уже потому должна иметь надпись «7 р. 50 коп.», что эта монета будет носить изображение государя, а следовательно нарицательная цена ее должна непременно отвечать действительной ее стоимости.

Меня думали озадачить, спросив, почему я настаиваю на таком сокращении, но я отвечал, что ничего такого в совещании говорено не было, а журнал должен содержать только то, что говорено было.

Разумеется, нельзя было сказать, что низкопоклонничество должно иметь пределы. Сольский, очевидно, заранее одобривший редакцию, тут же в вагоне ее изменил.

6 января. На выходе во дворце в. к. Константин Константинович подходит ко мне и говорит: «Ну, что нас очень ругают за указ?» Я отвечаю: что, мне все равно, что́ мне грустно — это общее впечатление нашего заседания. Как председатель соединенных департаментов утверждает, что дело не будет внесено на рассмотрение общего собрания Госуд. совета ранее 1898 г., ничем не оправдывая такой медленности и ни словом не опровергая моего заявления о том, что никакой тесной связи между вопросом о металлическом обращении и реформою банка нет! Хуже того, он предлагает замять все дело после издания указа, т. е. просто предлагает солгать в царском указе. А председатель Госуд. совета уверяет государя, что он может как самодержавный император подписать какой угодно указ. Да где же тогда разница между монархическим и деспотическим азиатским правительством, разница, заключающаяся лишь в том, что первое соблюдает, а второе когда угодно нарушает существующие в стране законы? Проповедывать такое учение государю значит вести его на путь императора Павла.

11 января. Граф Пален рассказывает в клубе характерную историю. В 1866 г. он был псковским губернатором. Несколько дней после каракозовского покушения во Псков приехал какой-то чиновник из Петербурга с открытым письмом, подписанным петербургским генерал-губернатором кн. Суворовым, для производства какого-то секретнейшего дознания. Чиновник этот явился к полицмейстеру, пока-

зал свою бумагу и строго запретил ему сообщать об их свидании кому бы то ни было, начиная с самого губернатора. Разумеется, полицмейстер прежде всего явился к Палену и ему доложил обо всем. Пален приказал следить за действиями этого таинственного чиновника, а затем, когда сей последний стал производить разные допросы и осмотры, нарушая спокойствие жителей, то Пален сначала призвал его, а затем, удостоверясь, что он, действительно, имеет какие-то секретные полномочия, поехал в Петербург и заявил министру внутренних дел Валуеву, что приехал требовать или объяснения этой разгадки или увольнения от губернаторских обязанностей. Валуев сначала уговаривал Палена оставить все это без внимания, а под конец, ввиду настойчивости Палена, сознался ему, что чиновник был послан вследствие того, что император Александр II и князь Суворов для разыскания сообщников Каракозова обратились к спиритизму, стали вертеть стол, который, по их наблюдению, начертил будто бы на полу слово «Псков».

Пален согласился не давать более хода своей претензии и возвратился в Псков.

Тот же Пален рассказывает подробности известного мне в общих чертах хода обсуждений политических мероприятий последнего времени.

Нелидов, приехав из Константинополя, подал записку о необходимости воспользоваться теперешним политическим положением, чтобы овладеть проливами и Константинополем. Записку эту Шишкин передал... [1]), который написал весьма дельное и энергическое опровержение. Для обсуждения записки Нелидова было собрано совещание у государя, в коем участвовали Ванновский, Обручев, Тыртов, Нелидов, Шишкин, Витте. Началось с того, что Нелидов представил доводы в пользу необходимости овладеть Босфором и Константинополем. Шишкин вполне с ним согласился. Военный и морской министры заявляли, что, с точки зрения стратегической, это вполне возможно, государь этому выражал сочувствие.

Один Витте имел довольно здравого смысла и мужества, чтобы доказывать всю бедственность подобного предприятия для России. Государь был недоволен возражениями Витте и согласился с другими членами.

Журнал был написан так, как будто дело было решено единогласно. Витте отказался подписать журнал и заявил отдельное мнение, которое, по его настоянию, и было включено в журнал. Последствием такого решения было, что Нелидов составил для себя инструкции,

[1]) Пропуск в подлиннике.

кои государь подписал и в силу коих ему, Нелидову, предоставлялось право вызывать непосредственно в Константинополь флот с 30-тысячным десантом. По счастью, вслед за тем возвратился из-за границы в. к. Алексей Александрович, который, по наущению Витте, уговорил государя отнять у Нелидова данные ему полномочия.

6 февраля. После придворной церемонии заезжаю к Витте, чтобы уговорить его продолжать рассмотрение в Госуд. Совете проекта монетной реформы, но он сообщает мне весьма тревожные известия о ходе внешних политических дел. Наше правительство согласно с европейскими державами в том, что надо поддержать как можно долее существование Турции, но в случае вступления чужестранных флотов в Дарданеллы мы решили немедленно итти с 30-тысячным десантом в Босфор; иначе говоря, мы готовы объявить войну всей Европе и влезть в положение, из которого невозможно будет вылезти. Англия покровительствует этому нашему замыслу с тем, чтобы одновременно взять Египет и поссорить нас с Францией, которая тогда бросится в разверстые объятия Вильгельма, имеющего таким образом сделаться владыкою материка Европы.

1899 ГОД.

4 января возвращаемся в Петербург.

Нахожу здесь ход правительственных дел в незавидном положении. Общее по всякому вопросу отсутствие определенности взглядов и твердости действия. Вот один из поразительных тому примеров, могущих служить доказательством сказанного.

Вследствие продолжавшегося свыше ожидания пребывания государя в Крыму, Витте написал ему письмо о необходимости комиссии по крестьянскому делу. Государь ничего не отвечал ему, а письмо передал Победоносцеву, который по обыкновению раскритиковал то, что не от него исходило. Пред наступлением нового года Витте, приготовляя доклад, при коем должен был быть представлен отчет, упомянул в конце финансовых соображений о необходимости урегулировать положение крестьян, труд коих служит основою денежных средств государства. Доклад был послан государю, который не только его утвердил, но еще сделал на полях отметки о полном согласии со взглядами, высказанными относительно крестьянского дела.

Вслед за тем, конечно, можно было ожидать, что назначение комиссии состоится, но вместо того Дурново отправился ходатайствовать, чтобы такого назначения не делалось, и на эту просьбу последовало также согласие, выраженное приказанием «повременить», так как множество возбужденных вопросов волнует ныне общество.

Ход другого важного государственного вопроса не менее назидателен и печален.

В течение нынешнего лета в. к. Александр Михайлович, женатый на сестре императора Ксении, рекомендовал государю некоего Хлопова, будто бы выдающегося по своему необыкновенному патриотизму, чистоте побуждений и отменному пониманию русской народной жизни. Император имел неосторожность не только принимать и выслушивать этого невежественного проходимца, но даже поручил ему, под предлогом составления подворных описаний в местностях, страдавших от голода, объехать Россию и представить государю настоящую картину народного бедственного положения, картину, скрываемую от государя его министрами. Под впечатлением этих внушений, государь стал сторонником ложенациональной финансовой политики, имевшей главною целью воспрепятствовать опасному, по мнению этих юродивых, вторжению иностранных капиталов в Россию. На нескольких по подобным вопросам представлениях он положил резолюции, выражавшие подобный взгляд. Особенно резко это было высказано по делу кн. Белосельского, устроившего вагонный завод с помощью бельгийских капиталов.

Разумеется, подобные выражения высочайшего взгляда немедленно сделались известны и распространились не только в России, но в целой Европе, где капиталисты стали втупик и прекратили с Россией сношения.

13 февраля. Высшие чиновники взволнованы поднятым около государя вопросом о невыгодах допущения в Россию иностранных капиталов. Вдохновителем и двигателем подобного вопроса является юный в. к. Александр Михайлович, который со смелостью, свойственной молодости и невежеству, безразборчиво хватается за все могущее выдвинуть его и доставить ему влиятельное положение, более значительное, чем платоническая дружба царственного его племянника. За Александром Михайловичем стоят личности, как Хлопов, Шарапов, Белов, выдающие себя за монополистов настоящей любви к отечеству, любви, которую кн. Вяземский так метко окрестил «квасным патриотизмом».

Так или иначе, под влиянием подобных суфлеров, государь стал на многочисленных представляемых уставах иностранных компаний класть резолюции о нежелательности допущения в Россию иностранных капиталов. Разумеется, известие о подобных резолюциях скоро проникло в публику, и прилив иностранцев, ищущих дел в России, внезапно остановился. Встревоженный таким поворотом в развитии промышленности, Витте обратился к государю с просьбой высказать определительно и обязательно для всех министров взгляд

на этот вопрос. При этом Витте представил сначала записку профессора Менделеева о пользе допущения иностранных капиталов, а затем свою собственную записку, в которой, указывая на наш протекционный тариф, обязательный для нас до 1904 г., т. е. до истечения срока договора, заключенного с Германией, усматривал в этом тарифе одну лишь пользу — насаждение промышленных заведений, кои служат единственною твердою школою для полезных промышленных деятелей. Школа эта обходится России до 500 млн. ежегодно, но расход этот должен возместиться России, когда русские люди, постепенно вытесняя иностранцев и скопив сбережения, мало-по-малу сделаются собственниками промышленных в пределах России заведений. Если ожидать, что промышленные заведения создадутся только путем национальных сбережений, то придется ожидать серьезных результатов весьма долго, а между тем Европа будет продолжать все более и более опережать нас. Записку эту Витте просил государя обсудить в Совете министров под личным его председательством.

16 м а р т а. У государя был в первый раз собран Совет министров. Обсуждался вопрос о пользе привлечения иностранных капиталов. Вследствие поданной Витте записки государь отступил от внушенных ему Александром Михайловичем и К° мыслей и хотел утвердить заключения записки Витте, который попросил обсудить ее в Совете министров с тем, чтобы для всех их сделать такое заключение обязательным.

Заседание это в Зимнем дворце под председательством государя, сколько слышно, было довольно своеобразно. В начале государь обратился к Витте, который в коротких словах изложил свой взгляд. Потом министр иностранных дел Муравьев, не могущий словесно излагать свои мысли (если допустить, что у него, кроме интересов, мысли существуют), прочитал записку, ему кем-то составленную. Заключение записки было такое, что иностранные капиталы могут быть допущены к помещению в русской промышленности, но под условием, чтобы подземные минеральные богатства ни в каком случае в руки иностранцев попадать не могли. Военный министр Куропаткин, несомненно, весьма умный, но лишенный общего и, в особенности, финансового, экономического образования, считал обязанностью отстаивать неприкосновенность казацких территорий и с этой точки зрения считал возможным допустить помещение иностранных капиталов к разработке подземных богатств, лишь бы поверхностная площадь оставалась в неприкосновенном пользовании казаков!.. Такое заявление неудивительно, если верить рассказу Витте, что в его присутствии Куропаткин доказывал государю, что все войны в настоящее время происходят оттого, что европейские государства

ищут сбыта своим произведениям, чрезвычайно умножающимся вследствие непомерного развития промышленности, а следовательно, в видах избежания войн, мы должны тормозить успехи своей промышленности. Вот что говорил очень умный человек, но лишенный надлежащего для государственного человека образования.

Совещание окончилось однако тем, что допущение иностранных капиталов к промышленным в России предприятиям решено дозволить.

11 и ю н я возвращаюсь из-за границы, проведя два месяца на юге Франции.

В Петербурге застаю все ту же грустную безголовицу и неурядицу. В Гааге Европа смеется над комически сантиментальными фразами России, не имеющими ничего общего с ее действиями. В Финляндии поднимается грозная туча, накликанная бездарностью привыкших безответственно командовать чиновников. В Петербурге междоусобная война лиц, именуемых почему-то министрами, достигает громадных размеров. Министра внутренних дел Горемыкина не защищают более самые горячие его приверженцы. Он думает только о сохранении казенной квартиры и от всех сотоварищей получает пощечины. Главным врагом его является Витте, в особенности за отказ созвать крестьянскую комиссию, а также за университетское дело. Следствие, произведенное Ванновским, служило тяжким обвинением для градоначальника Клейгельса, а между тем Горемыкин представил государю о его награждении. Ванновский объявил, что, если Клейгельс получит просимую награду, то он, Ванновский, снимет военный мундир и никогда более в Петербург не покажется.

Другой герой бездарности — Боголепов. Он объявил, что не знает, как вести университетское дело в предстоящий сезон, и для получения указаний созвал всех попечителей округов. В первое заседание двое из них объявили, что у них по этому предмету написана записка, которую они забыли дома, и потому ничего не могут сказать.

Каков учебный персонал!

17 и ю н я. — Уезжая отсюда в Экс для борьбы с своею несносною подагрою, уношу самое тяжелое впечатление о том, в каком положении находится Россия и, в особенности, ее правительство.

Нравственной силы никакой не чувствуется. Император не имеет ни надлежащего образования, ни практики в делах государственных, ни, в особенности, никакой твердости характера. Его убеждает и переубеждает всякий. Из членов его семейства большинство тянет в сторону личных выгод, а сколько-нибудь выше других стоящие В л а д и м и р — по доброте, а А л е к с е й — по уму, вследствие страсти к развлечениям, окружены презренными и подозрительными лич-

ностями, так что не могут пользоваться влиянием. Всего более на государя имеет влияния его дядя Сергей, но это, в полном смысле слова, дрянной человек, в душе коего нет ни единого возвышенного чистого чувства. Другой влиятельный государев родственник — Александр Михайлович, но это ребенок, не имеющий ни о чем серьезного понятия, а потому представляющий в своих советах большую опасность. Не стоит говорить о Николае Николаевиче, который думает лишь о том, как бы грубо оборвать кавалерийского офицера да удовлетворить жажду к деньгам своей любовницы из купечества.

Константин Константинович — человек почтенный в своей частной жизни, но весьма ограниченного ума, воображая о себе при этом, что он гений. А это бывает весьма опасно.

Михаил Николаевич мог бы пользоваться влиянием, но вместо того, отстраняясь от дел государственных, интересуется лишь артиллерией, где столкновения с военным министром, разумеется, приводят к частым неудовольствиям.

Обо всех остальных, второстепенных по положению и рождению, родственниках императора говорить не стоит. Это заурядные люди, без образования, без трудолюбия, заботящиеся прежде всего об удовлетворении всяких аппетитов и неспособные ни на какой душевный подвиг.

О людях, избранных для занятия делами государственными, или, правильнее говоря, для завершения в высших инстанциях канцелярского производства текущих дел, трудно сказать что-либо хвалебное.

Высшее по иерархии место председателя Комитета министров занимает Иван Николаевич Дурново, прозванный «Иваном Великим», как по величине роста, так и потому, что, ко всеобщему удивлению, призван на великую должность, а также и потому, что в голове у него пусто, как в колокольне. Это блестящий образчик тех малоуважительных людей, коих Александр III считал надлежащими служителями самодержавного царя, как он его понимал.

Беспрекословное послушание, отсутствие личных убеждений, апробовать и хвалить всякие распоряжения высшей власти, полное игнорирование всего того, что жизнь и история мира могла выработать, всегдашняя улыбка, всегдашний поклон как ответ на всякое действие (хотя бы оскорбительное) властного лица, преклонение пред привычками, обычаями, злоупотреблениями, чтобы никогда ни с кем ни о чем не спорить, придавая такому образу действий вид какого-то будто консерватизма. Невежество, безграничное во всем, исключая уменья нравиться тем, кои могут быть им полезными. Без

застенчивая ложь как элементарное средство достижения целей. Так судят о нем все, не исключая друзей его, и сознаваясь, что он имеет некоторые слабости, признают его приятным и, удобным человеком.

По смерти императора Александра III Дурново при открытии вакансии председателя Комитета министров заявил, что это место было ему обещано покойным императором. Вдовствующая императрица Мария Федоровна утверждала, что это ложь, но тем не менее не воспротивилась назначению, хотя в то время имела полное в этой сфере влияние, и продолжала не скрывать своего презрения к Ивану Николаевичу!

Министр иностранных дел Муравьев. С несомненным умом и большою пронырливостью в достижении личных целей, этот человек не получил иного образования, как в каком-то юнкерском училище или что-то в этом роде, и всею карьерою обязан разного рода ходатайствам, протекциям и т. п. Лгать, обманывать ему нипочем. Это он считает дипломатиею. В своем министерском посту он видит лишь возможность постоянно вертеться около их величеств и важничать, получая приглашения, награждения и т. п. Он с улыбкой и поклоном соглашается на всякую заявленную государем мысль. Это — лакей в галунах, а не министр.

Куропаткин. Весьма умный, благородный, но исключительно по своей военной части образованный человек; не имеет понятия ни о государственном праве, ни о праве международном, ни о политической экономии и потому не только бесполезный, но опасный при обсуждении дел действительно государственных.

К этому надо прибавить самоуверенность — отличительную черту офицеров генерального штаба. Все это вместе делает из него хорошего боевого генерала, но весьма посредственного министра.

Муравьев. Министр юстиции. Человек тонкого ума, обширного образования, но готовый на всякую уступку для достижения целей личного своего самолюбия. О той устойчивой почтенной твердости убеждений, которая должна отличать верховного служителя правосудия, нет и помину. Муравьев постоянно чего-то ищет, добивается: ему нужно усиление почета, умножение благополучия и т. д. Для достижения всего этого он, конечно, идет на всякие сделки и с людьми и с совестью.

Ермолов. Министр государственных имуществ. Полнейшее ничтожество, человек не злой, даже не глупый, но решительно неспособный на какую бы то ни было плодотворную деятельность, канцелярист, говорящий без умолку, беспрестанно цитирующий разного рода научные авторитеты, но не умеющий связать теорию с практикою, да притом и не понимающий хорошенько смысла ни той, ни дру-

гой. В министры попал из директоров департамента неокладных сборов, по влиянию Витте, который не желал видеть на министерском посту талантливого, энергического сотоварища. Результатом такого выбора была ничтожная, безрезультатная деятельность министерства государственных имуществ, наполненного легионами чиновников, заставляющих Ермолова подписывать всякий вздор и ворующих напропалую.

Боголепов, долговязый, сухой, честный, в рамках уродливого толстовского классицизма создавший и продолжающий в должности министра народного просвещения этот идолопоклоннический культ, в котором, конечно, будет принужден сделать отступления, но единственно как уступки разного рода более или менее властным группам, но отнюдь не как результат собственного убеждения. Его вытащил Сергей Александрович, который ничего не понимает ни в людях, ни в просвещении.

Министр внутренних дел Горемыкин. Образованный юрист, долго служащий в администрации и преимущественно по крестьянскому делу, человек умный, честный, но... беспредельно ленивый, равнодушный, влюбленный в выгоды и удобства высокого положения, о коем не смел мечтать.

Не стану говорить о Победоносцеве и Витте — имена, деяния и характеристика коих так часто встречались и встречаются на этих страницах.

1900 ГОД.

12 января. В 7 часов вечера приезжаю из Монтекарло, где прожил три месяца и вполне забыл свою подагру при помощи благословенного климата и лечения Блица.

14 января. Визиты: старикам Бобринским, Победоносцеву, который хватается за голову и отчаивается в том, что рекомендовал Горемыкина в министры внутренних дел. Дает зарок, что никогда больше никого рекомендовать не будет. Да, впрочем, вероятно, никогда его больше и не спросят.

В первый день своего назначения министром внутренних дел Сипягин приехал к Победоносцеву и сказал: «Я знаю, что вы имеете ко мне антипатию, и потому приехал в вам первому, чтобы просить вас не выказывать вашей антипатии до тех пор, пока я заявлю о себе действиями». Победоносцев отвечал: «Какие тут антипатии, все знают, что у вас прекрасное сердце, это уже очень много на таком месте. За голову вашу боюсь!»

4 апреля. В 9 часов вечера заседание финансового комитета на дому у председателя Сольского (собственный двухэтажный дом на

Гагаринской ул.). Присутствуют: министр финансов Витте, говорящий, по обыкновению, содержательно, резко, умно, но самоуверенно, софистично и, хотя со знанием дела, однако с чувствительными пробелами общего образования; Маркус, с большими познаниями в финансовом деле, но без надлежащей для успеха настойчивости; Сабуров, дебютирующий в финансовом комитете и, по обыкновению, исполненный различных комбинаций и соображений, чуждых обсуждаемому вопросу; новый государственный контролер Лобко, как всякий офицер генерального штаба, ни в чем не усматривающий какого бы то ни было повода к какому бы то ни было сомнению.

Обсуждаются меры ко введению в Бухарском эмирстве русского денежного обращения. Относительно мер, долженствующих быть принятыми, все согласны, но, по обыкновению петербургских чиновников, разномыслие — и при том упорное — проявляется на вопросе личном, а именно на том, кому будут поручены переговоры с правительством эмира: чиновнику ли министерства финансов, присланному из Петербурга, или местному дипломатическому нашему агенту. Приглашенные на это заседание Куропаткин и гр. Муравьев упорно настаивают на последней комбинации. Выходит что-то вроде ссоры Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем. Председатель старается помирить спорящих, предлагая выражения: при участии, при посредстве, при содействии и т. п.

Я забыл упомянуть о присутствии в. к. Константина Константиновича, который все время молчит и забавляется тем, что зажигает спички и любуется этим увеселительным огнем или катает круглый карандаш по листу бумаги.

8 апреля. Заезжаю к бывшему военному министру Ванновскому, сохранившему в пожизненное пользование дом, выстроенный на Садовой для военного министра. Полное одиночество и пустота. Ванновский — человек не дурной, но в высшей степени посредственный. Очень критикует своего преемника Куропаткина, хотя сам рекомендовал его предпочтительно пред двумя другими кандидатами: Обручевым и Лобко. О Куропаткине говорит, что у него от величия в зобу дыхание сперло, что он занимается не делами, а представительством.

Ванновский очень критикует занятие нами Порт-Артура, а не Киан-Чау, утверждая, что в Порт-Артуре мы не можем удержаться, потому что его нельзя укрепить со стороны материка, а в случае войны фланг наш будет там заперт без возможности выйти в море. Сетует на то, что медлят в выборе типа пушки, утверждая, что ружье им, Ванновским, введенное, превосходит все остальные.

10 апреля. Вчера получено известие о смерти вел. княгини Александры Петровны. Она была дочь принца Петра Георгиевича

Ольденбургского и выдана замуж за в. к. Николая Николаевича. После нескольких лет произошла между ними полная размолвка. Гр. Пален говорил мне, что ему по обязанности министра юстиции известно, что их перессорила из личных видов игуменья Митрофания, известная скандалезными процессами. Как бы то ни было, но в. к. Николай Николаевич взял танцовщицу Числову, с которою и прижил троих детей, а Александра Петровна вступила в связь со священником своей дворцовой церкви, человеком крайне грубым и развратным; чтобы по возможности убавить впечатление, производимое этим скандалом в публике, Александру Петровну отправили путешествовать на море, и на суше путешествие окончилось остановкой в Киеве, где она по наущению своего попа устроила женскую общину вроде монастыря, провозгласив себя настоятельницею. Рассказывают, что ее поп подбирал для себя в этой общине красивых девушек, вследствие чего и был удален. В этой общине она и провела последние годы, страдая болезнью рака. Победоносцев говорил мне, что в ее посмертных распоряжениях было между прочим такое: желаю, чтобы на моих похоронах было как можно менее великих князей... У нее осталось два сына: Николай Николаевич — инспектор кавалерии и Петр Николаевич, женатый на черногорской княжне. Первый претендует на значительные военные достоинства, но до сих пор отличается только грубостью, за которую ненавидим войском, второй — слаб грудью, проводит много времени на юге, вошел в промышленные дела, сначала много нажил, пустив в ход свои великокняжеские связи, а потом все спустил, значительно запутался и, разумеется, попрошайничает у государя.

12 апреля. Отдаю визит Дашкову, новому члену Исторического общества. Застаю его в своем доме на Михайловской площади, среди множества бумаг, гравюр, ящиков. Повидимому, добрый, довольно недалекий человек, весьма довольный тем, что нашел себе занятие, более или менее обращающее на него внимание. Разумеется, выслушиваю множество исторических анекдотов. Между прочим находящийся тут человек рассказывает, как при посещении императором Александром II Митавы была открыта для него гробница Бирона и сопутствующая государю княгиня Юрьевская ударила труп по носу и сломала нос в наказание за то, что Бирон сослал ее предка. Рассказчик был советником Курляндского губернского правления и сохранил снятую с Бирона фотографию.

14 апреля. Заезжает ко мне Витте и рассказывает приблизительно следующее: политическое положение наше можно почесть удовлетворительным, никаких жгучих вопросов нет, государь одушевлен самыми миролюбивыми намерениями, тем не менее отношения

наши к другим правительствам и правителям нельзя назвать наилучшими. У нас нет твердо намеченных целей и определенных для достижения этих целей средств. Мы живем со дня на день и выражаем наше расположение минуты, как вздумается. Связались мы с Францией, приняли Фора в Петергофе, как первостепенного друга и монарха, заявили о существовании союза, которого в действительности не существует, и вслед за тем провозгласили, что созываем мирную конференцию, ни словом не предуведомив Францию и тем, конечно, обидев ее, в Фашодском ее несчастии не сказали ей ни единого сочувственного слова и т. п. Вильгельм только мечтает о тесном с нами союзе, а мы, не говоря ни «да», ни «нет», каждый день вместо любезностей укалываем его самолюбие, напр.: он приехал в Иерусалим и, ввиду возникшего Филиппинского дела, телеграфирует прямо государю, чтобы узнать его взгляд. Государь из Крыма дает приказание министру иностр. дел поручить нашему консулу в Иерусалиме дать ответ Вильгельму.

На-днях Вильгельм пожелал иметь подробные сведения о ледоколе Макарова. Витте приказал сделать модель «Ермака» и доложил государю, что хочет послать эту модель Вильгельму. «Совсем ему этого не надо, я возьму эту модель себе» — был ответ государя.

Министр иностранных дел Муравьев не что иное как куртизан, думающий о том, чтобы говорить государю приятные вещи и соглашаться со всяким мнением, имеющим государево сочувствие. Куропаткин, по счастью, ныне несколько остывший, только и мечтает о взятии Босфора или вторжении в Индию. Государю нравится перспектива такой военной славы, и Муравьева поддерживает Куропаткин. На крайнем Востоке Муравьев наделал глупостей и уничтожил в глазах Китая престиж русского влияния. Со времени японской войны мы, по почину Лобанова, стали уверять Китай, что мы всегда будем бескорыстными его защитниками в противоположность другим европейским державам; это создало нам первостепенное в Китае положение, но в один прекрасный день, придя в качестве союзников, внезапно захватили Порт-Артур, не стесняясь лживо данными обещаниями; отношения мгновенно изменились, китайцы нас ненавидят и презирают столько же, сколько уважали, и вследствие того с каждым днем более и более бросаются в объятия японцев, коих силы сегодня таковы, что в случае объявления ими нам войны мы не могли бы удержать Порт-Артура. Трансваальская война задерживает неприязненные в отношении нас действия японцев, и это — великое счастье, потому что мы тем временем усиленно строим нашу железную дорогу, которая будет готова к концу 1902 г., и тогда только нам не страшен будет исход столкновения с Японией.

На вопрос мой о том, какая ближайшая программа его финансовой кампании нынешнего года, при невозможности пользоваться иностранными капиталами вследствие теперешних условий денежного рынка, Витте отвечал: «Вследствие значительных избытков при исполнении сметы я мог за последние годы строить железные дороги и в особенности Сибирскую, не прибегая к займам. Положение трудно, в особенности вследствие постигших Россию неурожаев; если бы у нас было один или два таких урожая, как в министерство Вышнеградского, то наши финансы немедленно очень поднялись бы. Я прячу деньги, сколько могу, потому что знаю, как легко они могут подвергаться израсходованию. За это на меня нападают младшие члены департамента экономии Шидловский, Верховский, Череванский».

Я. — Но если казначейство — в цветущем состоянии, то можно ли сказать то же самое о благосостоянии населения? Вы имеете столько органов и агентов в провинции, что легко можете иметь об этом достоверные сведения.

В и т т е. Я думаю, что картина бедственного состояния крестьянства очень преувеличена. Крестьянское благосостояние со времени освобождения крестьян не понизилось, но вследствие того, что крестьяне предоставлены самим себе, без помещичьей опеки, возникло между ними не чувствовавшееся прежде неравенство между богатыми и бедными. Прежняя прямая линия получила волнообразную форму, и части ее, выражающие понижение, притягивают внимание критикующей публики.

Я. — Но вы же сами говорили и подавали государю записки о необходимости заняться крестьянским делом.

В и т т е. Я не могу во все вмешиваться, меня уже и так слишком в том обвиняют. Да и сомневаюсь в том, чтобы нашелся человек, который решился бы произвести необходимый для экономического подъема переход от общинного владения к подворному.

Я. — А Сипягин?

В и т т е. Он этого не сделает. Он человек не обширного ума, но понимающий трудность проведения больших государственных вопросов. Он превосходной души человек, и его назначение весьма счастливо, потому что он не затруднится высказать государю то, что признает истиною, предотвращающей вред, но все им сказанное будет иметь форму, нисколько не неприятную.

Я. — Очень жаль, что он обязан, кажется, своим назначением Ивану Николаевичу Дурново, который утверждает, что он засвидетельствовал государю намерение Александра III назначить Сипягина министром внутр. дел.

Говоря о других своих сотоварищах-министрах, Витте передает тягостное впечатление, произведенное на него накануне госуд. контролером Лобко, который в совещании о нефтяных источниках настаивал на том, чтобы источники отдавались по возможности бедным людям, а не богатым, как это делает Витте.

Я настаиваю на не раз высказанном мною убеждении, что чиновники — первые социалисты.

Витте доказывает, что у него в министерстве финансов нет такого направления. Я смело отвечаю, что он это воображает; что и его чиновники, все умножаемые, так же зловредны, как и в других ведомствах, вследствие своей безответственности, беспримерной в других государствах.

24 апреля. После незначительного общего собрания соединенные департаменты обсуждают значительное представление министра юстиции об уничтожении ссылки. Муравьев произносит блестящую речь и настаивает на немедленном уничтожении ссылки, мало заботясь о том, что тюрем не существует.

Дело в том, что год тому назад было совещание под председательством государя, который, под сибирскими своими впечатлениями, выразил желание, чтобы ссылка была отменена, и вот теперь хочется поднести к празднику 6 мая конфетку с фейерверком. По моему мнению, ссылку возможно сокращать по мере увеличения тюремных помещений и таким путем итти к ее уничтожению, но путь этот слишком медленен и, в особенности, неэффектен. В соединенных департаментах настаивают на том, чтобы прежде были сделаны подробные расчеты о размерах могущих быть приготовленными тюремных помещений, а затем уже, сообразно имеющемуся контингенту помещений, и вводить законы, обращающие в арестантов возможное к помещению число ссыльных. Муравьев довольно легкомысленно стоит на своем.

1 мая. В соединенных департаментах представление министра юстиции Муравьева об отмене ссылки. Большинство членов совета силятся доказать невозможность уничтожить ссылки, не приготовив достаточно поместительных тюрем. Муравьев непременно хочет спустить блистательный фейерверк, долженствующий понравиться молодому императору, и в этом смысле произносит весьма талантливую речь.

15 августа. Более шести недель пролежал в сильном припадке подагры. По счастью успел перебраться в Царское Село, где превосходная погода, чистый воздух содействовали выздоровлению.

В Петербурге последнее деловое заседание финансового комитета было 29 июня. Получены были дурные вести из Китая и потому

более говорили об этом, чем о подлежавшем обсуждению, правда, незначительном деле.

Витте, принимавший большое участие в ходе нашей по отношению к Китаю политики, счел нужным как бы в свое оправдание сообщить присутствующим членам финансового комитета следующее: после китайско-японской войны мы объявили Китаю, что, не имея никакого с ним соперничества, мы желаем жить с ним в полной дружбе и даже защищать его от других европейских держав. На эту тему были переговоры между Лобановым и Ли-Хун-Чаном сначала в Москве, а потом в Петербурге во время коронации, переговоры, окончившиеся договором, одним из условий коего была постройка нами дороги через Манчжурию. Вслед за тем Вильгельм, давно желавший захватить что либо в Китае, приехал в Россию и в один прекрасный вечер, возвращаясь из Красного Села в Петергоф вдвоем в коляске, уговорил нашего императора разрешить ему, Вильгельму, занять Киау-Чау. Когда вслед затем Николая Александровича [упрекали] в такой уступчивости, то он отвечал лишь, что не мог противостоять настойчивости Вильгельма.

Китайцы не замедлили обратиться к нам с просьбою защитить их от Вильгельма согласно нашему договору.

Муравьев отвечал им, что мы готовы это сделать, но что для этого нам надо занять пункт китайской территории и при этом указал на Порт-Артур. Китайцы отдали Порт-Артур, и во время занятия его нами китайский в Петербурге посланник спросил от имени своего правительства, надолго ли мы его занимаем. На это гр. Муравьев ответил, что подобный вопрос обиден для русского императора, желающего помочь Китаю.

Тем временем у государя было совещание, на котором лишь Витте и управляющий морским министерством остались при мнении, что занимать Порт-Артур не следует, все же остальные члены и, прежде всего, Муравьев отстаивали эту меру, зная, что она нравится юному царю. Царь однако согласился с Витте, но через неделю изменил свое решение, и Порт-Артур был взят.

Встретив около этого времени в. к. Алексея Александровича и зная, что он приверженец этого захвата, я (Половцев) спросил в. князя, какие его в этом случае побуждения. Он отвечал мне так: «Я разделяю мнение Петра Великого, который говорил, что государство, имеющее лишь сухопутные военные силы, похоже на человека, имеющего лишь одну руку, а что только при существовании армии и флота государство уподобляется человеку, две руки имеющему, а без незамерзаемого флота, т. е. без Порт-Артура, Россия флота иметь не может». Comparaison n'est pas raison!

Ковалевский рассказывает, что на него возложен наем судов для отсылки войск в Китай и, по обыкновению, всякому чиновнику свойственному, погоревав о трудностях своего положения, между прочим, иллюстрирует эти трудности хорошим анекдотом. На-днях датская принцесса Вольдемар (р. Шарурская) телеграммами, к государю обращенными, просила уступить ей поставку перевозочных судов, потому что такая поставка могла бы доставить ей миллиона два барыша. Эти телеграммы государь переслал министру финансов, и от них приходилось серьезно защищаться.

Вернувшийся из заграничного (для лечения жены) путешествия, Победоносцев, критикуя и осуждая то, что вокруг нас делается (и чему он один из главных виновников), метко характеризует Николая II:

«Он имеет природный ум, проницательность, схватывает то, что слышит, но схватывает значение факта лишь изолированного, без отношения к остальному, без связи с совокупностью других фактов, событий, течений, явлений. На этом мелком, одиночном факте или взгляде он и останавливается. Это результат воспитания кадетского корпуса да, пожалуй, горничных, окружавших его мать. Широкого, общего, выработанного обменом мысли, спором, прениями, для него не существует, что доказывается тем, что недавно он сказал одному из своих приближенных: «Зачем вы постоянно спорите? Я всегда во всем со всеми соглашаюсь, а потом делаю по-своему» (sic!). Говоря об участии императора Вильгельма в китайской войне, он сказал: «А у нас нет конституции и парламента, и я буду посылать столько войск, сколько мне вздумается».

13 [1]) а в г у с т а. Приезжает ко мне Витте и рассказывает, что он подал государю пространную записку, излагая опасность дальнейшего ведения бесцельной войны с Китаем. Независимо от значительных денежных затрат не только в настоящем, но и обязательно в будущем, Витте доказывал, что, создав затруднения на Дальнем Востоке, мы ослабим свое положение в Европе, где при всяком осложнении будем поставлены в необходимость быть уступчивее. В самых пределах России могут тогда возникнуть столкновения с нашими окраинами: Польшею, Финляндиею, Балтийским краем, Кавказом, где возбудили много неудовольствия и даже вражды своим управлением. Надо вспомнить, какими последствиями сопровождались две последние восточные войны 1855 и 1881 [1]) года. Дело доходило и может легко снова дойти до внутренних в России беспорядков. Предвидеть конца всему этому невозможно, почему Витте и настаивал на необхо-

[1]) Так в подлиннике.

димости выйти из Пекина и, по возможности, возвратиться к прежним существовавшим между Россиею и Китаем отношениям.

Последствием этой записки был созыв совещания. Приглашены были: Куропаткин, Ламздорф и Витте. Несмотря на сильную оппозицию Куропаткина, который желал бы военными успехами на долгое время терроризовать Китай, государь согласился с Витте и решил вызвать русские войска из Пекина, о чем и должно последовать на-днях правительственное сообщение.

Так как государь уезжает на три недели на охоту в Беловежскую пущу и Спалу, причем его сопровождает Куропаткин, сторонник войны, то Витте приехал в Царское Село к в. к. Владимиру Александровичу, сопровождающему государя на охоту, рассказать ему весь этот инцидент и просить его оказать возможную поддержку к приведению в исполнение принятого государем решения.

15 августа заходит Победоносцев и рассказывает, что был у государя и, с своей стороны, уговаривал его по возможности скорее положить предел китайскому конфликту. Государь, слушая его, отвечал только: «Не беспокойтесь, Константин Петрович». Потом Победоносцев стал ему говорить о слухе, будто великая княгиня Мария Павловна делает все возможное, чтобы привлечь в. к. Михаила Александровича к женитьбе на Елене Владимировне. «Да ведь это нельзя по закону», — сказал государь. «Да для Марии Павловны никакие законы не писаны», — сказал Победоносцев.

Гр. А. Х. Бенкендорф о России

в 1831—1832 гг.

Печатаемые ниже всеподданнейшие отчеты начальника III отделения собств. е. и. в. канцелярии и шефа жандармов гр. А. Х. Бенкендорфа за 1831—1832 гг. являются продолжением публикации, помещенной в XXXVII — XXXVIII тт. «Красного архива». Эти отчеты отличаются от опубликованных ранее отчетов за 1827—1830 гг. прежде всего внешне: в то время как последние написаны на французском языке и со стороны формы изложения представляют собой нечто вроде литературно-публицистических очерков или небольших политико-экономических трактатов, изящно переписанных самим их автором М. П. фон-Фоком, отчеты за 1831—1832 гг. написаны на русском языке, тяжелым стилем докладных записок и переписаны канцеляристом (в 1831 г. фон-Фок умер). Они различаются и по содержанию: здесь нет анализа настроений отдельных социальных групп, обзора экономического состояния страны, положения окраин, литературы и т. д.— тематика их значительно уже. Тем не менее и публикуемые здесь отчеты представляют немалую научно-историческую ценность. Они содержат любопытный материал об отношении правящих кругов и так наз. «общественного мнения» к польскому восстанию 1830—1831 гг. и о той роли, которую сыграли чины корпуса жандармов в его подавлении, о народных настроениях в связи с холерной эпидемией, об июльских беспорядках 1831 г. в Новгородских военных поселениях, приведших к ликвидации последних, о деятельности министров и т. д. Любопытны некоторые откровенные высказывания вроде, напр., признания благовременности смерти в момент борьбы с поляками полонофильствовавшего в. кн. Константина Павловича и др. В этих же отчетах впервые появляются сообщения о конкретных фактах «волнений» крепостных крестьян. В дальнейших отчетах перечни случаев крестьянских восстаний против помещичьего гнета становятся все подробнее и шире; с течением же времени крестьянский вопрос занимает почти центральное место во всеподданнейших отчетах органа «высшего надзора».

Текст воспроизведен здесь по подлинникам, хранящимся в Архиве Революции и Внешней Политики в Москве; в подстрочных сносках отмечены особенности подлинника а также даны расшифровки некоторых имен и примечания фактического характера.

А. Сергеев.

Обозрение происшествий и общественного мнения в 1831 году.

1831 год был изобилен важными событиями, событиями несчастными для отечества нашего и которыми мнение общее, дух народный сильно и разительно был колеблем.

В начале года всеобщее всех сословий внимание обращено было на мятеж, в Царстве Польском происшедший, и на движения войск наших к усмирению оного. Все, кроме весьма немногих, были уверены, что одного появления российской армии будет достаточно для прекращения возникшего в Варшаве беспорядка и своевольства, уверены были, что армия наша без всякого сопротивления достигнет Варшавы, и сим положен будет мятежу конец; граф Дибич [1]), недавно перед тем совершивший с толикою славою поход в Турцию, внушал всеобщее доверие; но, вопреки всех соображений, явились трудности непреоборимые, сопротивление неожиданное, неудачи, и граф Дибич начал терять в мнении общественном; узнали о недостатках, претерпеваемых войсками, и общий голос обвинял главнокомандующего в непринятии надлежащих мер к обеспечению продовольствия армии.

Сражение 7 февраля под Прагою [2]), непременным последствием которого, по общему всех ожиданию, долженствовало быть покорение Варшавы, нанесло в общем мнении всех сословий сильный удар славе графа Дибича. Как нарочно в это самое время появилось в журнале «Сын отечества» описание взятия Праги Суворовым. Статья сия произвела толки и сравнения в крайнюю невыгоду настоящих событий. Народ, по обыкновению своему, видел измену. Класс более образованный осуждал распоряжения главнокомандующего. По мере продолжения кампании и новых неудач, неудовольствия возрастали; наконец, вторжение мятежников в наши границы, восстание в губерниях, от Польши присоединенных, навели уныние на всех благомыслящих людей. Уже многие рассуждали, что Россия не только не достигнет усмирения мятежа в Царстве Польском, но и лишится Литвы, Волынии и Подолии.

Поражение мятежников при Остроленке [3]) ободрило несколько

[1]) Дибич-Забалканский, И. И., гр. (1785—1831), фельдмаршал, главнокомандующий армией, действовавшей против поляков в 1830—1831 гг.

[2]) В этом сражении, происходившем около местечка Грохова и окончившемся отступлением польских войск в предместное укрепление Прагу, а оттуда в Варшаву, Дибич, по не вполне выясненным до сих пор причинам, не решился преследовать отступивших и закончить войну одним ударом. Передышка была использована поляками для реорганизации своих сил и поднятия восстания в Литве, а также попыток вторжения в Подолию, Волынь и Украину.

[3]) 14 мая польская армия была разбита при Остроленке, но Дибич не сумел организовать преследования и дал главным польским силам возможность отступить к Варшаве.

унывающих, но и сия победа, оставаясь без всяких видимых последствий, не остановила ропота и всеобщего неудовольствия против главнокомандующего. Восхищались неимоверной храбростью войск наших, но обвиняли фельдмаршала в том, что не умел, — а многие, по предубеждению о его предательстве, — что не хотел воспользоваться поражением мятежников.

Неожиданное прибытие в Санкт-Петербург графа Паскевича[1]) возбудило надежды всей публики. На него обратились все взоры; с нетерпением ожидали отъезда его в армию, но отправление его замедлилось; недоумевали, к чему сие приписать. Многие начинали обвинять правительство в том, что оно общую пользу подчиняет каким-то соображениям деликатности, но внезапная смерть графа Забалканского[2]) и немедленное отбытие к армии графа Эриванского всем сомнениям и толкам положили конец. Мудрено ли, что при таковых обстоятельствах смерти фельдмаршала Дибича все порадовались; в этом событии видели явно действие всемогущего провидения, которое неисповедимыми путями своими втечение многих веков ведет отечество наше к славе, величию и могуществу.

О причинах смерти графа Дибича разные произошли толки; немногие верили, чтоб он умер от холеры. Иные полагали, что он сам посягнул на свою жизнь, что поводом к тому был приезд к нему генерал-адъютанта графа Орлова; некоторые даже заключали, что он был отравлен и что правительство не чуждо было сего действия, но все, знающие благородство, возвышенность души нашего государя, гнушались мысли сей и отвергали ее, как нелепую; одни неблагомыслящие люди, которых при неудачных событиях всегда является много, давали веру таковой небылице.

С восхищением было принято известие о прибытии графа Паскевича к армии. Никто не позволял себе и думать, чтобы сей вторый Суворов, со славою совершивший поход в Персии, ознаменовавший себя неимоверными победами и успехами в Азиатской Турции, мог иметь неудачу. События совершенно оправдали сии надежды, и знаменитый трехдневный штурм Варшавы[3]), покрывший новой доблестью российское воинство и изумивший Европу, увековечил славу князя Варшавского.

В половине июня эпидемическая болезнь холера[4]), подвигаясь постепенно от юго-востока, появилась в северную столицу нашу,

---

[1]) Гр. И. Ф. Паскевич-Эриванский прибыл в Петербург из Тифлиса, по вызову Николая I, 12 мая; 4 июня он был назначен главнокомандующим.

[2]) Дибич умер 29 мая от холеры.

[3]) Варшава сдалась в ночь на 27 августа 1831 г.

[4]) См. всеподдан. отчет гр. Бенкендорфа за 1830 г. («Красный архив», т. XXXVIII, стр. 136—137).

не взирая на все предпринятые осторожности. И пред сим уже во многих губерниях жители, и в особенности простой народ, обнаруживали неудовольствие противу карантинных мер. Меры сии, по великому распространению болезни, конечно, были крайне стеснительны для внутренней промышленности и составляли источник величайших злоупотреблений, а как в то же время оные нисколько не преграждали ходу болезни, то вскоре общим мнением карантины признаны были вовсе бесполезными и даже вредными, ибо скопление в них множества народа, тесное и неудобное помещение и разного рода недостатки умножали лишь только болезни. По таковым причинам мера, принятая правительством, не оцеплять Санкт-Петербурга и свободно выпускать из него всех желающих выехать, была принята со всеобщей благодарностью.

Но явилось новое зло: полиция, от излишнего ли усердия или, лучше сказать, от невежества исполнителей, начала хватать и отсылать в холерные больницы не только больных холерою, но и всякого рода больных и даже встречаемых на улицах пьяных и слабых людей. В больницах же большая часть привозимых вскоре умирали по неопытности медиков в лечении сей новой болезни, умирали даже и не имевшие холеры от приема сильнейших лекарств, ибо их лечили наравне с холерными. Сие возбудило в народе пагубную мысль, что доктора, подкупленные поляками, отравляют народ, что никакой болезни не существует, но существует один лишь заговор на погубление россиян; 22 июня чернь собралась на Сенной площади и произвела значительные беспорядки; в последующие затем дни и в других частях города происходили буйства. Появление государя среди народных толпищ и принятые потом строгие меры прекратили неустройства, которые могли иметь пагубные последствия.

Однако же народ долго еще своевольничал, хватал на улицах всех подозрительных ему людей и мнил, что оказывает услугу своему отечеству и государю, предавая врагов России или изменников в руки правительства; постепенное уменьшение силы болезни и ежедневное умножение числа выздоравливающих, наконец, положили предел сему вредному брожению умов, но из Санкт-Петербурга оно распространилось и в другие места. Последовавшее в сие время повеление о повсеместном снятии карантинов было везде принято с радостью. Многие однако же осуждали правительство в том, что не сделало сего гораздо прежде, и изъявляли боязнь, чтоб простой народ, участвовавший или бывший свидетелем беспорядков, здесь происходивших, не принял благоразумную меру за победу, одержанную им над правительством, и не приобык к мысли, что может самоуправием достигать своих желаний.

В июле месяце бедственные происшествия в военных поселениях Новгородской губернии произвели всеобщее изумление и навели грусть на всех благомыслящих [1]). Происшествия сии возбудили в то же время и толки, сколь вредно и опасно может быть для столицы соседство военных поселений, и распространившийся вслед затем слух о намерении правительства уничтожить Новгородское военное поселение радовал всех, но вместе с тем однако же точно так же, как и при снятии карантинов, возбудил опасение, чтоб мера сия не была принята поселянами как победою [2]), над правительством одержанною.

В сие время, когда столь бедственные для России обстоятельства безостановочно, одно за другим, следовали, явно обнаружились преданность и любовь народа к своему государю. И самая чернь в исступлении своем всегда была останавливаема одним появлением монарха, и все классы общества, горюя о несчастных событиях, главнейше соболезновали о государе, разумея, сколь происшествия сии должны печалить чадолюбивое его сердце, и потому с восхищением было принято известие о благополучном рождении великого князя Николая Николаевича, как о событии, посланном богом на утешение возлюбленного монарха. Незадолго пред сим пришло известие о кончине великого князя цесаревича Константина Павловича [3]); событие сие, конечно, опечалило многих по участию, принимаемому верноподданными в чувствах любимого ими государя, но в другом отношении публика рассуждала, что обстоятельство сие благоприятствует беспрепятственным распоряжениям правительства в делах с Польшей.

Последовавший за некоторое время до взятия Варшавы указ о рекрутском наборе произвел вообще весьма неприятное впечатление. При всех неблагоприятных обстоятельствах того времени оный признавался крайне тягостным, особенно же по тому обстоятельству, что в набор сей, как и в предшествовавший, воспрещено принимать рекрут моложе 20-ти лет, тогда как в прежние наборы допущен прием

---

[1]) В начале июля 1831 г. в военных поселениях Новгор. губ. возникли беспорядки в связи с противохолерными мероприятиями правительства: учреждением карантинов и окуриванием зараженных домов и имущества умерших, вызывавшим, по мнению военно-поселенцев, массовые отравления. Во время беспорядков было убито и умерло от полученных увечий более 100 офицеров и врачей. 25 июля сам Николай I приехал в Новгород для ликвидации движения. В августе была назначена военно-судная комиссия, под председ. ген. Захаржевского, привлекшая к суду около 3 000 чел., подвергшихся суровой расправе. Указом 8/XI 1831 г. новгородские военные поселения были преобразованы в округа пахотных солдат.

[2]) Так в подлиннике.

[3]) Константин Павлович, вел. кн. (1779—1831), наместник Царства Польского, умер от холеры в Витебске в ночь с 14 на 15 июня.

с 18-ти лет. Дарованное преимущество русским мещанам и крестьянам нанимать за себя в рекруты финляндцев подало повод при нынешнем 97-м наборе к великому злоупотреблению, состоящему в том, что многие корыстолюбцы составили из сего непозволительный торг финляндцами. К прекращению сего зла на будущее время приняты правительством нужные меры.

Обозрев таким образом главнейшие события первых восьми месяцев 1831 года, должно сказать, что дух мятежа, распространившийся в Царстве Польском и в присоединенных от Польши губерниях, имел вообще вредное влияние и на расположение умов внутри государства. Вредные толки либерального класса людей, особливо молодежи, неоднократно обращали внимание высшего наблюдения; в Москве обнаружились даже и преступные замыслы. Пребывающие в России поляки всемерно старались распространять ненависть свою к нашему правительству. Нет сомнения, что при дальнейших неудачах в укрощении мятежа в Царстве Польском дух своевольства пустил бы и в отечестве нашем сильные отрасли. Но покорение Варшавы нанесло разительный удар умам беспокойным. Внезапно явилась значительная перемена, и ныне расположение умов вообще не представляет никакого для правительства опасения. Присутствие государя императора в Москве доказало, сколько все сословия привержены к монарху.

Не таково однако же, и далеко не таково, расположение жителей польских наших губерний. Происшествия сего года расшевелили в в них издревле питаемую к России ненависть, они подавлены лишь одною силою оружия нашего, но жаждут отделиться от России и, конечно, при первом удобном случае явят свою непокорность. Губернии сии требуют самого бдительного надзора правительства, и потому все благомыслящие люди молят бога, да сохранит он нам государя нашего, коего твердая рука одна может удержать отечество наше в мире, спокойствии и тишине, и да дарует ему сподвижников мудрых, прозорливых и истинно ему и России преданных.

В заключение представляется краткое обозрение общественного понятия о главнейших высших управлениях.

1-е. Министерство юстиции. Все отдают полную справедливость высоким достоинствам управляющего сим министерством статс-секретаря Дашкова. Единогласно признают его за человека умного, просвещенного, справедливого, чуждающегося всякого злоупотребления; но в то же время находят, что он не имеет достаточной деятельности, многие жалуются, что он горд и неприступен. Ход и производство в судебных местах нисколько не улучшаются; та же медленность, то же корыстолюбие в чиновниках. Решительно отзываются,

что посредством денег всякая неправда делается правдою. Принятые в начале царствования государя императора строжайшие меры к прекращению лихоимства никакой видимой пользы не произвели; лихоимцы соделались лишь осторожнее, но число их не уменьшилось. Мудрости правительства принадлежит изыскать средства к уменьшению сего зла, но одно лишь постепенное распространение просвещения в средних классах людей, коими наполняются судейские места, может современем оное зло уничтожить. Высшее наблюдение не перестает обращать все бдительное внимание свое на течение дел в присутственных местах и к прекращению открываемых злоупотреблений всегда встречает самое ревностное содействие со стороны управляющего Министерством юстиции.

2-е. Министерство внутренних дел. С самого вступления в управление оным министерством графа Закревского общее мнение ознаменовало его как человека, не имеющего ни того просвещения, ни тех способностей, каковые требуются в министре внутренних дел. Его признавали человеком деятельным, но говорили, что деятельность сия обращена на одни предметы малой важности. Канцелярия и департамент его устроены были, по наружности, в лучшем виде: везде чистота, красивое единообразие, скорое течение дел, точное наблюдение канцелярского порядка. Но настоящее дело, устройство в губерниях разных частей, подведомственных его министерству, вовсе не подвигалось. При таковом понятии о графе Закревском, все с удовольствием узнали о его отставке. Теперь с нетерпением ожидают ему преемника [1]) или нового устройства сей части, ибо и в товарище министра, управляющем ныне министерством, видят человека вовсе неспособного.

3-е. Министерство финансов. Общее почти всех мнение согласуется в том, что никогда еще финансовая часть не была в России управляема столь хорошо, как ныне. Все отдают полную справедливость уму, познаниям и деятельности графа Канкрина. Три жестокие войны и ни одного нового налога. Вот лучшая ему похвала. Изданный в прошедшем ноябре месяце новый тариф возбудил в купечестве сильное против министерства финансов неудовольствие по случаю помещенного в оном обстоятельства, чтобы прибавочные $12^1/_2$ процентов взыскать и с привезенных уже, но только пошлиною не очищенных еще, товаров. Но как мера сия вслед засим благостию государя отменена, то и не оставила она вредных насчет министра финансов впечатлений.

---

[1]) Преемником гр. А. А. Закревского на пост министра внутр. дел был назначен гр. Д. Н. Блудов (1832—1839).

4-е. Министерство народного просвещения. Сия важная отрасль государственного управления, от которой зависит не только настоящее, но и будущее благоденствие России, не приобрела до сего времени ни одобрения, ни доверенности благомыслящих людей. Министр народного просвещения единогласно [1]) признается за человека вовсе неспособного к управлению вверенной ему части. Он человек отлично добрый, честный, но стар, болезнен, не имеет достаточного просвещения, предан мистицизму и окружил себя мистиками. И потому-то подведомственные ему учебные заведения приходят в крайний упадок. Нет надлежащего учения, нет должного надзора. Зло сие существует и здесь в виду главного управления народного просвещения и даже в большей степени, чем в некоторых губерниях; о Дерптском университете, например, насчет учения отзываются с большою похвалою.

Здесь прилагается несколько записок, заключающие в себе подробное обозрение санкт-петербургских учебных заведений и корпусов [2]).

5-е. Главный штаб его императорского величества. Армия наша в истекшем 1831-м году покрыла себя бессмертною славою. Не взирая на трудности и неудачи 9-месячной тяжкой кампании, российские войска постоянно сохраняли и примерный дух свой, и отличное устройство, и явили пред целым светом неимоверное мужество свое к преодолению врагов и в то же время снисхождение к побежденным. Втечение всего года высшим наблюдением постоянно получаемы были сведения о похвальном и примерном расположении как войск, в действии находившихся, так и в здешней столице остававшихся, и в сем уважении управление главного штаба его императорского величества заслуживает совершенную похвалу, и

6. Главный морской штаб его императорского величества. Российский флот, за несколько лет пред сим находившийся в крайнем упадке и получивший, так сказать, новую жизнь по особенному вниманию на оный государя императора, продолжает постепенно увеличиваться и улучшаться. Начальник морского штаба признается единогласно за человека умного, деятельного и дело свое разумеющего. Офицеры, будучи ободрены отличием, оказываемым им государем, ревнуют и усердствуют в исполнении должностей своих, но, по доходившим до высшего наблюдения сведениям, тяготятся несколько фрунтовым учением.

---

[1]) Кн. К. А. Ливен (1828—1833).

[2]) Записки в папке, содержащей отчеты, отсутствуют.

Отчет о действиях чиновников корпуса жандармов за истекший 1831 г. [1])

Прошедший 1831-й год, ознаменовавшийся толико неприятными событиями, преисполненный мятежами, крамолою и явными знаками непокорности к власти законной, еще более распространил круг действия корпуса жандармов. Чиновники оного часто находили себя в необходимости выходить из пределов предначертанной им инструкции: часто, кроме многочисленных, обыкновенных и чрезвычайных поручений, они делались то комендантами, то полициймейстерами, были начальниками отрядов военных, управляли частью прямо гражданскою, и, чем более распространялся дух возмущения в западных пределах империи, тем усерднее были их действия и очевиднее безусловное повиновение к власти местных начальников.

Наблюдения всех чиновников корпуса жандармов и их действия в прошедшем году не ограничились одной обязанностью высшей наблюдательной полиции; постигшая, к несчастью, многие губернии обширной империи холера также была предметом их неутомимых занятий. Они часто, с самоотвержением, делались то учредителями больниц, то распорядителями при восстановлении спокойствия, нарушенного общим страхом, и даже некоторые из них принимали на себя обязанности лечить пораженных сею болезнью. Не осмеливаясь утруждать ваше величество подробным начертанием всех деяний чиновников корпуса жандармов, я ограничусь сколь возможно кратким изложением их действий и первое место по справедливости отдаю:

подполковнику Ребиндеру, который, при начале мятежа в Польше, когда в Минске не было гражданского губернатора, когда вице-губернатор, в преклонных летах и в болезненном состоянии, не имел ни влияния, ни власти и когда город Минск и губерния были предоставлены, так сказать, собственной судьбе своей во время самого сильного распространения мятежа, тогда Ребиндер, движимый истинным усердием к службе, не имея ни от кого разрешения, но видя минуту опасности, с твердостью принял в свои руки всю власть управления, а с тем вместе и всю ответственность, с оною сопряженною, и таковым смелым подвигом удержал волновавшиеся умы в границах покорности.

Генерал-лейтенант Лесовский и полковник Жемчужников находились во все продолжение войны при главной квартире действующей армии. Первый из них исправлял должность военного генерал-полициймейстера, второй был генерал-гевальдигером, и оба служили с той ревностью, которая отличает усердных чиновников.

Генерал-майор граф Апраксин, проникнув свободомыслие студентов Московского университета и узнав, что некоторые из них имеют сношение с офицерами (польскими уроженцами) квартировавшей в Москве пехотной дивизии, открыл о составившемся обществе злонамеренных людей, мечтавших ввести в России конституцию. По поводу сего была учреждена в Москве, под председательством военного генерал-губернатора, следственная комиссия, и обнаруженные преступники, по высочайшему вашего императорского величества повелению, преданы суду.

---

[1]) На подлиннике помета Николая I чернилами: «Благодарю искренно г. шефа жандармов за неутомимые труды его и за тот отличный дух, который умел вселить в офицеров сего корпуса; действия сего корпуса совершенно соответствуют моим намерениям». Далее рукою полк. Дубельта приписка: «Собственною его величества рукою написано 6-го генваря 1832 года. — Полк. Дубельт».

Генерал-майор Балабин, ознаменовав свое служение постоянным усердием, неутомимо действовал во время возникших беспорядков при появлении в С.-Петербурге холеры.

Полковник Марин исправлял должность коменданта в Кайданы и Ковно и был главным начальником полицейского управления в Ковенском и Трокском уездах. Назначение его к сим местам, тогда опасным, было по особенному к нему доверию начальства, и он успел оправдать таковое в полной мере; достигая сего, он оказал опытность, храбрость, всегдашнее присутствие духа в распоряжениях, строгую предусмотрительность и перенес значительные труды. Доставлял важные сведения о мятежниках и вообще о состоянии той страны; перехватывал их переписку и прокламации и, наконец, сделал следующее похвальное распоряжение: видя беспрестанные натиски рассыпанных мятежнических шаек из Августовского воеводства, которые дерзнули появиться на левом берегу Немана, решился послать на правый берег той реки военный отряд для рекогносцировки и 15 сентября командировал из состава ковенского гарнизона две роты 8 Егерского полка, под командою капитана Литвинова и корпуса инженеров путей сообщения капитана Егорова. Отряд сей открыл скопище мятежников, разбил их и овладел лагерем на 400 человек, с большими запасами съестных припасов.

Полковник Рутковский во все время мятежа исправлял должность виленского полициймейстера, доставлял беспрерывно сведения, оказавшиеся впоследствии справедливыми; наблюдал за поведением Староингерманландского пехотного полка прапорщика Кудрицкого и был одной из непосредственных причин открытия преступных замыслов сего офицера, который оказался главным заговорщиком и возмутителем обывателей виленских. Кудрицкий был схвачен, предан суду и расстрелян.

Полковник Огарев был командирован в Режицкой и Люцинской уезды для наблюдения за расположением умов тамошних жителей. Доставленные им сведения, изложенные в предсгавленной вашему императорскому величеству записке, на которую вы, всемилостивейший государь, соизволили обратить высочайшее ваше внимание и отправить к главнокомандовавшему резервною армиею графу Толстому, служат неоспоримым доказательством его усердия и способностей.

Впоследствии времени находился он для особых поручений при графе Толстом, исправлял должность коменданта главной квартиры, часто наблюдениями своими предупреждал везде готовое возникнуть возмущение, доставлял сведения весьма уважительные и основательные и вообще приобрел внимание и лестные о себе отзывы главнокомандовавшего.

До отправления его в резервную армию был он командирован в Тамбов для узнания истины о причинах возникшего там беспокойства во время существовавшей холеры и доставил министру внутренних дел сведения, которые им хотя и были опровергнуты, но которые впоследствии оказались совершенно справедливыми.

Полковники Эйлер и Яковлев способствуют генерал-адъютанту Левашеву в его многотрудных занятиях; первый из них доставлял беспрерывно весьма важные известия об образе мыслей и расположении духа жителей Волынской губернии, был назначен от военного губернатора членом высочайше учрежденной комиссии для открытия и разбора мятежников; второй управляет секретною канцеляриею военного губернатора, и оба приобрели отличное внимание генерал-адъютанта Левашева.

Полковник Григоров с самого начала определения в корпус жандармов был ревностным исполнителем своей обязанности и, когда, к несчастью, обнаружился в Новгородском военном поселении мятеж, в то время он, с неимоверной смелостью, как говорит граф Орлов, усмирял бунтовавшихся, открыл главных зачинщиков мятежа и приобрел право на самый похвальный о нем отзыв графа Орлова.

Полковник Гофман был употребляем киевским военным губернатором для производства следствий, причем оказывал неутомимую деятельность, открыл убийцу помещика Рущица и похитителей у него 28 тысяч рублей, которые также найдены и возвращены вдове покойного.

Полковник Маслов беспрерывно неутомимой деятельностью открыл сочинителя возмутительных стихов против священной особы вашего императорского величества, генерального штаба штабс-капитана Ситникова [1]), который и предан суду.

В 1827 году скрылся, неизвестно куда, Пермской соляной пристав Гиль, и, по освидетельствовании казенного имущества, не оказалось в оптовом уездном магазейне 85 558 пудов соли, суммою на 96 984 руб. Четырехлетнее следствие, в Перми учрежденное, не могло открыть истинной причины сего недостатка, но полковник Маслов, обратив на дело сие свое внимание, собрал весьма достоверные сведения, что оказавшийся недостаток соли произошел от производившегося в Перми, посредством Гиля и его соучастников, запрещенного торга и что Гиль жив, скрываясь в Иркутске. По сему открытию делается ныне сношение с сибирским начальством о поимке Гиля, через что будут обнаружены все его соумышленники и, хотя частью, возвращен казенный ущерб.

В начале 1831 года, в Судогодском, Ковровском и Муромском уездах Владимирской губернии появились записки, коими возмущались крестьяне против своих помещиков и которые были подкидываемы на дорогах, в селениях и самых уездных городах. Полковник Маслов, самым деятельным преследованием отыскивая виновников сих записок, уже открыл некоторое подозрение на вольноотпущенных людей помещика Нарышкина, успел собрать все означенные возмутительные записки и сим действием остановил всякое вредное влияние оных на умы крестьян.

Полковник Дейер не переставал и в сем году действовать с тем усердием, которое отличает верного слугу государя. Он принимал все зависящие от него меры для предупреждения беспокойств во время холеры, существовавшей в Вологодской губернии. Все донесения его втечение целого года доказывали его неусыпное старание доводить до моего сведения все, что только заслуживало внимания.

Полковник Кильчевский, по высочайшему вашего императорского величества повелению, был командирован в Тифлис к генерал-фельдмаршалу князю Варшавскому, графу Паскевичу-Эриванскому, и занимался там составлением проекта о учреждении высшей тайной полиции для Закавказского края; исполнил возложенное на него поручение с ожидаемым успехом, доставлял весьма важные известия из Грузии и благоразумным поведением обратил на себя благосклонное внимание князя Варшавского.

---

[1]) Шт.-кап. Ситников был арестован в Казани в 1831 г. за сочинение и рассылку «пасквилей и возмутительных писем»; умер в Шлиссельбургской крепости в 1836 г.

В течение истекшего года было ему поручено производство нескольких следствий, которые всегда исполнял он с успехом, доказывающим и усердие и способность к службе жандармской.

Полковник Языков во все время мятежей находился в городе Вильно, был усердным исполнителем приказаний военного губернатора и своей неутомимой деятельностью способствовал к удержанию тишины и спокойствия между жителями сего города. Представлял обстоятельные сведения о движениях мятежнических отрядов и о всех переменах в духе жителей Виленской губернии по мере приобретения войсками нашими успехов над мятежниками.

Полковник Панов, подполковник Нагель и майор Матушевич были беспрерывно употребляемы по делам следственным и всегда оправдывали делаемое им доверие.

Полковник Шубинский своими действиями в Ярославле, своим усердием и трудами справедливо заслужил искреннюю любовь и уважение всех сословий.

Подполковник Булыгин был самым ревностным участником в розысканиях о сочинителе возмутительных стихов, которым оказался генерального штаба штабс-капитан Ситников.

На обсервационной заставе, учрежденной по случаю холеры, существовавшей в Казанской губернии, проезжающие не выдерживали предписанного карантина; Булыгин, открыв, что сие злоупотребление происходит от корыстолюбия смотрителя той заставы, титулярного советника Щепина, положил сим открытием конец злоупотреблению.

Когда живущие Казанской губернии, в Чистопольском уезде, более пяти тысяч ревизских мужеского пола душ крестьян, именовавшиеся пахотными солдатами и малолетками, оказали неповиновение именному вашего императорского величества указу, состоявшемуся в 15 день апреля сего года, тогда подполковник Булыгин благоразумными убеждениями, кротостью и другими приличными мерами способствовал вице-губернатору Филиппову расположить ослушников к повиновению и внушил им долг безусловной покорности.

Подполковник Попов во время холеры в Псковской губернии, в особенности во время неблагонамеренных толков и даже ропотов на распоряжения губернского начальства, действовал с толиким благоразумием, что был одним из виновников восстановления порядка, а сверх того в течение года беспрерывно доставлял весьма важные и обстоятельные сведения и заслужил общую доверенность.

Подполковник Волков во время существовавшей холеры в Козлове сделался учредителем больницы и сам лечил страждущих, благоразумными действиями удержал готовое нарушиться спокойствие между жителями Козлова; сам собою сделался комендантом города и неутомимою деятельностью и поступками справедливыми приобрел общую доверенность и уважение всех жителей.

Подполковник Ожигов, следствием зорких наблюдений, предвидел и доносил о возрождающемся мятеже в Польше. Преданность к престолу вашего императорского величества поставила его до возникшего мятежа в неприятное положение бороться с клеветою и теми закоренелыми бунтовщиками, которые видели в нем одно из важнейших препятствий своим преступным замыслам. Я сам был им недоволен, основываясь на тех известиях, которые были мною получаемы о его действиях, и сделал ему строгое замечание, но он, приняв сие взыскание с покорностью, перенося огорчения, коварные доносы, не упадал духом, пре-

следовал уклонявшихся от законной власти и постоянным усердием доказал, что в минуту общей опасности он готов жертвовать собою для блага отечества.

Все его донесения оказались справедливыми, и клеветавшие на него мятежники, обнаружив гнусность своих поступков, обнаружили и ту пользу, которую он приносит своим служением. Его благовременные донесения предупредили многие несчастия, которые были бы неминуемы, если бы он был менее усерден.

По приказанию генерал-адъютанта Храповицкого приняв начальство над командой, состоявшей из 50 человек егерей и взвода гусар, ходил он на мятежников в Беловежскую пущу и удержал их до прибытия генерал-майора Линдена.

Письменная почта, ехавшая из Ружан в Гродно, была разбита, и при сем случае похищено 120 тысяч рублей. Долгое время гражданское начальство бесплодно отыскивало похитителей, подполковник Ожигов обнаружил оных.

Наконец, во все время войны с польскими мятежниками доставлял обстоятельные сведения о движении их войск и о поведении и образе мыслей жителей Гродненской губернии.

Майор Белоусов всегда действовал с отличной деятельностью, доставлял о мятежниках в Каменец-Подольской губернии весьма уважительные донесения и производил с успехом возлагаемые на него следствия.

Майор Локателли, наблюдая в Одессе, открыл в сем городе скрывавшихся мятежников: Молодецкого, Мигульского и Сморковича, которые впоследствии отправлены в Каменец-Подольск и там преданы суду. Штаб-офицер сей своим усердием и кротостью приобрел общее уважение.

Майор Кох, находясь в Белостоке, действовал отлично во всех отношениях, о чем свидетельствовал мне лично генерал-лейтенант Лесовский.

Сверх изложенных действий г.г. генералов и штаб-офицеров всемилостивейше вверенного мне корпуса, все вообще находились при рекрутских наборах, и со времени благодетельного учреждения, повелевшего им присутствовать при оных, приметно уменьшились те злоупотребления, которые существовали при прежних наборах.

С благоговением повергая действия корпуса жандармов на всемилостивейшее воззрение вашего императорского величества, мне остается присовокупить, что во время мятежей, когда ваше императорское величество всюду посылали своих генерал-адъютантов, то особы сии, без исключения, просили меня прикомандировывать к ним офицеров корпуса жандармов. Исполняя их требования, мне приятно было получать их извещения о усердии, деятельности и непоколебимой верности тех чиновников, которые были к ним прикомандированы, и о той пользе, какую они приносили во время исполнения повелений вашего императорского величества.

Генерал-адъютант Бенкендорф.

С.-Петербург. 1-го генваря 1832-го г. [1]).

[1]) Далее следуют: 1) «Отчет корпуса жандармов за истекший 1831 год», содержащий краткие ведомости «о состоянии разных воинских чинов к 1-му генваря 1832 года» и «сколько поступило дел по 1-е генваря 1832 года»; 2) «Записка о действиях жандармских нижних чинов впродолжение 1831 года». На отчете и записке Николаем I поставлены карандашом знаки рассмотрения; его же рукой, повидимому, сделаны пометы карандашом: «В упр. кор. ж.»; сверху на них надпись чернилами: «Государь изволил рассматривать 3 генваря 1832».

Обозрение расположения умов и различных частей государственкого управления в 1832 году [1]).

О расположении умов.

Высшее наблюдение, обращая бдительное внимание на общее расположение умов во всех частях империи, может, по всем поступившим в 1832 году сведениям, удостоверить, что на целом пространстве государства российского расположение всех сословий в отношении к высшему правительству вообще удовлетворительно. Нельзя, конечно, отвергнуть, чтоб вовсе не было людей неблагонамеренных, но число их столь незначительно, что исчезает в общей массе; они едва заслуживают внимания и не могут представлять никакого опасения. Все единодушно любят государя, привержены к нему и отдают полную справедливость неутомимым трудам его на пользу государства, неусыпному вниманию его ко всем отраслям государственного управления и семейным его добродетелям. И самые неблагомыслящие люди не отвергают в нем сих высоких качеств. Долг истины заставляет присовокупить, что при сих чувствах в то же время боятся государя и находят его строгим. Императрицу более нежели любят, можно сказать, обожают. На нее взирают, как на божество доброты. Чувства сии особенно обнаружились в нынешнем году при благополучном рождении великого князя Михаила Николаевича. В публике пронеслись слухи, что ее величество не совсем спокойна насчет своего положения: ускоренный приезд государя из предпринятого его величеством путешествия обратил слухи сии в достоверность; надобно было видеть, с каким беспокойством всякий тогда ожидал разрешения ее величества и с каким чувством на другой день, 13 октября, все рассказывали о радости, которую ощутили, услышав пушечные выстрелы, возвестившие о благополучном рождении великого князя Михаила Николаевича.

Когда в исходе лета пронеслась весть, что государь изволит предпринять путешествие в некоторые губернии, с каким восхищением повсюду ожидали его приезда; уже задолго до совершения сего путешествия были отовсюду получаемы сведения о нетерпении видеть его величество; казалось, все прочее было забыто, один сей предмет занимал всех. С каким восторгом потом жители городов, удостоенных высочайшего посещения, воспоминали о пребывании государя среди их; все сословия единодушно разделяли чувства сии. Посещение его величеством города Воронежа для поклонения вновь открытым мощам святого Митрофана в особенности произвело между народом самое благоприятное впечатление.

---

[1]) На обложке «Обозрения» Николаем I поставлен карандашом знак рассмотрения. Ниже помета чернилами: «Государь изволил читать 8 генваря 1833».

Но сии чувства преданности и любви к государю не относятся к жителям губерний, от Польши присоединенных. Происшествия прошедшего года расшевелили в них издревле питаемую к России ненависть. Силою оружия прекращены беспорядки, благоразумным управлением и бдительностью главных местных начальников сохранено спокойствие в сих губерниях и устранена даже всякая возможность к каким-либо преступным предприятиям, но злоба и ненависть таятся в сердцах. Простой народ, увлеченный в беспорядки не по собственному произволу, но силою или посредством убеждений главных мятежников, конечно, не питает сих чувств; он доволен, что может беспрепятственно обращаться в домашних и хозяйственных своих занятиях, но дворянство и католическое духовенство далеко не разделяют сего равнодушного расположения. Сии два класса не могут забыть и, конечно, долгое время еще не покинут преступной мечты освободиться от законного правительства и будут питать к нему злобу.

К усугублению еще сих враждебных чувств неминуемо должны были споспешествовать некоторые распоряжения правительства для наказания мятежников и меры, принятые для утверждения на будущее время спокойствия в польских губерниях, а именно:

1. Конфискование имений главных мятежников.
2. Учреждение следственных комиссий.
3. Указ о шляхте и, наконец,
4. Упразднение некомплектных католических монастырей.

Относительно сих распоряжений и в здешней публике происходили различные толки; конфискование в пользу казны имений мятежников вообще признают мерой совершенно справедливой в отношении нынешних владельцев оных, которые по виновности своей вполне заслужили таковое наказание; но многие находят сию меру несправедливою в отношении тех, коим означенные имения по праву наследства впоследствии времени должны были принадлежать. Насчет следственных комиссий вообще рассуждают, что они действовали с крайней медленностью и часто пристрастно, будучи не чужды посторонних влияний. Указ о шляхте, имеющий целью обратить на пользу сие вреднейшее в польских губерниях сословие, всеми благомыслящими людьми одобряется, как одна из необходимых мер к отклонению на будущее время беспокойств в оных губерниях. Наконец, упразднение некомплектных католических монастырей, по общему понятию людей, не увлеченных приверженностью к католическому вероисповеданию, должно современем принести плоды, полезные уменьшением влияния католического духовенства. Сие последнее распоряжение, как последовавшее внезапно и спустя уже близь полутора года по прекращении беспокойств, произвело сильное впечатление на умы жителей польских

губерний, — преимущественно в дворянском сословии оно пробудило враждебные чувства, которые, так сказать, начинали засыпать, породило мысль, распространяемую духовенством, что правительство имеет намерение вовсе уничтожить в польских губерниях католицизм и что мера, ныне предпринятая, есть первый к тому шаг.

В Белоруссии особенно мера сия производит великий ропот и крайнее неудовольствие, возбуждаемые сильным влиянием в том краю духовенства иезуитского ордена.

В Царстве Польском расположение умов вовсе неудовлетворительно; поляки жаждут освободиться от законного их правительства. Они мечтают, что вся Европа и в особенности Англия и Франция исключительно судьбою их занимаются, и потому относят к себе всякое новое в политике Европы обстоятельство.

В сих мечтах своих они главнейше поддерживаются сведениями и письмами, получаемыми ими, особенно из Франции, от соотечественников своих, укрывающихся там от заслуженного ими наказания. Сии закоренелые революционисты, пользуясь убежищем, дарованным им французским правительством, составили из среды себя в Париже так называемый ими Польский комитет и в глупости своей представили себе, что в них заключается истинное правительство Царства Польского. Сколько правительственный сей комитет ни является смешным для человека благоразумного, но он имеет весьма вредное влияние на умы легковерных поляков. Под руководством сего комитета издаются сочинения, в которых со всевозможным ожесточением, посредством лжи и обмана, порицается правительство наше и представляются в искаженном виде все его распоряжения.

Из комитета сего рассылаются возмутительные прокламации, и, не ограничиваясь одними своими соотечественниками, он обращает таковые и к народу русскому, не понимая, в безумной злобе своей, что слова их в сердцах русских никогда не найдут отголоска.

К числу коварных действий означенного комитета принадлежат составление и рассылка писем самого преступного содержания. В письмах сих говорится о заговорах против правительства, о покушениях на жизнь государя императора и дается разуметь, будто бы лица, на имена коих письма адресованы, знают о сих замыслах и участвуют в оных; но как, по самым тщательным разведываниям, всякий раз по обнаружении подобных писем открывалось, что те лица, коим оные адресованы, ни малейшей связи с членами возмутительного комитета не имеют и ни к какому соучастию к ним неприкосновенны, и как притом и самые письма таковые пересылаются гласно чрез почту, то сие явно доказывает, что вредные сии люди прибегают к таковым средствам единственно в намерении тревожить правительство — или

для отклонения внимания оного от настоящих их сообщников, или, наконец, дабы вовлечь оное в какие-либо несправедливые, насильственные против невинных людей распоряжения и тем возбудить против него неудовольствие.

Принятые ныне правительством меры к разрушению сего вредного гнезда революционистов, несомненно, послужат к возможному успокоению умов в Царстве Польском, тем более необходимому в настоящее время, что последние происшествия в Бельгии приметное произвели волнение в поляках, внушая им надежду на всеобщую европейскую войну, от которой они ожидают освобождения своего от настоящего их правительства.

Об управлении в Царстве Польском.

Об управлении в Царстве Польском высшее наблюдение имеет невыгодные сведения. Говорят, что женщины, коих влияние всегда в Польше сильно, совершенно овладели главными правителями и успели в том, что большая часть должностей, не исключая даже должности вице-президента варшавского муниципалитета, столь важной для сохранения спокойствия, заняты людьми, принимавшими ревностное участие в бывшем мятеже. Рассуждают, что, хотя спокойствие и сохраняется, но сохраняется от одной невозможности что-либо предпринять, что в случае какого-либо беспорядка правительство не может нисколько положиться на верность чиновников, под покровом которых могут и ныне уже таиться преступные замыслы, тем более, что и назидательная часть, жандармерия, главнейше составлена из поляков и сама требует за собою надзора.

О различных частях государственного управления.

Министерство внутренних дел. — Нынешний министр внутренних дел в короткое время своего управления успел приобресть и любовь и уважение подчиненных своих и самое выгодное мнение публики. Приветливым обращением с каждым, имеющим до него надобность, он умел всех к себе привлечь, и потому о нем вообще отзываются весьма хорошо, и до сведения высшего наблюдения не доходило ни одной собственно против него жалобы.

В отношении управления губерний по части министерства внутренних дел не последовало в сем году никаких особенно заслуживающих внимания распоряжений, кроме нового положения о порядке дворянских выборов. Постановление сие, при появлении оного, было повсеместно принято дворянством с благодарностью, но впоследствии

произошли различные о нем суждения; находят многие недостатки и неясности. Справедливость сих суждений некоторым образом подтвердилась и бывшими в нынешнем году в некоторых губерниях выборами, при которых встретились разные недоразумения. Главнейший недостаток, в сем постановлении замеченный, состоит в том, что право иметь голос на выборах определяется владением 100 душами крестьян или известного количества земли, отчего в некоторых местах произошло то неудобство, что почетные, но небогатые дворяне, бывшие пред тем впродолжение нескольких трехлетий дворянскими предводителями, но не владеющие постановленным числом душ или определенным количеством земли, ныне хотя и могут быть избраны, но уже избирательного голоса и, следовательно, участия в выборах не имеют. При бывших в недавнем времени в Черниговской губернии выборах оказалось, что из одного уезда вовсе не явилось дворян, за неимением таких, кои бы владели 100 душами или положенным количеством земли.

Вообще должно сказать, что новое сие узаконение, как видно из поступивших к высшему наблюдению сведений, не произвело при бывших в нынешнем году выборах приметного против прежних улучшения.

Обращаясь затем к полицейскому управлению в губерниях, высшее наблюдение из великого множества поступивших к нему сведений убеждается, что часть сия требует значительных улучшений. Земская полиция, коей действия составляют, так сказать, основу всякого дела и должны приуготовить оное к правильному потом о нем суждению и посредством которой приводятся в исполнение все государственные постановления, вовсе не соответствует цели ее учреждения. Следствия производятся медленно и неправильно, преступления остаются необнаруженными, и распоряжения правительства нередко исполняются совершенно в превратном виде. Земские суды наполнены почти повсеместно людьми неблагонадежными, пекущимися единственно о собственных своих выгодах, отчего беспрерывные жалобы на причиняемые ими стеснения, ропот и неудовольствия в народе и значительное накопление казенных недоимок.

При всем разумении, при всем усердии гражданского губернатора, он необходимо встречает затруднения в сохранении должного в губернии устройства и порядка. Должно к сему присовокупить, что и из числа губернаторов есть многие, которые худо разумеют свое дело и руководствуются людьми неблагонадежными. Замечают, что нынешний министр внутренних дел в выборе гражданских губернаторов гораздо разборчивее, чем был его предместник, но известно, что министерство внутренних дел встречает затруднения находить достойных губернаторов; звание сие в общем мнении, видимо, потеряло свою значительность, и люди образованные и с достатком отклоняются от

сей должности, зная, с какой она сопряжена трудностью и строгой ответственностью и сколь ничтожны средства, коими губернатор должен действовать.

Министерство юстиции. — О министре юстиции те же отзывы, какие были и в прошлом году. Все его признают умным, справедливым человеком, но гордым и неприступным.

В правительствующем сенате последовало в сем году значительное улучшение. Назначение первоприсутствующих, учреждение нового общего собрания и постановление, дабы дела разрешались по вопросам, предварительно извлеченным из самого существа дела, произвели, по общему всех отзыву, то действие, что в департаментах сената дела обсуживаются правильнее, несравненно реже происходят в оных разногласия, следовательно, менее дел поступает в общие собрания, а потому и скорее оные оканчиваются.

Что касается до губернских и уездных судебных мест, то об оных должно сказать, что они представляют самую грустную картину. Решительно нет в них правосудия, и корыстолюбие существует в самой сильной степени. Губернские прокуроры и стряпчие, постановленные для наблюдения за правильным ходом судебных дел, нередко сами причастны к злоупотреблениям. Высшее наблюдение, следя с самым рачительным вниманием за действиями судебной части, беспрестанно открывает производимые по оной неправильности. Многие чиновники, по указанию высшего наблюдения, начальством устранены от должностей, но, при всех стараниях, лихоимство не уменьшается, ибо законная улика лихоимцев едва ли когда возможна, и они, избегая всякий раз заслуженного наказания, беспрепятственно продолжают вредные свои действия, угнетая истца неимущего, находящегося в невозможности удовлетворить их корыстолюбию. Немудрено после сего, что везде слышен ропот, везде жалуются на судебные места.

Полагая, что скудное содержание губернаторских чиновников составляет одну из главнейших причин описанного зла, с нетерпением ожидают издания новых губернских штатов, давно уже обещанных, но доселе еще не последовавших.

Министерство финансов. — И по управлению сего министерства обнаружены высшим наблюдением некоторые злоупотребления и беспорядки; открыты продажа золота с казенных и частных заводов Пермской губернии, противозаконные действия некоторых винных откупщиков и неправильные действия некоторых казенных палат. Но злоупотребления сии вообще малозначительны, и со стороны министерства финансов, по указанию об оных высшим наблюдением, приняты самые деятельные меры к прекращению оных. О распоряжениях и действиях министерства финансов постоянно отзываются с похва-

лою, все части управления оного год от году улучшаются, что приписывают главнейше лицу самого министра финансов, которого единогласно признают человеком истинно государственным.

Обороты внешней торговли нашей в нынешнем году, по общему сознанию купечества, были выгодны. По Рижскому порту открылся значительный привоз контрабанды, но министерством финансов приняты должные меры к пресечению сего зла.

Относительно главнейших наших ярмарок получены были самые удовлетворительные сведения. Товаров было привезено много, и распродажа оных происходила успешно. Фабрики наши год от года улучшаются, и сбыт произведений оных даже и в чужие края ныне производится весьма успешно.

Министерство народного просвещения. — Здесь мало удовлетворительного; действия сего министерства к улучшению учебных наших заведений ничтожны; общая молва о министре самая невыгодная, и единогласно отзываются, что, доколе он будет управлять сею частью, дотоле ничего доброго по части просвещения у нас ожидать не можно.

Уничтожение в Москве благородного университетского пансиона и обращение оного в гимназию произвело весьма неприятное впечатление и, по общему отзыву московского и соседних губерний дворянства, лишило их единственного хорошего учебного заведения, в котором воспитывались дети их.

Цензура в нынешнем году неоднократно обнаруживала неразумение своего дела или нерадение к возложенным на нее обязанностям. Справедливость требует сказать, что недостаток в хорошей, т. е. осторожной, но в то же время нестеснительной цензуре весьма ощутителен, и потому должно желать, чтобы ускорено было окончательное рассмотрение и утверждение наказа цензорам, который уже года три как в проекте составлен, но до сих пор еще не состоялся. Сия мера и назначение в цензоры людей более просвещенных и, в особенности, более трудолюбивых, чем нынешние цензоры, вероятно бы значительно улучшило сию часть и отклонило бы то неприятное впечатление, которое всякий раз производит в публике воспрещение высшим правительством книг, дозволенных цензурою и пущенных уже в продажу, как тому и в нынешнем году были примеры.

Об учебных заведениях здешней столицы прилагается при сем особая записка на французском языке [1]).

Военное министерство. — Последовавшее в нынешнем году преобразование военного министерства, как относящееся

[1]) Записка в папке, содержащей отчет, отсутствует.

только до внутреннего управления составных частей оного и не изменившее ни в чем отношения его к войскам, не обратило на себя особенного внимания публики, кроме установления генерал-аудиториата, которое единогласно было одобрено, представляя ручательство в беспристрастном и справедливом решении участи подвергающихся военному суду. Хотя назначение нового дежурного генерала и не было принято с удовольствием, так как он человек — не многими любимый, но за всем тем отдают ему справедливость, что со времени управления его дела идут успешнее. Равномерно отзываются и о комиссариатском департаменте, что действия оного, с назначением нового генерал-криге-комиссара, производятся несравненно правильнее и точнее прежнего.

О духе войска нашего излишне почти говорить, оно всегда славилось беспредельной преданностью к государю и ныне преисполнено тех же чувств. Хотя и доходили до высшего наблюдения сведения о некоторых жалобах и неудовольствиях между офицерами, но таковые нисколько не относятся собственно до лица государя. Так, например, в гвардии в минувшую осень довольно сильно роптали на изнурение учениями. В армии жалуются на грубое и неприличное обращение генералов с офицерами. Подобные жалобы происходят: в 6 корпусе на самого корпусного командира, который, как сказывают, даже и с генералами бывает груб; в корпусе генерал-адъютанта Гейсмара на командира 2-й Конно-егерской дивизии и в Гренадерском корпусе на командующего оным. Вообще заметно, что офицеры и даже солдаты, готовые во время военных походов переносить и самые неимоверные труды, с неудовольствием и даже с ропотом подвергаются исполнению тех мелочных требований, которые, конечно, в некоторой степени необходимы для благоустройства войска, но, по общему мнению военных, обременительны по многоразличности оных.

С.-петербургская полиция. — Все единогласно согласуются в том, что полиция здешняя столь ничтожна, что, можно сказать, она не существует. Она не пользуется вовсе ни малейшим уважением жителей, особенно со времени бывших в прошлом годе беспорядков, которые поставили ее в презрении даже и в понятиях самого простого класса народа. Жалобы на полицию, — и, должно сказать, жалобы правильные, — беспрерывны. Нет той скорости, той энергии и той деятельности, которые составляют необходимое условие полиции. Распоряжения ее медленны и неправильны, и следствия производятся с крайним пристрастием. Происходившие в нынешнем году значительные в столице пожары послужили поводом к многим упрекам насчет полиции, ибо жители, недовольные ею, готовы все ставить ей в вину. Военный генерал-губернатор — человек слабый, по

мнению общему, не имеет надлежащих качеств, необходимых в его звании. Он сам своим лицом ничего не делает; окружающие его неблагонамеренные люди и правитель его канцелярии, человек, не пользующийся хорошей репутацией, всем у него управляют. Несогласие, существующее между военным генерал-губернатором и обер-полицмейстером, немалую также составляют преграду к успешному ходу дел полиции. Насчет обер-полицмейстера отзываются как о человеке благородном и благомыслящем, но жалеют, что он совершенно вверился правителю своей канцелярии, на которого крепко жалуются. Вообще встречается надобность в совершенном преобразовании с.-петербургской полиции, ибо в настоящем ее составе она не представляет правительству никакой гарантии в случае могущих произойти значительных беспорядков, чему и был уже разительный пример.

Отчет о действиях чиновников корпуса жандармов за истекший 1832-й год [1]).

Волею вашего императорского величества и победоносным вашим оружием восстановленный порядок и спокойствие во всех пределах империи возвратило и чиновников всемилостивейше вверенного мне корпуса к тем мирным занятиям, которые при первоначальном учреждении оного были им предначертаны.

В прошедшем году, — впрочем, неизобильном отечественными событиями, — действия чиновников корпуса жандармов ограничились единственным стремлением к достижению той благотворной цели, которая распространяет благо общее и соответствует высоким видам и намерениям вашего императорского величества.

С благоговением повергая на высочайшее воззрение труды чиновников вверенного мне корпуса, я не осмеливаюсь утруждать ваше императорское величество подробным описанием всех действий корпуса жандармов, но изложу только главнейшие занятия оного, которые более заслуживают внимания.

Генерал-лейтенант Лесовский, возвратясь из действующей армии, и в звании окружного начальника своими действиями беспрерывно заслуживает отличного об нем отзыва.

Под руководством генерал-майора Полозова отбирались показания и составлялись списки о польских военнопленных штаб и обер-офицерах, собранных по высочайшему вашего императорского величества повелению в г. Вятке. 389 польских чиновников как военных, так и гражданских, доставлены были в сей город, и генерал-майор Полозов исполнил с усердием возложенное на него поручение.

По воле вашего императорского величества учрежден был в Ярославле, Костроме, Вологде и Перми секретный надзор за двенадцатью генералами и тремя штаб-офицерами мятежнической армии. Генерал-майор граф Апраксин, полковник Дейери Шубинский, подполковник Шварц, майор Гейкинг и капитаны Несмеянов и Маринич усердно исполнили сие поручение.

[1]) На подлиннике помета: «Государь изволил читать. 28 декабря 1832. Полковник Дубельт».

С таковым же усердием генерал-майор граф Апраксин имел наблюдение за делом, возникшим в семействе отставного генерал-майора Новицкого с невесткою его, урожденною Азаркевичевою, за увоз с собою сына ее.

Впоследствии основательным разысканием о степени справедливости поданного на высочайшее вашего императорского величества имя прошения переяславскими купцами Поповыми о несправедливом отторжении их от подряда для Московской комиссариатской комиссии, чрез что они, якобы, понесли потерю в 200 тысяч рублей, генерал сей открыл неосновательность домогательства купцов Поповых.

Ему же, графу Апраксину, предоставлено было вникнуть в супружеский раздор комиссионера Климовского, и дело сие прекращено взаимным супругов соглашением.

Донесение графа Апраксина поставило правительство в известность, что Юхновского уезда отставной офицер Марков из корыстолюбия посягнул на жизнь своего 70-летнего дяди и что сие преступление при следствии скрыто гражданскими чиновниками.

По всеподданнейшему о сем докладу ваше императорское величество повелеть соизволили произвести по сему предмету строжайшее исследование флигель-адъютанту полковнику графу Ивеличу и обнаружено, что донесение графа Апраксина было весьма основательно.

Полковник Языков открыл, что в Вильне между евреями существует откуп коробочного сбора с разных жизненных припасов, за неуплату коего забирается последнее имущество у бедных. Обстоятельство сие сообщено виленскому военному губернатору.

Он же, полковник Языков, и полковник Эйлер учредили сношение с прусскими полицейскими агентами и таким образом всегда имеют предварительные известия о переезжающих через нашу границу и проживающих около оной участниках в бывшем польском мятеже, назидают за ними и продолжают делать об них весьма основательные донесения.

Сверх того полковник Языков обращает самое бдительное внимание на переписку между бежавшими заграницу польскими мятежниками с жителями западных губерний.

С помощью подполковника Неклюдова полковник Маслов открыл в г. Самаре злоупотребление по важнейшей в тамошнем крае отрасли промышленности — пшенице. Маслов и Неклюдов обнаружили зло и виновных в оном. Дело сие сообщено министру внутренних дел.

По доносу канцеляриста Яковлева о злоупотреблении в Екатеринбурге и Горном Уральском управлении поручено было полковнику Маслову подробное разведывание о степени справедливости сего доноса. Полковник Маслов обнаружил зло, уже куплено золота на 500 рублей, доставленных мне от министра финансов, и дело сие преследуется таким образом, чтобы все виновные были обнаружены и злоупотребление искоренено.

Полковник Булыгин был употреблен на следствии по высочайшему вашего императорского величества повелению об убийцах священника Попова и двух его детей. Преступление было скрыто, но штаб-офицер сей обнаружил убийц, и дело сие передано вятскому гражданскому губернатору.

По возникшему Казанской губернии, Чистопольского уезда, между пахотными солдатами, или так называемыми малолетками, неповиновению к высочайшему указу насчет платежа податей и их устройства полковник Булыгин

оказал полезное содействие гражданскому губернатору и своими распоряжениями привел всех в повиновение.

Подобные же беспорядки обнаружились и в Симбирской губернии. Здесь прекратил оные подполковник Неклюдов и штабс-капитан Подгорный.

Полковник Марин, подвизавшийся в 1831 году, как храбрый офицер, между нарушителями общего спокойствия, — и в прошедшем не менее был полезен своей опытностью и усердием. Ему поручено было исследование, по просьбе жены фабриканта Хабацкого — Юлии Хабацкой, о притеснениях, которым подвержен муж ее продолжительным тюремным заключением в Вышнем Волочке за неуплату долгов. Полковник Марин открыл явное отступление вышневолоцкого начальства от справедливости, и по сему делу ожидается еще дополнительное донесение.

По высочайшему вашего императорского величества повелению поручено было полковнику Марину, купно с предводителем дворянства, строжайшее исследование о жестоких поступках помещика Костромской губернии отставного штабс-капитана Кологривова с дворовыми его людьми. Поручение сие исполнил он успешно и открыл, что Кологривов, действительно, обходится дурно с своими людьми. Дело сие получит ход, законами предписанный.

Ныне полковник Марин наблюдает за следствием, возникшим по доносу Бежецкого мещанина Попова о злоупотреблениях по Тверской губернии и неприличном поведении некоторых особ и, в особенности, о влиянии бежецкого купца Неворотнина на тамошнее начальство. С давнего времени обнаруженные злодеяния бежецкого купца Неворотнина, разорившего картежною игрою несколько дворянских семейств, и влияние, которое он имеет своими связями и богатством на гражданских чиновников, преследуемы были в полной мере полковником Шубинским; и ныне поручено полковнику Марину произвесть о сем строжайшее следствие, купно с командированным от гражданского губернатора чиновником.

Полковник Шубинский, своими достоинствами приобретший общее уважение в Ярославской губернии, с неменьшим усердием действует ныне в Москве и не раз уже, по болезни бывшего окружного начальника генерал-лейтенанта Волкова, исправлял его должность. По высочайшему вашего императорского величества повелению производил он следствие о жестоких поступках с крестьянами вышневолоцкого помещика генерал-майора Сназина. Дело сие получило законный ход.

По безымянному доносу о жестоких и неистовых поступках помещика Новгородской губернии Клеонина с его крестьянами, по высочайшему вашего императорского величества повелению, поручено было полковнику Григорову, обще с предводителем дворянства, произвести исследование. По оному оказалось, что донос был сделан ложно и без всякого основания, и в сем случае полковник Григоров оказал беспристрастие, которое всегда должно отличать жандармского чиновника. Штаб-офицеру сему втечение прошедшего года были делаемы и другие поручения, которые он всегда исполнял с усердием.

Полковник Панов успешно произвел следствие по принесенной вашему императорскому величеству жалобе рекрутом Бучковым о том, что во время сдачи его Владимирской губернии в городе Александрове убит отец его.

По всеподданнейшему прошению полковницы Вяткиной о вынутом из опекунского совета и растраченном ей принадлежащем капитале 50 тысяч рублей директором Ропшинской бумажной фабрики титулярным советником Бухмейе-

ром, поручено было полковнику Панову дознать истину. Штаб-офицер сей обнаружил, что Бухмейер действительно растратил упомянутый капитал, и делу сему дан законный ход.

Впоследствии времени поручено было полковнику Панову отвезти в Полтаву помещицу Валебникову и исследовать степень справедливости ее донесения о существующем, якобы, в Малороссии заговоре. Оказалось, что донос Валебниковой не заслуживает ни вероятия, ни внимания, и дело сие передано малороссийскому военному губернатору.

Там полковник Панов удостоился получить лично поручение от вашего императорского величества о узнании истинных причин бедности малороссийских казаков и накопившейся на них недоимки. Его действия по сему поручению сопровождались усердием и благоразумием, и основательное подробное донесение его по сему предмету было мною повержено на благоусмотрение вашего императорского величества и ныне передано мною министру финансов.

Полковник Коптев был употреблен к уничтожению неповиновения Воронежской губернии, Валуйского уезда, в вотчине графа Панина между 1357 душами крестьян, возмечтавших о вольности. Штаб-офицер сей благоразумными распоряжениями успел прекратить непокорность и возвратить вышедших из повиновения к своим законным обязанностям.

По жалобе Екатеринославской губернии ростовского помещика Чути о притеснении его тамошним предводителем дворянства Козалинским, поручено было полковнику Вуичу разведать истину и дознано, что беспорядки, существующие по уездным присутственным местам Ростова, служили главным поводом к жалобе помещика Чути, о чем сообщено министрам внутренних дел и юстиции.

Полковник Приклонский, втечение целого года движимый беспрерывным усердием к службе, между прочими своими полезными действиями открыл неправильность действия курского губернского правления во время продажи с публичного торга имения покойного помещика Анненкова, о чем и было сообщено министру внутренних дел.

Сей же штаб-офицер донес об отцеубийстве в Щигровском уезде, произведенном отставным поручиком Оловянниковым, и сие чрезвычайное происшествие было доводимо до высочайшего сведения вашего императорского величества. Дело сие передано в Комитет министров.

Полковник Кельчевский и капитан Алексеев в прошедшем году получили важное поручение объехать Сибирь. Штаб-офицер сей беспрерывно доставлял мне весьма основательные донесения о положении сего отдаленного края, о беспорядках и упущениях, там существующих, о мерах к их исправлению, о пользе, какая может быть почерпнута от некоторых перемен как по управлению, так и по торговле, и все сии сведения сообщал я г. г. министрам по принадлежности. Полковник Кельчевский возвратился, и я буду иметь счастие особенно представить вашему императорскому величеству общую картину его путешествия.

Возвратившийся из Сибири капитан Алексеев исполнил возложенное на него поручение самым удовлетворительным образом. Ему обязан я открытием следа уже прежде обнаруженной переписки между сосланными в Сибирь государственными преступниками, и вообще его действия заслуживают внимания.

По безымянному доносу о несправедливом распределении смоленским гражданам денег, всемилостивейше пожалованных на постройку, и о принятии смоленским губернатором Хмельницким от помещика Энгельгарда, участвующего

в откупе, в подарок табакерки ценою в 5 тысяч рублей, подполковник Ребиндер открыл, что губернатор, будучи восприемником от купели у главного откупщика помещика Энгельгарда, действительно, получил упомянутый подарок, и сведение сие, по высочайшему вашего императорского величества повелению, передано министру внутренних дел.

В 1831 году полковник Маслов открыл утайку в имениях Шепелева и Баташева солдатских детей, принадлежащих правительству. По сему открытию, по высочайшему вашего императорского величества повелению, учреждена следственная комиссия, в коей главным членом находится подполковник Волков. Комиссия сия от первоначального своего действия уже открыла значительное число людей, принадлежащих не помещикам, но правительству, и еще продолжает свои занятия.

Подполковник Ковальский открыл пристанодержательство беглых и делателя фальшивых пашпортов, по коим крепостные люди переходили в южные губернии. Преступник сей мещанин Курилов с его сообщниками преследуются законом.

Главнейшим занятием сего штаб-офицера в прошедшем году было действие его по следственному делу, учрежденному по высочайшему вашего императорского величества повелению, в Перми, по делу о пропавшем соляном приставе Гиле и о расхищении значительного количества казенной соли из оптовых магазинов. Комиссия сия окончена с желаемым успехом, и труды подполковника Ковальского по сему следствию заслуживают особенного внимания.

Подполковник Вепрейский много содействовал в обращении к повиновению Пензенской губернии крестьян помещика Голубцова, восставших против полиции и воинской команды.

Подполковник Неклюдов имел поручение преследовать и истреблять появившихся в некоторых уездах Симбирской губернии разбойников. Он и начальник симбирской жандармской команды штабс-капитан Подгорный с успехом и ревностью исполнили возложенное на них поручение, и все полученные по сему предмету сведения сообщены министру внутренних дел.

Подполковник Баранович со времени определения его в корпус жандармов обращает на себя особенное внимание, и главным полезным его действием в прошедшем году было успешное усмирение 2 600 душ крестьян Рязанской губернии, Зарайского уезда, принадлежащих генерал-лейтенанту Измайлову. С одной стороны, он, Баранович, восстановил порядок между возмутившимися, с другой же — уговорил их помещика Измайлова предоставить в их пользу 3 307 десятин земли, в которой они нуждались. Обстоятельство сие я имел счастье доводить до высочайшего сведения вашего императорского величества 1 августа прошедшего года.

В Мещовском уезде помещик подполковник Васильев столь жестоко обращался со своими людьми, что один из них скончался от побоев. Дело было скрыто местным начальством, но командированный туда, по высочайшему вашего императорского величества повелению, майор Певцов открыл истину, и сим открытием дан законный и правильный ход следственному делу. Майор Певцов, по высочайшему же вашего императорского величества повелению, ныне командирован Вятской губернии в Уржумский уезд для раскрытия справедливости по делу об убийстве священника Попова с двумя малолетними детьми.

Майор Быков был употреблен саратовским гражданским губернатором для усмирения крестьян, восставших против их помещика Карпова. Штаб-

офицер сей с успехом исполнил данное ему поручение и во время оного открыл, что побудительною причиною к неповиновению были жестокие с ними поступки помещика, у которого найдены разные орудия, им изобретенные для наказания людей. Обстоятельство сие высочайше повелено строго исследовать.

Штаб-офицеры вверенного мне корпуса также обращали внимание на бедные семейства, которые по своему убожеству заслуживали вспомоществования. По представлениям полковников Маслова и Дейера, подполковников Ребиндера и Шварца и майоров Локателли и Белоусова, неимущие семейства воспользовались щедротами вашего императорского величества.

В прошедшем году также обратили на себя особенное внимание усердием и трудами полковники: Вуич, Рутковский и Гофман, подполковники Драгневич, Валькевич и Шварц и майоры Лезнев, Горемыкин, Тиличеев, Михайловский и Новицкий.

Наконец, имею счастье присовокупить, что вообще все штаб-офицеры всемилостивейше вверенного мне корпуса беспрерывно доставляли мне известия, более или менее внимания заслуживающие; открывали злоупотребления и сообщали мне об оных, которые мною были передаваемы по принадлежности гг. министрам, военным и гражданским губернаторам и различным лицам, от коих прекращение сих злоупотреблений зависело.

Генерал-адъютант граф Бенкендорф[1]).

---

[1]) Далее следуют: 1) «Отчет корпуса жандармов за 1832 год», содержащий краткие «ведомости» «о состоянии разных воинских чинов к 1-му генваря 1833 г.» и «сколько поступило дел втечение 1832 года»; 2) «Записка о действиях жандармских нижних чинов впродолжение 1832-го года». На них Николаем I поставлены карандашом знаки рассмотрения; рукой полк. Дубельта сделаны пометы: «Государь изволил читать».

Показания Ф. М. Достоевского по делу петрашевцев.

Окончание [1]).

Кроме указанных вам разговоров, происходивших на собраниях у Петрашевского, не было ли там говорено еще чего-нибудь особенного в отношении правительства и кто именно говорил?

— Я не упомню ни одного из разговоров, особенно замечательных, кроме тех, на которые имел честь дать объяснения и которые заняли прошедшей зимой почти все пятницы Петрашевского, начиная с октября месяца. — Впрочем, говорю только за те вечера, на которых я сам лично присутствовал. Речь Тимковского занимала два или три вечера (я был на двух); Ястржембский говорил вечеров пять (я был раза три) [2]). Наконец я знаю по слухам, что говорили Толь, Филиппов, и еще был спор о чиновниках. Потом я был лично на двух вечерах, на которых толковалось о литературе. Потом, когда говорилось о вопросах крестьянском, цензурном и судебном. В эти два раза я тоже присутствовал [3]), — и вот все речи и разговоры, которые я знаю, кроме не политических и не серьезных: так, например, было несколько слов, сказанных Момбелли о вреде карт и о растлении нравов из-за игр. По его идее, карты, доставляя ложное и обманчивое занятие уму, отвлекают его от истинных потребностей, от образования и полезных занятий.

У Петрашевского не всегда говорились (как уже назвали их) р е ч и; слово давалось, по б о л ь ш е й ч а с т и, тем, которые говорили против убеждений большинства присутствующих, для того чтобы не всякий из несогласных возражал в одно время и тем не затягивал и не сбивал напрасно разговора. Но, большею частью, особенно после речей, тотчас же разбивались на кучки, и разговор шел перекрестный, о котором упомнить нельзя, да и уловить всего было невозможно. Очень многое из того, что предлагалось мне для ответа, повидимому, было сказано во время этих шумных, отдельных разго-

[1]) См. «Красный архив», т. XLV, стр. 130—146.

[2]) Вся фраза подчеркнута карандашом.

[3]) Фраза подчеркнута карандашом.

воров. Но да позволят мне сказать в о о б щ е несколько слов об этих речах и разговорах.

Так как говорить речей у нас никто не привык и не умеет, то обычай говорить речь, введенный на вечерах Петрашевского единственно во избежание излишнего шума, смущал говоривших своею новостью и непривычкою. И я заметил неоднократно, что часто говорящий, чтоб ободрить себя, как бы нарочно прибегал к некоторым уловкам, которые и не в характере и не в привычках его. Одна из таких уловок есть острое словцо, слово для смеха, слово пасквильное, насмешка, резкая выходка. Раздающийся кругом смех уже ободряет говорящего; он, по естественному чувству, увлекается, удваивает резкость, заговаривается, впадает в ложную горячность, в негодование, даже в озлобление, которых нет в его душе, потому что, как мне было известно, часто говоривший бывал из самых незлобивых и смирных людей. Тут и тщеславие явится на подмогу и разжигает говорящего, и желание угодить всем и каждому, заставляющее иногда для вида согласиться с чужою идеей, которой вовсе не разделяет ораторствующий, но соглашается в надежде, что зато не тронут и его какой-нибудь задушевной идеи. Наконец, самолюбие, разжигающее человека и заставляющее его по нескольку раз требовать слова и нетерпением ожидать следующего вечера, чтобы опровергнуть своих возражателей, — одним словом, для многих (для очень многих, по моему искреннему убеждению) эти вечера, эти речи, эти разговоры были настолько же серьезным занятием, насколько серьезны карты, шахматная игра и т. п., в свою очередь, неотразимо увлекающие человека, действуя точно таким же образом на те же страсти и страстишки его. Очень многие, по моему мнению, самих себя обманывали и опутовали в этой игре у Петрашевского, принимая игру за серьезное дело.

Также точно разговоры в кучках. Все, что накопится недосказанного, что накипит в уме в противоречиях на иную длинную речь, которую должно выслушать, не возражая ни слова, все это изливается разом по окончании речи тем с большею силою, чем длиннее была речь, чем больше согласных с нею и чем больше явилось собственных противоречий. В это время трудно удержаться от резкого слова, от иной мысли, до того неосторожной, до того не в обыкновенном, нормальном характере того, кто высказывает ее, что наверно высказавший на завтра же или, может быть, тут же, через час, отказался бы от нее, спохватившись, но поздно. К тому же вечера Петрашевского слыли всегда за приятельские, за кружок знакомых, а вовсе не были клубом или нарочно устроенным политическим сборищем [1]).

[1]) «Политическим сборищем» подчеркнуто карандашом.

Я говорю это утвердительно, рассуждая так: если бы (говоря в виде предположения) и был кто-нибудь, желающий участвовать в политическом собрании, в тайном обществе, в клубе, то, наверное, он не принял бы за тайное общество вечеров Петрашевского, где была одна только болтовня, иногда резкая, оттого, что хозяин ручался, что она приятельская, с е м е й н а я, и где, вместо всего регламента и всех гарантий, был только один колокольчик [1]), в который звонили, чтобы потребовать кому-нибудь слова. Но уже по одному тому, что эти вечера были п р и я т е л ь с к и е, с е м е й н ы е, если можно так выразиться, уже по одному этому не остерегались иные и говорили неосторожно; говорили так, как бы они не стали говорить публично. Кто не будет виноват, если судить всякого за сокровеннейшие мысли его или даже за то, что сказано в кружке близком, тесном, приятельском, чуть не наедине? Но семейный и публичный человек — лица разные.

Я был серьезно удивлен, когда мне на первом же допросе представлена была от высочайше утвержденной комиссии фраза, сказанная Дуровым, для подания на нее объяснений, — смысл которой был тот, «что нужно посредством литературы показывать чиновникам самый корень зла, или иначе — высшее начальство». Я лично знаю Дурова. Я очень хорошо помню, что он горячо поддерживал меня во время двукратного моего спора у Петрашевского о литературе, спора, в котором я доказывал, что литературе не нужно никакого направления кроме чисто-художественного, следовательно, и подавно не нужно такого, по которому выказывается, как сказано в обвинении, в словах, приписываемых Дурову — к о р е н ь з л а (не нужно же потому, что навязывается писателю направление, стесняющее его свободу, и вдобавок направление жолчное, ругательное, от которого гибнет художественность), с чем Петрашевский совершенно согласился. Оказалось, что мы спорили из-за недоразумения. Свидетели — все гости Петрашевского.

В тот вечер, в который происходил разговор о чиновниках, меня не было у Петрашевского, как уже я имел честь донести. О споре слышал я на другой или на третий день (хорошо не помню когда) вскользь; слов Дурова не знаю. Но, зная его образ мыслей [2]), я уверен,

---

[1]) «Колокольчик» — подчеркнуто карандашом. Этому колокольчику придавалось большое значение: «Замечательно», писал Антонелли, «что во время собраний у П. на столе находится колокольчик, и если кто-либо хочет говорить, то начинают звонить и звонят до тех пор, пока все не утихнут, так что наконец, можно слышать оратора». «Полный процесс устроенных западных клубов», восклицал комментатор из III отделения (то же дело, ч. 2, л. 174).

[2]) «Зная его образ мыслей» подчеркнуто карандашом.

что слова эти или не поняты передавшим их или сказаны в припадке, в досаде от противоречий, в горячке, — я знаю Дурова как за самого незлобивого человека; но, вместе с тем, он болезненно раздражителен, раздражителен до припадков, горяч, не удерживается на слова, забывается и даже из противоречия говорит иногда против себя, против своих задушевных убеждений, когда раздражен на кого-нибудь. Близкие Дурова: Щенков и Пальм еще лучше меня знают его несчастный характер, и я уверен, что и они скажут со мной одно слово, одно мнение о Дурове. Что случалось с Дуровым, то могло быть в бо́льшей или меньшей силе со всеми.

Представляю эти наблюдения и замечания мои по долгу справедливости, по естественному чувству, убежденный, что я не в праве скрыть их теперь, при этом ответе моем.

Федор Достоевский.

Объясните, что и в каком духе читал Тимковский на собрании у Петрашевского.

— Тимковский бывал у Петрашевского в начале зимы, всего на четырех или пяти вечерах. Это, как показалось мне, один из тех исключительных умов, которые, если принимают какую-нибудь идею, то принимают ее так, что она первенствует над всеми другими, в ущерб другим. Его поразила только одна изящная сторона системы Фурье, и он не заметил других сторон, которые бы могли охладить его излишнее увлечение к Фурье. Кроме того, он недавно только ознакомился с его системой [1]) и еще не успел переработать ее собственной критикой. Это по всему было видно. А известно, какое обаяние делает система Фурье с первого раза. Во всех других отношениях Тимковский показался мне совершенно консерватором и вовсе не вольнодумцем. Он религиозен и в идеях самодержавия [2]). Известно что система Фурье не отрицает самодержавного образа правления. Что же касается до личного характера Тимковского, мимо политических убеждений, то я могу сказать одно: он показался мне очень самолюбивым.

Сколько я могу припомнить за отдаленностью срока, речь его заключалась в следующем.

Во-первых, он благодарил всех за то, что его хорошо приняли, хотя три четверти лиц, бывших в то время в зале, едва знали его по фамилии, т. е. вступление было сделано немного напыщенно, да и вся речь мне показалась в том же духе [3]). Потом он объявлял, что скоро уезжает из Петербурга и уносит в душе утешение, что его поняли.

[1]) Фраза подчеркнута карандашом.
[2]) Фраза подчеркнута карандашом.
[3]) Фраза отчеркнута карандашом.

Затем он говорил о Фурье с большим уважением, помнится, коснулся многих выгод его системы и желал ее успеха [1]). Впрочем Тимковский постигнул невозможность немедленного применения системы. Потом увещевал быть согласными в идеях, кто бы какой социальной системы ни держался, оговариваясь тут же, что он зовет не на бунт и не желает тайного общества; наконец, просил изъявить ему симпатию нашу, если он заслужил ее пожатием руки [2]). Речь была написана горячо; видно, что Тимковский работал над слогом и старался угодить на все вкусы [3]). Но направление Тимковского, по моему мнению, несерьезно. Несмотря на свои лета он — еще в первом периоде своего фурьеризма, который случайно попал на его дорогу в глуши провинциальной жизни [4]). Недостаток внешней жизни, избыток внутреннего жара, врожденное чувство изящного, требовавшее пищи, и, главное, недостаток прочного, серьезного образования — вот, по моему мнению, что сделало его фурьеристом. В его же летах все принимается несколько глубже, чем в первой молодости. На мой взгляд, он может отказаться от многих из своих фурьеристических убеждений, так что от системы Фурье ему останется только то, что в ней есть полезного. Ибо ум его, жаждущий познаний, беспрерывно требует пищи, а образование — самое лучшее лекарство против всех заблуждений. — Вот мой собственный взгляд на Тимковского.

Что же касается до впечатления, произведенного им у Петрашевского, то, как показалось мне, оно было очень двумысленно. Некоторые смотрели на Тимковского с насмешливым любопытством; некоторые скептически не верили его искренности. Некоторые принимали его за истинный, дагеротипно-верный снимок с Дон-Кихота и, может быть, не ошибались. Впрочем все обошлись с ним весьма учтиво и приветливо.

Федор Достоевский.

Бывали ли вы на собраниях у Спешнева, Кашкина, Кузьмина, Дурова, Данилевского и не было ли подобных собраний у других лиц?

— Со Спешневым я был знаком лично, езжал к нему, но на собраниях у него не бывал и почти в каждый приезд мой к нему я заставал его одного.

С г. г. Кашкиным и Кузьминым я совсем не знаком.

Данилевского я встречал прошлого года раза два или три, в разных домах. Был с ним знаком отдаленно; но на вечерах у него не бывал;

---

[1]) Фраза подчеркнута и отмечена нотабене.
[2]) Фраза подчеркнута карандашом.
[3]) Фраза подчеркнута карандашом.
[4]) Тимковский долго служил в Ревеле.

сверх того, с мая месяца 1848 года я его совсем не видал, кроме одной минуты после его возвращения, да и то не успел с ним связать двух слов.

На вечерах Дурова я бывал. Знакомство мое с Дуровым и Пальмом началось с прошедшей зимы. Нас сблизило сходство мыслей и вкусов; оба они, Дуров и особенно Пальм, произвели на меня самое приятное впечатление. Не имея большого круга знакомых, я дорожил этим новым знакомством и не хотел терять его. Кружок знакомых Дурова чисто артистический и литературный. Скоро мы, т. е. я, брат мой, Дуров, Пальм и Плещеев согласились издать в свет литературный сборник и поэтому стали видеться чаще. Брат написал проект издания; начались рассуждения о редакции издания. Так как редакцию мы хотели составлять сами все, сообща, и решать о достоинстве романов и повестей, назначенных для печати, должны были мы же, то естественно родилась в нас потребность взаимного обобщения наших литературных идей и окончательного согласия в некоторых пунктах касательно издания, в которых мы все еще не соглашались [1]). Сходились же мы всего чаще на квартиру Дурова, где нам было всего удобнее, ибо каждый из нас был стеснен у себя дома, — брат семейством, я и Плещеев теснотою квартиры, а следовательно и не могли принимать гостей в свою очередь. Скоро наши сходки обратились в литературные вечера, к которым примешивалась и музыка. Дуров приглашал самых близких из своих знакомых, мы ввели к Дурову своих; наконец эти сходки стали повторяться каждую неделю, и всего чаще бывали они в субботу. Впрочем дней постоянных не было.

Вечера эти пребывали чисто литературно-музыкальными, приятельскими, короткими, потому что все мы уже успели перезнакомиться довольно коротко, — и все это продолжалось в таком виде до тех пор, покамест одно печатное предложение не изменило на мгновение характера этих сходок. Возникла мысль, что наши сходки бесплодны даже для нас самих; что многие из нас специальнее других в некоторых назначениях и науках; что у каждого свой ум, свой взгляд, свои наблюдения — и если мы будем делиться друг с другом нашими наблюдениями и познаниями, то для всех будет польза и выгода. Эта мысль могла бы найти сочувствие, но Филиппов, первый ее выразивший, примешал к ней другое предложение, совершенно изменившее её характер и набросившее весьма неприятную тень на наши сходки: именно, ему вздумалось предложить литографировать сочинения, которые бы могли быть сделаны кем-нибудь из нашего кружка, мимо цензуры [2]).

---

[1]) Сборник этот в свет не появился. — (Прим. в подлиннике.)

[2]) Вся фраза подчеркнута красным карандашом.

Кто еще посещал эти собрания и чем там занимались? [1])

— Я познакомился с Филипповым прошедшего лета на даче в Парголове. Он еще очень молодой человек, горячий и чрезвычайно неопытный; готов на первое сумасбродство и одумается только тогда, когда уже беды наделает. Но в нем много очень хороших качеств, за которые я его полюбил; именно — честность, изящная вежливость, правдивость, неустрашимость и прямодушие. Кроме того, я заметил в нем еще одно превосходное качество: он слушается чужих советов, чьи бы они ни были, если только сознает их справедливость, и тотчас же готов сознаться в своей ошибке и раскаяться в ней, если в том убедят его. Но горячий темперамент его и, сверх того, ранняя молодость часто опережают в нем рассудок; да и кроме того есть в нем и еще одно несчастное качество — это самолюбие или, лучше, с л а в о л ю б и е, доходящее в нем до странности. Он иногда ведет себя так, как будто думает, что все в мире подозревают его храбрость, и я думаю, что он решился бы соскочить с Исакиевского собора, если бы случился кто-нибудь подле, чьим мнением он бы дорожил и который стал бы сомневаться в том, что он не бросится вниз, а струсит.

Я говорю это по факту. Я боялся холеры в первые дни ее появления. Ничего не могло быть приятнее для Филиппова, как показывать мне каждый день и час, что он нимало не боится холеры. Единственно для того, чтобы удивить меня, он не остерегался в пище, ел зелень, пил молоко, и однажды, когда я, из любопытства, что будет, указал ему на ветку рябиновых ягод, совершенно зеленых, только что вышедших из цвета, и сказал, что если б съесть эти ягоды, то, по-моему, холера придет через пять минут, Филиппов сорвал всю кисть и съел половину в глазах моих, прежде чем я успел остановить его. Эта детская безрассудная страсть, достойная сожаления, — к несчастью, главная черта его характера. Из того же самолюбия он чрезвычайный спорщик и любить спорить обо всем, хотя бы того, о чем спорит, он никогда не знал. Несмотря на то, что он образован и вдобавок специалист по физико-математическим предметам, у него мало серьезно выработанных убеждений, за недостатком действительной жизни. Взамен его молодость щедро наделена всякими увлечениями, нередко самыми разнородными и даже противоречащими друг другу. Вот каковым кажется мне характер Филиппова.

Почти все приняли его предложение весьма дурно [2]). Все чувствовали, что зашли далеко и ждали, как каждый выскажется. Не знаю, может быть, я ошибся, но мне показалось, что половина присутствую-

[1]) Вопрос был заготовлен, видимо, одновременно с предыдущими на особом листе; Достоевский дал общее показание на оба вопроса.

[2]) Фраза подчеркнута карандашом.

щих только от того тут же не высказали противного Филиппову мнения, что боялись, что другая половина заподозрит их в трусости, и хотели отвергнуть предложение не прямо, а как-нибудь косвенным образом [1]). К тому же, хотя все были довольно коротки друг с другом, однако прежние знакомые Дурова и Пальма знали новых знакомых, то есть нас, еще очень недавно и не совсем доверяли нам. Я забыл сказать, что самые короткие и старые знакомые Дурова и Пальма — Щенков, братья Ламанские и Кошевский. Филиппов же был введен мною; я же пригласил и Спешнева [2]). Впрочем и Филиппов и Спешнев были уже довольно знакомы с Дуровым и Пальмом, сходясь иногда у Петрашевского. Начались толки; всякий представлял неудобство [3]), многие сидели и молчали, другие говорили, больше всех Момбелли и Филиппов, но не помню, поддерживал ли Момбелли Филиппова. Мало-помалу приятельский тон нашего кружка расстроился. Дуров ходил по комнате и начинал хандрить; я уже замечал скорый припадок. Кошевский и Щенков, в полне равнодушные ко всему, что выходит из их аристократического круга, чтобы замять дело, сели за свои инструменты. Некоторые уехали ранее, тотчас после ужина. Наконец, досада Дурова на Филиппова излилась в припадке. Он завел его в другую комнату, придрался к какому-то слову его и наговорил ему дерзостей. Филиппов вел себя благоразумно, понял, в чем дело, и не отвечал запальчиво. Я уехал в тот вечер раньше обыкновенного.

На другой день брат объявил мне, что он не будет ходить к Дурову, если Филиппов не возьмет назад своего предложения [4]); то же самое, помнится, он объявил и Филиппову, встретив его, кажется, дня через два. По наблюдениям моим, я заметил, что многие поступили бы также, как и мой брат. По крайней мере, я положительно знаю, что Дуров хотел уничтожить свои вечера как можно скорее. Наконец, когда собрались в другой раз, я попросил, чтоб меня выслушали, и отговорил всех, стараясь действовать в моей речи легкой [5]) насмешкой, но по возможности щадя щекотливость каждого. Мне удалось, и, как мне показалось, все как будто ждали этого, и тотчас же предложение Филиппова было откинуто. После того собрались всего только один раз. Это было уже после святой недели. В это время я был очень занят у себя дома литературной работой моей, виделся с очень немно-

---

[1]) Фраза подчеркнута.

[2]) Фраза подчеркнута.

[3]) Фраза подчеркнута.

[4]) Фраза отчеркнута.

[5]) Впрочем речей у Дурова не говорилось. Я сказал первую и последнюю— и всего была одна. — (Прим. в подлиннике.)

гими из моих знакомых, да и то мельком, но знаю, что по болезни Пальма вечера совсем прекратились. Вот все, что я имею сказать о собраниях у Дурова.

Федор Достоевский.

Вы были на обеде у Спешнева. Объясните, что происходило замечательного за этим обедом?

— На обеде у Спешнева были толки о предложении Филиппова. Впрочем утро было самое скучное и вялое, потому что между Спешневым и Дуровым, как мне показалось, были недоразумения. Эти недоразумения, сколько я знаю, возникли из-за предложения Филиппова. Дуров, рассерженный на Филиппова, поссорился с Момбелли и объявил, что он не хочет делать вечеров, говоря, что зачем же другие не делают. Момбелли предложил собраться у Спешнева. И Спешневу навязали сделать утро. Дуров сказал это, желая во что бы то ни стало кончить с предложением Филиппова, и придрался хоть к чему-нибудь. Спешнев решительно объявил некоторым, что ему навязали этот обед и что ему неудобно звать в другой раз. Толковали и ничего не решили. Григорьев же прочел «Солдатскую сказку», но, кто автор ее, сказано не было, и я не знал, хотя и подозревал [1]). Впрочем, я не любопытствовал знать. Впечатление было очень слабое, потому что все были под различными влияниями, и почти все не хотели подобных чтений. После обеда разошлись тотчас же.

В первом показании моем я умолчал об этом обеде, во-первых, потому, что это было продолжением того же спора, во-вторых, чтобы не обнаруживать неприятной ссоры Момбелли и Дурова. Я не показал тоже на Григорьева, потому что, действительно, наверно не знал, кто автор «Солдатской сказки».

Федор Достоевский.

Известно, что на вечерах у Дурова читали: Милюков — перевод свой из «Paroles d'un croyen», вы — переписку Белинского с Гоголем, а Григорьев — «Солдатскую беседу». Имеете дать об этом объяснение.

— Милюков, действительно, читал свой перевод. Еще прежде он как-то сказал, что у него он есть; и его просили принести прочесть из любопытства.

Которого числа и месяца, не помню (кажется, в марте), я зашел к Дурову, в третьем часу пополудни, и нашел присланную мне переписку Белинского с Гоголем. Я тут же прочел ее Дурову и Пальму [2]).

---

[1]) Подчеркнуто красным и все место отчеркнуто. Подлинное заглавие: «Солдатская беседа. Рассказ покойного Ивана Никитина Кремнева. Посвящается дорогим товарищам». (Дело, ч. 10, л. 5—10).

[2]) Фраза подчеркнута красным карандашом.

Меня пригласили остаться обедать. Я остался. В шестом часу заехал Петрашевский и просидел четверть часа. Он спросил: «Что это за тетрадь?». Я сказал, что это переписка Белинского с Гоголем, и обещал, неосторожным образом, прочесть ее у него. Это сделал я под влиянием первого впечатления. Тут, по уходе Петрашевского, пришли еще кто-то, и я остался пить чай. Естественно зашел разговор о статье Белинского, и я прочел ее в другой раз [1]). Но слушающих, кроме Дурова и Пальма, было не более шести человек; только и было гостей. Помню, что были: Момбелли, Львов, братья Ламанские — кто еще, позабыл. Все это сделалось в первый же день получения статьи, когда еще я был под влиянием первого впечатления. О статье Григорьева «Солдатская беседа» я уже дал объяснение, что она была прочитана, но не у Дурова и не на вечере, а на обеде у Спешнева. Чтение началось так нечаянно (то-есть без предварительных объяснений), что я даже не знал, кто автор и что такое читается. Об этой статье я с Григорьевым не говорил никогда. Впечатление было ничтожное. Может быть, кто-нибудь из бывших возле Григорьева сказал несколько одобрительных слов, но разве только из учтивости, но я этого не заметил, сидя всех далее во время чтения.

Федор Достоевский.

На тех же вечерах Момбелли сделал предложение о тесном сближении между посетителями, дабы под влиянием друг друга тверже укрепиться в направлении и успешнее поддерживать свои идеи в общественном мнении. Сделайте об этом объяснение.

— Это было еще в самом начале вечеров у Дурова, кажется, даже в первый вечер. Момбелли, действительно, начал говорить что-то подобное, но всех его слов не упомню. Но помню, что он не докончил, потому что его прервали на половине и занялись музыкой. Момбелли засмеялся, не обиделся за невнимание, согласился тут же, что он начал говорить некстати, и о словах его уже никогда более не было помину, и общество надолго осталось чисто литературно-музыкальным.

Федор Достоевский.

На тех же вечерах студент Филиппов предлагал заняться общими силами разрабатыванием статей в либеральном духе, относящихся к вопросам, которые касаются до современного состояния России в юридическом и административном отношении, и печатать их в домашней типографии. Имеете дать об этом объяснение.

— Не студент, а бывший студентом Павел Филиппов. Что же касается до студента Филиппова, его брата, то он ни с Дуровым, ни с

[1]) Подчеркнуто красным карандашом.

Петрашевским и, кажется, ни с кем из нас не был знаком; я его знал потому, что видал раза три, когда заходил к его брату, Павлу Филиппову.

Павел Филиппов сделал такое предложение. Но в вопросе сказано о домашней типографии. О печатании никогда и ничего я не слыхал у Дурова, да и нигде. Об этом и помину не было. Филиппов же предложил литографию. Это мне совершенно памятно.

Я уже дал объяснение об этом предложении в одном из предыдущих вопросов. Это предложение сделано было вдруг, то-есть в обществе, которое было чисто литературно-музыкальным, и с первого раза оно завлекло многих, как новость. Впрочем, я не помню, чтоб Филиппов произнес слово: в либеральном духе, а просто приглашал заняться разработкой статей о России. Некоторые одобряли это предложение в начале, чисто из любознательности, но остановились, когда дело дошло до литографии. Тут большая половина, а, может быть, и все (ибо неизвестно, что каждый думает про себя) не захотели этого предложения. Но толки об этом предложении продолжались еще два собрания (из которых одно было на обеде у Спешнева). Эти толки тянулись через силу, ибо всем, видимо, хотелось отстать. Но, наконец, оно было отвергнуто, и тогда все объявили себя против него. Каким образом было отвергнуто, я уже имел честь дать объяснение в одном из предыдущих вопросов.

Федор Достоевский.

Я припомнил, что вначале, когда еще не было вечеров у Дурова, когда они были только в проекте, и только рассуждалось об их установлении, я и Дуров, как первые согласившиеся на эти вечера, имели случай неоднократно повторять, что вечера устанавливаются чисто литературно-музыкальною целью и что другой какой цели, тайной, подразумеваемой, не было, нет и не будет.

Приглашались в это собрание другие открыто, прямо, безо всякого соблазна; никто не был завлечен приманкой посторонней цели, и всякому сказано было (и не один раз даже), что общество чисто литературно-музыкальное и только литературно-музыкальное.

Федор Достоевский.

На тех же вечерах говорено было, что учители в учебных заведениях должны стараться читать сколько возможно в либеральном духе. — Сделайте об этом объяснение.

— Этого совсем не припомню.

Федор Достоевский.

Если вам что-либо известно в отношении к злоумышлению, которое бы существовало и вне означенных собраний, то обязываетесь все то показать с полной откровенностью.

— Ни о чем подобном не знаю.

Федор Достоевский.

Что вы знаете об учителе Белецком?

— Об учителе Белецком я ничего не знаю.

Федор Достоевский.

Объясните, с которых пор и по какому случаю проявилось в вас либеральное или социальное направление.

— Со всей искренностью говорю еще однажды, что весь либерализм мой состоял в желании всего лучшего моему отечеству, в желании безостановочного движения его к усовершенствованию. Это желание началось с тех пор, как я стал понимать себя, росло во мне все более и более, но никогда не переходило за черту невозможного. Я всегда верил в правительство и самодержавие. Не осмелюсь сказать, что я никогда не заблуждался в желаниях моих, т. е. что все они были правильны. Может быть, я и очень ошибался в моих желаниях усовершенствования и общей пользы, так что исполнение их послужило бы ко всеобщему вреду, а не к пользе [1]). Но я совестливо смотрел за собой и очень часто поправлял свое мнение. Может быть, мне удавалось иногда выражать это мнение с излишней горячностью или даже горечью, но это было минутами. Злобы и желчи во мне никогда не было. К тому же мною всегда руководила самая искренняя любовь к отечеству, которая подсказывала мне добрый путь и (я верю в то) оберегала меня от пагубных заблуждений.

Я желал многих улучшений и перемен. Я сетовал о многих злоупотреблениях. Но вся основа моей политической мысли была ожидать этих перемен от самодержавия. Все, чего хотел я, это — чтоб не был заглушен ничей голос и чтобы выслушана была по возможности всякая нужда. Я знаю, что законы охраняют всех и каждого; верую в то, но есть злоупотребления, и, к несчастию, их много. И поэтому я изучал и обдумывал сам и любил слушать разговор, в котором бы знающие более меня говорили о возможности некоторых перемен и улучшений. Но во мне, повторяю, никогда желания лучшего не превышали возможного.

Что же касается до социального направления, то я никогда и не был социалистом, хотя любил и читать и изучать социальные воп-

[1]) Эта фраза подчеркнута, отчеркнута на полях и отмечена знаком вопроса.

росы. Во-первых, социализм есть та же политическая экономия, но в другой форме. А политико-экономические вопросы я люблю изучать. К тому же я страстно люблю исторические науки. Вот почему я с большим любопытством следил за переворотами западными. Вся эта ужасная драма сильно занимала меня, во-первых, как драма, во-вторых, как важный факт, по крайней мере, могущий возбудить любопытство. В-третьих, как история, в-четвертых, во имя человеколюбия, ибо настоящее положение Запада крайне бедственное. Я говорил иногда о политических вопросах, но редко вслух, почти никогда. Я допускал историческую необходимость настоящего переворота на Западе, но только в ожидании лучшего. Социализм предлагает тысячи мер к устройству общественному и, так как все эти книги писаны умно, горячо и нередко с неподдельной любовью к человечеству, то я с любопытством читал их. Но именно оттого, что я не принадлежу ни к какой социальной системе, а изучал социализм вообще во всех системах его, именно потому я (хотя мои познания далеко не окончательные) вижу ошибки каждой социальной системы. Я уверен, что применение хотя которой-нибудь из них поведет за собою неминуемую гибель, я уже не говорю у нас, но даже во Франции. Это мнение было не раз выражаемо мною. Наконец, вот вывод, на котором я остановился. Социализм — это наука в брожении, это хаос, это алхимия прежде химии, астрология прежде астрономии, хотя, как мне кажется, из теперешнего хаоса выработается впоследствии что-нибудь стройное, благоразумное и благодетельное для общественной пользы, точно также, как из алхимии выработалась химия, а из астрологии — астрономия.

Федор Достоевский.

Во всех сих ответах моих на предложенные мне вопросные пункты написал я сущую истину и ничего более прибавить не имею, в чем и подписуюсь.

Отставной инженер-поручик Достоевский.

Объясните, когда и каким образом вы познакомились с Черносвитовым.

— Я встретил Черносвитова в первый раз у Петрашевского, никогда не видав его прежде, и видел его не более двух раз.

Федор Достоевский.

Известно, что Черносвитов на одном собрании у Петрашевского старался внушить мысль, что либерализм и социализм одно и то же.

О содержании и направлении этого разговора имеете сделать положительное объяснение.

— Разговор о тождественности либерализма и социализма и мнения Черносвитова не расслышал.

Федор Достоевский.

Известно, что на том же собрании у Петрашевского Черносвитов в разговорах своих старался всех вызвать на резкость, и, действительно, разговор в этот вечер был резче, чем когда-либо, причем и Львов рецитировал какую-то басню. Имеете дать положительное о сем объяснение.

— Вызова на резкость я не заметил, но говорил он бойко, остро и часто словами своими порождал смех. О рассказанной басне действительно припоминаю.

Федор Достоевский.

Известно, что на том же собрании Черносвитов между прочим говорил: «Да, вот, г. г., беда нам русским, к палке-то мы очень привыкли — она нам нипочем», на возражение же Спешнева, что палка о двух концах, Черносвитов сказал: «Да другого-то конца мы сыскать не умеем». — Имеете сделать и по этому предмету положительное объяснение.

— Не слыхал.

Ф. Достоевский.

В том же собрании Черносвитов говорил, что Восточная Сибирь есть отдельная страна от России и что ей суждено быть отдельною империею, причем звал всех в Сибирь, говоря: «А знаете что, господа, поедемте все в Сибирь — славная страна, славные люди». Объясните о подробностях и целях этого разговора.

— Слова эти припоминаю, но только не помню, чтобы Черносвитов давал им подобный смысл. Он говорил, что Восточный край Сибири, действительно, страна, как бы отдельная от России, но, сколько я припомню, в смысле климатическом и по особенной оригинальности жителей. Такого же резкого суждения, что Сибири суждено быть отдельною империей, я решительно не слыхал от Черносвитова, и такого смысла в словах его, по моему мнению, не заключалось.

Федор Достоевский.

Причем на словесный спрос об рассказе Черносвитова про оригинальность жителей отвечаю, что слышал, как он рассказал свой разговор с каким-то, помнится, рабочим про Китай, куда, по мнению рабочего, можно прелегко забраться.

Федор Достоевский.

Говоря про Черносвитова на дороге с Спешневым, вы сказали: «Чорт знает, этот человек говорит по-русски, точно как Гоголь пишет». После сего, подойдя ближе в Спешневу, вы сказали: «Мне кажется, что Черносвитов просто шпион». Объясните, какие разговоры Черносвитова внушили вам мысль, что он шпион.

— Не особенное что-нибудь из разговора Черносвитова, но все в разговоре Черносвитова внушило мне эту, — впрочем, мгновенную, — мысль. Мне показалось, что в его разговоре есть что-то увертливое, как-будто, как говорится, с е б е н а у м е. Видев Черносвитова после того всего один раз, я даже позабыл и мое замечание теперь, когда позван был отвечать на вопрос.

Ф е д о р Д о с т о е в с к и й.

В бумагах ваших найдена записка от Белинского, заключающая в себе приглашение вас в собрание у одного лица, с которым вы еще не были знакомы. Объясните, какое это собрание, были ли вы на оном и сколько именно раз.

— О записке Белинского решительно ничего не могу припомнить, не знаю, какого она содержания, и теперь только в первый раз узнаю, что у меня была записка от Белинского. Но этими словами я вовсе не хочу отречься от моего знакомства с Белинским. Я был с ним знаком в первый год знакомства довольно коротко, во второй год очень отдаленно, а в третий год был с ним в ссоре и не видался с ним ни разу.

Если записка эта пригласительная, то, вероятно, она была написана еще в первые дни нашего знакомства [1]), и если он куда-нибудь приглашал меня, то просто в гости, а не в собрание. Круг знакомства Белинского, сколько я знаю, был очень тесен и ограничивался литературным кружком. В собрания большие он не ходил и терпеть их не мог, потому что был нелюдим, хвор и сидень. Вероятно, он хотел познакомить меня с кем-нибудь из литераторов. Тогда, т. е. в первые дни нашего знакомства, он очень интересовался мною, ибо первый роман мой ему очень понравился, и он смотрел на меня, несколько преувеличивая и мое дарование и значение мое. Через роман мой я с ним и познакомился. Сколько помню, мы только и говорили тогда об одной литературе, и несколько месяцев велся у нас жаркий спор о некоторых мнениях — чисто литературных. — Итак, повторяю, что, если я был приглашен куда-нибудь, то не в собрание, а в г о с т и к какому-нибудь литератору [2]). Но куда, как, припомнить ничего не

---

[1]) Подчеркнуто карандашом.

[2]) Эта фраза подчеркнута карандашом.

могу, потому что о записке совершенно забыл и не знаю ее. Собраний же постоянных ни у кого не бывало.

Федор Достоевский.

В числе книг ваших оказались две запрещенные, под заглавиями: одна — «Le berger de Kravan», а другая — «La célébration du dimanche». Объясните, от кого и каким образом вы приобрели эти книги.

— Накануне ареста, 22-го апреля, я заходил вечером к Григорьеву и взял у него со стола «Le berger de Kravan» [1]). Я не успел прочесть в этой книге ни строчки. И потому содержания ее не знаю. Другую же «La célébration du dimanche» [2]) взял я, кажется, за неделю до ареста у Головинского. Я прочел в ней только несколько страниц еще в бытность у Головинского, и так как она показалась мне замечательною, то я и взял ее с собою. Впрочем, не могу сказать, знает ли об том Головинский, потому что я, помнится, и позабыл спросить его.

Федор Достоевский.

Известно, что вы посещали вечера Плещеева, на которых была читана юмористическая статья под заглавием: «Петербург и Москва», сочиненная Гейнцем. Объясните, часто ли вы бывали на вечерах этих и какое они имели направление.

— У Плещеева никогда не было постоянных вечеров. Он только очень изредка звал к себе на чай [3]). По воспоминаниям моим, во всю зиму не более трех раз. На этих вечерах говорилось обо всем и ни о чем особенно, т. е. это были обыкновенные приятельские собрания, не более; и так как не было особенной цели, то не было и особенного направления; тут всякий был точно таков же, как у себя дома, как и в другом месте: особенности никакой не было. Гости были, насколько я знаю, из коротких приятелей. Вот все, по моим воспоминаниям. Статья «Петербург и Москва» была, действительно, один раз прочитана, но вовсе не для возмутительных целей и без предварительного намерения, а случайно, кажется, потому, что под руку попалась, как легкая фельетонная статья, в которой много остроумия, хотя и бездна парадоксов; но на нее смотрели с точки зрения чисто литературной. Так, по крайней мере, по воспоминаниям моим.

Федор Достоевский.

---

[1]) Полное название этой книги: E. Sue. «Le Berger de Kravan, entretiens socialistes» (1848).

[2]) Эта книга — сочинение Прудона (1839; 3-е изд. 1848).

[3]) Фраза подчеркнута.

Из показаний Спешнева и Данилевского видно, что на вечерах Плещеева рассуждалось о возможности печатать за границей запрещенные книги. Дайте об этом объяснение.

— На вечерах Плещеева, о которых я говорил в предыдущем вопросе, никогда ни одного слова не было произнесено о подобном предмете.

Но я помню, что один раз, когда именно — позабыл, но только очень давно, слишком год назад, я зашел поздно вечером, часов в 11-ть, к Плещееву и встретил у него Данилевского и Спешнева. И помню, тогда, действительно, сказано было несколько слов о возможности печатать за границею. Мне тогда же показалось это невозможным по многим причинам. Разговор об этом предмете в последующее время никогда не возобновлялся, — одним словом, остался без всяких последствий.

Федор Достоевский.

Показания Ф. М. Достоевского на суде.

В военном суде подсудимый Достоевский, подтверждая прежние свои показания, к оправданию своему присовокупил, что он никогда не действовал с злым и преднамеренным умыслом против правительства, что все сделанное им было необдуманно, а многое сделано почти нечаянно, как, например, чтение письма Белинского, что, если он когда-нибудь сказал что-либо свободно, то разве в кругу близких людей, которые могли понять его и знали, в каком смысле он говорил, и что распространения своих мнений он всегда избегал.

Приговор суда.

Военный суд находит подсудимого Достоевского виновным в том, что он, получив в марте месяце сего года из Москвы от дворянина Плещеева (подсудимого) копию с преступного письма литератора Белинского, читал это письмо в собраниях: сначала у подсудимого Дурова, потом у подсудимого Петрашевского и, наконец, передал его для списания копии подсудимому Момбелли. Достоевский был у подсудимого Спешнева во время чтения возмутительного сочинения поручика Григорьева под названием: «Солдатская беседа». А потому военный суд приговорил: его, отставного инженер-поручика Достоевского, за недонесение о распространении преступного о религии и правительстве письма литератора Белинского и злоумышленного сочинения поручика Григорьева, лишить на основании свода военных постановлений, части V книги 1, ст. 142, 144, 169, 170, 172, 174, 176, 177 и 178 чинов, всех прав состояния и подвергнуть смертной казни — расстрелянием.

Заключение генерал-аудиториата.

13. Об отставном инженер-поручике Федоре Достоевском (27 лет):

Поручик Достоевский, по собственному сознанию, посещая собрания Петрашевского три года, слышал происходившие там преступные суждения, между прочим, об освобождении крестьян, об изменении порядка судопроизводства, и сам принимал участие при разговорах о строгости цензуры, а на одном собрании, в марте сего 1849 г., прочел полученное им из Москвы от подсудимого Плещеева письмо литератора Белинского к Гоголю, наполненное дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти. После того, встретив одобрение этому письму, Достоевский читал оное на собраниях Дурова и потом передал его для списания копии подсудимому Момбелли. На тех же собраниях Дурова он слышал чтение других либеральных статей, знал о предположении завести домашнюю литографию для распространения статей против правительства и, наконец, был на обеде у подсудимого Спешнева в то время, когда подсудимый Григорьев читал возмутительное свое сочинение под названием: «Солдатская беседа».

При следствии Достоевский, сознаваясь, что он точно участвовал в разговорах о возможности некоторых перемен и улучшений, отозвался, что предлагал ожидать этого от правительства, письмо же Белинского читал на собраниях, как литературный памятник, будучи уверен, что оно не может никого привести в соблазн...

Степень виновности..., по обнаруженным личным действиям в преступных замыслах, заключается в следующем:

10. Отставной инженер-поручик Достоевский (литератор) посещал собрания Петрашевского и принимал участие в происходивших там преступных разговорах, а в марте месяце сего года, получив из Москвы от подсудимого Плещеева копию с преступного письма литератора Белинского, наполненного дерзкими выражениями против верховной власти и православной церкви, читал это письмо в собраниях у Дурова и Петрашевского и, наконец, передал его для списания копии подсудимому Момбелли; на собраниях у Дурова участвовал в совещаниях о том, чтобы писать статьи против правительства и распространять их посредством домашней литографии; наконец, был у подсудимого Спешнева на обеде, когда там читана была статья возмутительного содержания поручика Григорьева, под заглавием: «Солдатская беседа».

Генерал-аудиториат, объяснив существо вины каждого из подсудимых, заключает, что, хотя степень виновности их различная, ибо один из них более, другие менее принимали участие в злоумышлении, но, как все они суждены по полевому уголовному уложению, в

преступлениях же, государственных по точной силе наших законов, не постановлено различия между главными виновниками и соучастниками, то, на основании сего уложения, генерал-аудиториат полагает: всех сих подсудимых, а именно: титулярного советника Буташевича-Петрашевского [1]. . . . . отставного поручика Достоевского [2]). . . . . подвергнуть смертной казни расстрелянием.

Генерал-аудиториат, определив меру наказания подсудимым на основании полевых военных законов, не мог однакоже не принять в уважение тех облегчительных обстоятельств, которые представляются по делу к смягчению участи осужденных, именно: признаки раскаяния многих из них, добровольное сознание при следствии в таких поступках, кои без их откровенности могли бы оставаться неизвестными, юность лет при увлечении в злонамеренные замыслы и, наконец, то, что преступные их начинания не достигли вредных последствий, быв своевременно предупреждены мерами со стороны правительства.

Посему, повергая участь подсудимых монаршему милосердию вашего императорского величества, генерал-аудиториат, на основании правил, в руководство ему данных, осмеливается всеподданейше ходатайствовать об определении им, вместо смертной казни, наказаний по мере вины, в следующей постепенности: . . . . . .

. . . . . .

7. Отставного поручика Достоевского, за такое же участие в преступных замыслах, распространение письма литератора Белинского, наполненного дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти, и за покушение вместе с прочими к распространению сочинений против правительства посредством домашней литографии лишить всех прав состояния и сослать в каторжную работу в крепостях на восемь лет [3]).

---

[1]) Следует 11 имен.

[2]) Следует 8 имен.

[3]) На подлиннике резолюция Николая I: «На четыре года, а потом рядовым».

Из записной книжки архивиста.

Записка А. И. Нелидова в 1882 г. о занятии проливов.

Основным вопросом внешней политики русского царизма с конца XVIII века был вопрос о проливах, соединяющих Черное море со Средиземным. Захват проливов сделался руководящей внешне-политической задачей самодержавия. Этот захват, если бы он был осуществлен, означал бы колоссальное упрочение крепостнического самодержавия в России. Распространив гегемонию России на весь Балканский полуостров и Малую Азию, получив могущественное средство давления на все страны, экономически тяготевшие к Дунаю, превратив Балканы и большую часть Азиатской Турции в область более или менее монопольной эксплоатации для русского капитализма, открыв ему в этих местностях богатейшие перспективы, — подобным экстенсивным расширением сферы эксплоатации, расширением хозяйственной территории русского капитала, самодержавие могло бы замедлить буржуазное развитие и укрепить власть крепостника в самой России [1]).

Так как после печального опыта Крымской кампании самодержавие должно было стать осторожнее в своих захватнических тенденциях по отношению к проливам, то совершенно понятно, что до тех пор, пока не представится благоприятный момент для захвата проливов Россией, основной задачей самодержавия было предотвращение их захвата какою-либо другой державой, интернационализации их под эгидой объединенной «Европы» и т. д., — словом, надо было всеми мерами не допустить перехода проливов из рук слабой Турции в более сильные руки. Отсюда — неоднократно повторяющиеся в истории русской дипломатии периоды политики поддержания status quo на Ближнем Востоке.

Эта оборонительная политическая линия по самой своей сути носила временный характер и отнюдь не исключала того, что захват проливов оставался и в такие периоды основной целью царского правительства.

Публикуемая ниже записка Нелидова «О занятии проливов» служит лишним доказательством этого тезиса для наиболее, пожалуй, длительного периода пребывания русского царизма в состоянии такого «миролюбия». Мы имеем в виду период, начавшийся тотчас же вслед за ликвидацией русско-турецкой войны 1877/78 гг. Как раз по отношению к этому периоду означенный тезис в сравнительно недавнее время был поставлен под сомнение. «Урок, полученный под Севастополем, был настолько поучителен, что, решаясь в 1876 году на новую войну против Турции, русское правительство всемерно старалось рассеять всякое подозрение Европы на-

[1]) Ленин, «Развитие капитализма в России», Собр. соч., т. III, стр. 485, прим. (по 1 изд.); ср. Покровский, «Константинополь» («Внешняя политика», сборн. статей, Москва, 1924).

счет русских видов на проливы», — пишет о значении проливов в русско-турецкой войне С. Д. Сказкин [1]). «Берлинский конгресс был для русского правительства лишним поучением скромности. Если однако вопрос о проливах снова... сделался в России кардинальным вопросом долгих и подробных обсуждений, то это происходило вовсе не потому, что русское правительство... желало предпринять новую авантюру в направлении к Константинополю и проливам. За Берлинским конгрессом, и независимо от него, последовал захват англичанами Кипра. Австрия, Англия, а может быть и Германия готовы были, казалось, соединиться в антирусскую лигу...» «Что, если на Босфоре и Дарданеллах вместо дряхлеющей Турции в один прекрасный день окажется Англия? С подобным положением никогда не может примириться никакое русское правительство. Именно эта-то возможность и определяла русскую политику в эти годы» [2]). Иначе говоря, эта политика носила принципиально оборонительный характер. Мы вполне согласны с С. Д. Сказкиным, что царизм не мог примириться с захватом турецких проливов третьей державой, но утверждение, что в 80-х годах за этим не скрывалось подготовки новой «авантюры», т. е. новой попытки захватить проливы, хотя бы и не сейчас, а в будущем—немедленно в 80-х годах их захватывать, действительно, не собирались, — такое утверждение неверно, и публикуемый документ является новым [3]) дополнительным подтверждением этого. Он совершенно недвумысленно говорит, что в 80-х годах глава русского правительства определенно считал захват проливов, — а не только оборону их от чужих покушений, — основной задачей русской политики. «По-моему — писал Александр III ген.-ад. Обручеву 24(12) сентября 1885 г. — у нас должна быть одна и главная цель; это—занятие Константинополя, чтобы раз навсегда утвердиться в проливах» [1]).

---

[1]) С. Д. Сказкин. «Конец австро-русско-германского союза», том, I, Ранион, Институт истории. Москва, 1928 г., стр. 103.

[2]) Там же, стр. 104.

[3]) Мы говорим «новым», ибо «открытием Америки» это, конечно, отнюдь не является. Между прочим, немало интересного материала, показывающего, что русское правительство не переставало думать о будущем захвате проливов и тогда, когда оно хлопотало об организации их обороны, приводит и сам С. Д. Сказкин, в противоречии со своим вышеприведенным выводом. Исключением является, пожалуй, период последнего приступа либерализма в последние годы царствования Александра II.

[1]) Приводим текст этого письма Александра III полностью по копии, хранящейся в Архиве Революции и Внешней Политики (П. А., № 3079, «Проливы»). Следует обратить внимание на заключительный абзац письма, из которого ясно, что оно рассматривалось Александром III как директивное указание для русской дипломатии.

«Я полагаю, что одновременно с нашими офицерами могут выехать кн. Кантакузен и Чичагов, — по-моему, им теперь нечего делать в Болгарии; присутствие их только усложняет наше положение и действия. Настоящее движение болгар я не одобряю, они нас не слушались, действовали втихомолку, советов не спрашивали, пусть теперь сами расхлебывают кашу, ими же заваренную. По-моему, пока кн. Александр будет распоряжаться судьбами болгарского народа, наше вмешательство в дела Болгарии совершенно невозможно и бесполезно. Из-за последнего движения, нами не одобряемого и нам нежелательного (в настоящую минуту), ссориться и вести войну с Турцией, а может быть, и с Европой, — было бы непростительно и даже преступно в отношении к России. — По-моему, у нас должна быть одна и главная цель: это —

Это написано в 1885 году, а за три года перед тем Александр III одобрил публикуемую ниже записку Нелидова. Следовательно, это была его постоянная устойчивая точка зрения. В конечном счете, русская политика и в это время преследовала, таким образом, не оборонительные, а наступательные цели.

Записка Нелидова интересна еще и тем, что она очень ярко вскрывает м о т и в ы, толкавшие на захват проливов. В дипломатической переписке, как известно каждому работающему над этим видом исторических источников, преобладают документы, анализ которых — взятых изолированно — дает ответ на вопрос, «как» хотят добиться той или иной цели, гораздо более исчерпывающе и богаче, нежели ответ на вопрос: «зачем» же, в сущности, ставится самая эта цель? Это понятно: для людей, стоявших в центре дипломатической кухни — для министра и его послов, например, — цель обычно была известна. Зачем же было в деловой переписке говорить об известных вещах? В переписке, посвященной проливам, и преобладает мотив, как их взять, над мотивом, «зачем» их брать. Последнее и так было — или казалось — ясным. Тем ценнее для историка те относительно немногочисленные документы, в которых выясняются именно цели политики.

В заключение несколько слов о той исторической обстановке, в которой возникла эта наиболее ранняя из известных нам записок Нелидова о захвате проливов. Она была написана незадолго до назначения Нелидова послом в Константинополь[1]) и представляет, таким образом, как бы его политическую программу предстоявшей ему деятельности: «разработка этого вопроса, — пишет он (т. е. подготовка почвы для захвата проливов в будущем), — и составляет, собственно, по моему мнению, обязанность русского представительства в Константинополе».

1882 год был временем большого политического напряжения на Востоке: в этом году английские войска оккупировали Египет. Отсюда — обострение англо-турецких отношений и, следовательно, появление почвы для русско-турецкой «дружбы», расчет на которую играет столь существенную роль

занятие Константинополя, чтобы раз навсегда утвердиться в проливах и знать, что они будут постоянно в наших руках. Это в интересах России и это должно быть наше стремление; все остальное, происходящее на Балканском полуострове, для нас второстепенно. — Довольно популярничать в ущерб истинным интересам России. — Славяне теперь должны сослужить службу России, а не мы им. Вот мой взгляд на теперешние политические обстоятельства.

Прочтите это письмо А. Е. Влангали, чтобы и он руководствовался этим моим взглядом. — Что касается собственно проливов, то, конечно, время еще не наступило, но надо нам быть готовыми к этому и приготовлять все средства. — Только из-за этого вопроса я соглашусь вести войну на Балканском полуострове, потому что он для России необходим и действительно полезен».

Это письмо относится ко времени разрыва царского правительства с князем Александром Баттенбергским. Под «движением» болгар разумеется присоединение к Болгарии Восточной Румелии, которое было осуществлено 18 сентября 1885 г. вопреки воле русского правительства. После этого русские офицеры, прикомандированные к болгарской армии, были царским правительством отозваны из Болгарии, как раз накануне сербо-болгарской войны (22 сентября сербская армия была мобилизована; 13 ноября была объявлена война).

[1]) А. И. Нелидов исполнял должность росс. поверенного в делах в Константинополе в 1877/78 гг.; с 13 июля 1882 г. находился там по особому поручению; с 15 мая 1883 г. по 1 июля 1897 г. — росс. посол в Константинополе.

в рассуждениях Нелидова. Оккупация Египта вместе с тем толкала дипломатическую мысль и на обсуждение возможности получить проливы от Англии в обмен за Египет. Недавние же территориальные потери Турции (Кипр, Босния, Тунис, Фессалия, Египет) вообще, казалось, делали распад Оттоманской империи делом весьма близкого будущего. В то же время при оценке условий, породивших эту нелидовскую записку, надо иметь в виду, что «союз трех императоров» уже около года как был восстановлен. Острая вражда с Австрией и Германией, характеризующая эпоху непосредственно за Берлинским конгрессом, была уже в прошлом.

Подлинник публикуемой записки Нелидова хранится в Архиве Революции и Внешней Политики.

В. Хвостов.

О ЗАНЯТИИ ПРОЛИВОВ [1]).

Внутренние и внешние события, совершившиеся в Турции втечение последних лет, ясно указывают на близость совершенного и, быть может, внезапного распадения Оттоманской империи. В качестве ближайшего и наиболее заинтересованного в судьбах Востока соседа мы должны, несомненно, готовиться к этому событию и, вперед начертав наш план действий и ясно определив наши цели и потребности, наметить те точки, на которые должны быть направлены наши домогательства. Тут дело идет не о наступательном действии для разрушения существующего на европейском востоке порядка вещей. Порядок этот распадается сам собою. Со времени нашей последней войны Турция стала мало-помалу лишаться своих владений мирным путем. Европейские державы начали одна за другою отымать у нее выгодные для себя провинции. Греция получила от Берлинского конгресса часть Фессалии и Эпира, Австрия заняла Боснию и Герцеговину, Франция забрала Тунис, Англия выторговала себе Кипр и теперь, воспользовавшись удобным случаем, фактически овладевает Египтом. Можно легко предвидеть, что в дальнейшем распадение Турецкой империи будет совершаться тем же путем, как совершалось распадение империи Византийской, доколе сама столица не будет завоевана и остатки умирающей власти перенесутся, чтобы доживать свой век, в Азию.

Эта роль завоевательницы столицы, как кажется, предназначена судьбою и историею России, которой все интересы политические, торговые и военные настоятельно требуют занятия проливов. Неизбежность этого события так ясно сознается всеми, что кажется излишним выставлять всю выгоду, всю необходимость для России иметь под своею властью Дарданеллы и Босфор. Вопрос тут не в увеличении нашего неизмеримого отечества, не в присоединении к нему новых владений, но в утверждении русской власти на пути наших южных морских сообщений с открытыми морями и океаном. Кроме того утверждение на Босфоре окончательно закрепляет за нами все наши закавказские владения, соединяет в одном пункте всю нашу оборонительную линию берегов Черного моря и дает нам решительное влияние на судьбы как Балканского, так и Малоазиатского полуостровов. Наконец, оно усиливает оборонительную силу нашу на западной границе, давая нам возможность располагать для ее защиты всеми боевыми средствами, которые были доселе имобилизированы на черноморских берегах. В этом собственно и состоит для

---

[1]) На подлиннике помета Александра III: «Все это в е с ь м а дельно и толково. — Д а й б о г нам дожить до этой о т р а д н о й и з а д у ш е в н о й для нас минуты! Я не теряю надежды, что рано или поздно, а это б у д е т и т а к д о л ж н о б ы т ь! Главное н е т е р я т ь времени и удобного момента. А». — Текст записки сообщил Н. Беляевский.

нас удовлетворительное и выгодное решение восточного вопроса.

Но в той же степени, в какой мы, естественно, стремимся к достижению этой исторической цели, западные державы, несомненно, стараются нам препятствовать, а некоторые ищут и сами утвердиться на проливах. Хотя и нельзя серьезно относиться к рассуждениям австро-германских газет о роли, предназначенной на востоке габсбургской монархии как естественной, будто бы, преемнице турок, тем не менее некоторое стремление к проливам, несомненно, проявилось в завоевательных мечтах венско-пештских политиков. С другой стороны, англичане не перестают следить внимательно за Дарданеллами и, вероятно, будут искать, при случае, укрепиться там, чтобы иметь в своих руках ключ Черного моря и располагать по своему усмотрению нашею южною торговлею.

Из этого для нас является настоятельная необходимость предупредить наших соперников и принять все меры к тому, чтобы в данную минуту, когда обстоятельства представятся к тому особенно благоприятными или опасность чужого занятия станет слишком близка, мы могли наверное, с полным залогом успеха, сами утвердиться на проливах [1]).

На обязанности военного начальства и морского ведомства будет лежать приготовление всех нужных к тому материальных средств. Труды наших офицеров генерального штаба и, специально, подполковника Протопопова послужат, без сомнения, основанием для этих расчетов и соображений. Дипломатии подлежать будет облегчить и подготовить путь и, особенно, указать минуту, когда это громадное предприятие должно и возможно будет исполнить наиболее удобно.

Разработка этого вопроса и составляет собственно, по моему мнению, обязанность русского представительства в Константинополе. Основываясь для ее исполнения на оценке политического положения дел и внутреннего состояния Турецкой империи, следует сопоставить их с общим ходом европейских событий, суждение о коих, несомненно, принадлежит императорскому министерству.

Судя по местным условиям, возможность занятия проливов представляется в трояком виде:

1) Открытою силою, во время войны между нами и Турцией.

2) Неожиданным нападением, при помощи внутренних усложнений или внешней опасности в Турции.

3) Мирным путем — в случае близкой связи или союза с Портою, если бы она могла быть побуждена к тому, чтобы самой искать нашего содействия [1])

I. В случае разрыва с Портою главною целью наших военных действий против Турции должно быть, естественно, занятие проливов. Для достижения их нам представляются три пути: европейский через Балканский полуостров, азиатский через Малую Азию и, наконец, морской — при помощи высадки невдалеке от Босфора.

Первые два пути достаточно известны нам из прежних войн, и движение по первому из них уже до некоторой степени подготовлено образованием Болгарии и Восточной Румелии. Тем не менее, несчетные затруднения встретятся нам; для успешного действия необходимо будет быть уверенным в содействии или, по крайней мере, нейтралитете Румынии и Австрии; кампания будет, во всяком случае довольно продолжительная, и даст возможность нашим соперникам, в особенности англичанам, если не предупредить нас на Босфоре, то по крайней мере, по примеру про-

[1]) На поле против этой фразы помета Александра III: «Это главное».

[1]) Против этого пункта на поле помета Александра III: «Конечно, это было бы самое желательное».

шедшей войны, заручиться Дарданеллами или же занять Галлипольский полуостров, что́ окажет существенную поддержку Турции и заставит нас самих, даже в случае успеха, ограничиться лишь исполнением одной половины нашей задачи — занятием Босфора.

Идя азиатским путем, мы встретим еще более препятствий, если не военных, то естественных, и как та, так и другая дорога обойдутся нам весьма дорого во всех отношениях. Гораздо короче путь к Черному морю и высадка. Но здесь риск несравненно более, а потому и средства должны быть подготовлены весьма тщательно и в значительных размерах. Если обратить все внимание на это предприятие, то можно с относительно гораздо меньшими средствами обставить его так полно и богато, что успех будет обеспечен. Но эта подготовка должна быть начата как можно скорее, ведена с крайнею тайною и осторожностью и быть рассчитана в самых широких размерах и на самые неблагоприятные случайности.

Этим путем однако тоже решается лишь первая половина задачи. Разве что, при весьма скором и удачном действии, мы успеем не только обеспечить за собою твердую основу на Босфоре, но и проникнуть в Дарданеллы, занять там самые важные позиции. От соединенных сил военного и морского ведомств будет зависеть заранее предначертать весь план действий, предвидев все случайности и особенно тщательно изучив те пункты, которые нужно будет занимать.

Дипломатической подготовки тут быть не может. Нашей деятельности будет принадлежать лишь, когда все будет готово, найти удобный предлог к войне, что здесь всегда легко, и по возможности отстранить вмешательство других держав, что́ несравненно труднее. Или же заблаговременно предупредить военное и морское ведомства, если по общим политическим обстоятельствам война сделалась бы неизбежной.

II. Относительно легче и вернее может быть исполнено занятие путем неожиданного нападения, и, разумеется, с моря. Военно-морские приготовления тут должны будут иметь совершенно иной характер, пункты для занятия должны будут быть выбраны, может быть, другие, так как и защита будет, вероятно, несравненно слабее, если действительно захватить окрестность турецкой столицы совершенно врасплох. По отношению к первому предположению, где наше действие будет чисто наступательным, неожиданное нападение должно будет, после первого успеха, принять характер скорее оборонительный, то есть, заручившись самыми важными позициями, укрепиться на них так, чтобы мочь отражать все нападения пробудившегося, — а, может быть, поддержанного извне, — неприятеля.

Удобную минуту для подобного действия можно будет всегда найти или создать. Ход событий в Турции допускает всякие непредвиденные потрясения. Внутренние беспорядки, возмущение одной из национальностей, фанатическое движение мусульман, наконец, смуты и политический переворот в столице или во дворце и всеобщая паника, подобная той, которая охватила, было, Константинополь весною 1876 года, — все это может служить предлогом для вмешательства или для ограждения наших интересов, или для восстановления порядка, или же, наконец, для защиты христиан и, преимущественно, наших подданных.

Не надо забывать, что в апреле 1876 г. пред низложением султана Абдул-Азиса, иностранные посольства требовали от своих правительств дополнительных военных судов, консульства составили нечто вроде Комитета общественной безопасности, а в Пере шли даже между иностранцами толки о том, чтобы подать генералу Игнатьеву адрес с просьбой выписать из Одессы войска

для охранения христиан. Будь у нас все готово — при подобных обстоятельствах можно было бы высадиться и утвердиться в Босфоре. Два года спустя, во время Адрианопольских переговоров о мире, английский посол Лейард воспользовался подобным же предлогом, чтобы вызвать из Безики английскую эскадру, якобы для защиты английских подданных от угрожавшей им со стороны мусульман опасности.

Военное столкновение Турции с одною из европейских держав также не есть в настоящую минуту невозможность. Не далее как в августе месяце нынешнего года нам стоило немного подстрекнуть турок, и война с Англией делалась неизбежною. Мы могли бы воспользоваться ею, чтобы для ограждения наших интересов занять вход в Босфор. Таковое решение могло бы быть принято и по соглашению с какой-либо иностранной державой, Англией или Австрией, если бы отчаянное положение Турецкой империи принудило европейские кабинеты серьезно позаботиться об ее будущности и подумать о начале раздела. Взамен австрийского движения на Салоники или английского присоединения Египта, мы могли бы тогда выговорить себе право укрепления на Босфоре. Может быть, элементы для подобного условия могли бы быть найдены и в соглашении трех империй, всегда способном воскреснуть при появлении новых оснований для взаимных уступок.

Заняв Босфор, дальнейшее движение к Дарданеллам обусловливалось бы также и здесь степенью и скоростью успеха при исполнении первой части предприятия. Впрочем, по уверению военных специалистов, движение на Дарданеллы и их занятие есть естественное последствие твердого укрепления нашего на берегах Босфора и свободного сообщения с Россиею. Весьма вероятно, что и сами турки, после нанесенного нами им решительного удара обратятся в нашу сторону и сами допустят и, быть может, и пригласят нас занять Дарданеллы.

III. Наконец, в ходе турецкой агонии могут представиться обстоятельства, где занятие Босфора и Дарданелл сделается исполнимым и мирным путем. Я разумею союз или дружбу с султаном и просьбу с его стороны о помощи. Рассуждения о том, как важно для Турции опереться на Россию и у ней искать поддержки и спасения в отчаянном положении, в которое поставлена империя, слышатся теперь все чаще и чаще. Люди серьезные и опытные толкуют об этом наравне с невеждами, простой народ предчувствует и предсказывает это с тем же фанатическим спокойствием, с каким относится к возможности этого события и сам султан. Абдул-Гамид не раз напоминал нашим представителям о прежней дружбе между Россиею и Турциею, об Ункиар-Скелессийском трактате и мощной поддержке, оказанной султану Махмуду императором Николаем. Во все трудные минуты он обращался к нам и, несмотря на неискренность его характера, есть основание думать, что он, действительно, помышляет иногда о выгодах сближения с Россиею и об условиях, на которых оно могло бы состояться. Обстоятельства, при которых развивается подобное настроение, суть внешняя опасность или внутреннее беспокойство. Если бы иностранные державы, например Англия, угрожали Константинополю, как о том была речь нынешним летом или во время Дульцинийской демонстрации, султана было бы возможно привести к тому, чтобы он сам просил нас о помощи. Этим практическое исполнение задачи было бы крайне упрощено, оно могло бы быть предпринято с совершенною уверенностью в успехе. Весь вопрос был бы в быстроте и отчетливости действия — с полною решительностью извлечь из него все возможные выгоды. При подобных обстоятельствах, вероятно, пришлось бы начинать с Дарданелл для прине-

сения там помощи турецким войскам, но в то же время следовало бы и укрепить за собою твердый базис на Босфоре.

Другая возможность обращения к нам за помощью могла бы представиться в случае внутренних волнений в среде самого султанского семейства. Здесь обеспокоенный своею судьбою властелин — или добивающийся престола посягатель — могли бы обратиться к нам за поддержкою. Это одно из самых обычных явлений при разложении государства. Так пали обе Римские империи, так погибли прежние итальянские государства, так распалась Польша. Удачное действие посольства, рассчитанное на подобное событие, могло бы даже подготовить его и без потрясений и жертв предоставить в наши руки все важные для нас пункты. Занятие Дарданелл должно было бы совершиться в этом случае позже.

В обоих предположениях нам следует искать возможно большего сближения с султаном и с турками, вообще приобретения здесь господствующего влияния, вмешательства во внутренние дела Оттоманской империи. Средства для этого у нас найдутся; их стоит только разрабатывать и не бояться незначительных пожертвований ввиду величия преследуемых целей. Охватывая Турецкую империю с трех сторон и имея тесные связи с христианским ее населением всех национальностей, мы всегда можем легче, чем другие, приобрести здесь право голоса во всех делах и привлечь к себе полезных деятелей изо всех классов и лагерей.

Для полноты разбора представляемого вопроса необходимо обратить еще внимание на последствия успешного исполнения занятий проливов как для нас, так и по отношению нашему к Европе.

Что касается до России, то, кажется, уже излишне настаивать на громадной исторической важности, почти необходимости для нее утверждения на проливах[1]). Не только материальные и коммерческие интересы наши и наша военная безопасность на юге были бы ограждены этим, но мы получили бы сразу на востоке политическое положение, какого не могли бы достигнуть иным путем. Держа в руках узел путей из балканских стран в Азию и обратно, мы приобрели бы решающее влияние на судьбы Балканского и Малоазиатского полуострова. Вопрос об освобождении христиан и о самобытном развитии славянских народностей Турции разрешился бы сам собою. Никакое движение Австрии на восток не было бы нам опасным. Не говоря уже о том, что мы могли бы примириться с выгодами, которые ей удалось бы приобрести в несравненно меньших размерах, чем нам, для нас весьма скоро представилась бы возможность совершенно вытеснить Австро-Венгрию с Балканского полуострова и возвратить его всецело в полное владение населяющих его народностей. Эти последние сами бы разместились на нем при помощи нашего влияния, которое навсегда осталось бы связующим звеном и решающим посредником в их междоусобных спорах и препирательствах.

При таких условиях и само существование Оттоманской империи и турецкой столицы на Босфоре не должно бы было непременно прекратиться с нашим укреплением на его берегах[2]). Нам, напротив, было бы выгодно во многих отношениях иметь под своим по-

---

[1]) Слова, набранные здесь разрядкой, подчеркнуты в подлиннике Александром III и против них на полях его помета: «Да».

[2]) Набранное здесь разрядкой подчеркнуто в подлиннике Александром III; на полях его помета: «Очень может быть». Дальнейший текст до конца отчеркнут, и против него сделана помета: «Все это весьма дельно».

кровительством полунезависимые остатки Турецкой империи и мочь понемногу предоставлять самим судьбы составляющих ее народностей. В самом же Константинополе нам никогда и ни под каким видом не следовало бы являться полновластными хозяевами. Как город всемирной торговли, всевозможных исторических воспоминаний, религиозных верований и самых разнообразных народностей, Царьград должен быть и оставаться городом независимым, принадлежащим только самому себе. Но он должен состоять под нашим покровительством, охраняться нашим войсками, содержать их и, может быть, платить нам дань за оказываемую ему защиту. Присоединение его к России расширило бы чрезмерно наши границы, восстановило бы против нас местное население и ослабило бы нас самих. Тогда как, оставленные нами политически и административно свободными, жители Византии и ее небольшой территории (с некоторыми пунктами на Дарданеллах) видели бы в русском протекторате залог и источник своей безопасности и своего благосостояния.

По отношению же к Европе утверждение на Босфоре доставило бы нам столь сильное и выгодное положение, что со многих сторон, без сомнения, явились бы попытки заставить нас от него отказаться. Но были бы для наших врагов залоги успеха? Стоя твердой ногой на Босфоре, мы там ограждали бы всю нашу южную границу и, следовательно, могли бы употребить все наши силы на западной. Попытки нападения с моря на север едва ли могли бы удаться. Англичане, вероятно, не решатся возобновить их после печальных результатов их действий там в 1854/56 годах. Австрия же и Германия, вообще мало склонные к войне наступательной против нас, еще менее решатся ее вести при возможности для нас увеличить нашу защиту. К тому же мы будем в состоянии предоставить им какие-либо выгоды, не говоря уже о том, что и самое предприятие должно бы было быть поставлено в зависимость от выбора благоприятного политического момента.

Дальнейшее отношение наше к Европе и направление нашей западной политики неизбежно примет новый характер, основанный на поддержании и восстановлении на наших границах, в виде оплота против Запада, всех славянских народностей, имеющих стремление и возможность жить своею особою, славянской жизнью, в тесном, но свободном единении с Россиею, опираясь на нее и, в свою очередь, ограждая ее. Но это — новая задача будущего, которая откроется лишь с разрешением восточного вопроса чрез занятие нами проливов [1].

В заключение следует повторить еще раз, что все политические предположения в этом деле должны быть поставлены в прямую зависимсть от полной подготовки дела в военном и морском отношении.

Эту же подготовку следует вести, не теряя из виду выше рассмотренные три способа, коими самое предприятие может быть исполнено.

Совместное, взаимо дополняющее и подкрепляющее действие имеющих участвовать в этом деле ведомств: военного, морского и иностранных дел,— может одно представить верный залог успеха в минуту, которой точное и своевременное определение должно исключительно зависеть от полного обсуждения и соображения всех политических и административных обстоятельств и от августейшей воли государя императора [2]).

А. Нелидов.

Пера.
6/18 декабря 1882 года.

[1]) Весь этот абзац отчеркнут Александром III и на полях против него сделана помета: «Это было бы идеал, до которого еще далеко».

[2]) Первая часть этого абзаца отчеркнута Александром III; на полях против отчеркнутого помета: «Конечно».

Неизвестный сатирик 60-х годов.

Известно, как глубоко отрицательно относился к царизму, к либералам, к дворянству, к реформе «освобождения крестьян» в 1861 г. революционный демократ-разночинец в лице Чернышевского и Добролюбова. Добролюбов в ряде сатирических произведений выявил свое враждебное отношение к царизму, к «принципу личного произвола» (выражение Добролюбова); он бичевал бюрократию, чиновничество и зло высмеивал либералов и их критику, направленную преимущественно на мелкие недочеты, отдельные непорядки и мирившуюся с основным источником зла. Либералам и их поэтам немало уделил места Добролюбов в своих обличительных стихах. В «Свистке» Добролюбов беспощадно смеялся над склонностью буржуазно-дворянского либерализма легко мириться с самодержавной властью, итти с ней на компромисс.

Много позднее Ленин вскрыл социально-классовые предпосылки этого отношения к власти со стороны либеральной буржуазии. «В России, — говорит Ленин, — не могло быть и не было революционной буржуазии. Борьба промышленного капитализма с крепостным правом велась в робких соглашательских формах, путем уговаривания самодержавного правительства и помещиков. Русские либералы не организовывали революционной партии для борьбы за ниспровержение самодержавия».Точно также они никогда не думали в борьбе с властью против стеснявшего развитие промышленного капитализма крепостного права опереться на массы. О революционном призыве к массам не могло быть и речи в устах либералов.

Однако среди либеральных групп были такие в те годы, которые, под влиянием развивавшихся событий, в атмосфере ожидания революции, переживали довольно радикальные настроения. Разумеется, у идеологов этих групп дело также ограничивалось скромными протестами против таких социальных зол, как крепостное право, бюрократия и т. п., без отрицания самого принципа самодержавной власти. Если революционный демократ Добролюбов бичевал не людей, а всю систему, не отдельные недостатки, а основы самодержавного строя, то буржуазный либерал 60-х годов нападал на пороки отдельных носителей власти, оберегая однако самый принцип власти и охранявшегося ею классового строя.

Любопытна именно в этом отношении сатира либерала-публициста Э. П. Перцова, настроенного в те годы довольно радикально. Э. П. Перцов — казанский помещик и чиновник в отставке; в 1858 г. он путешествовал заграницей, в Лондоне познакомился с Герценом. В начале августа 1860 г. в III отделение поступил из министерства государственных имуществ полученный этим министерством донос на Перцова. В доносе Перцов назван «самым ожесточенным корреспондентом Герцена». Прошел год. В августе 1861 г. на почте были задержаны толстые пакеты, посланные из Казани на имя Э. П. Перцова. В пакетах было обнаружено подробное описание крестьянского восстания в с. Бездне. По приказанию Александра II, Перцова арестовали и предъявили обвинение в сношениях с Герценом, но прямых доказательств этого в руках III отделения не было. Обвиненный в составлении и хранении у себя возмутительных сочинений, Перцов был осужден на 6 месяцев в крепость и сослан затем в Вятку.

Какие же преступные сочинения хранил Перцов и что он писал? Прежде всего, он оказался автором «Записок современника о 1861 годе»,[1]) предназначавшихся, повидимому, для «Колокола» Герцена. В «Записках современ-

[1]) См. «Красный архив», т. XVI.

ника о 1861 годе» Перцов в тоне памфлета изобразил «тупоумную» царскую бюрократию, ее трусость накануне 19 февраля, «именитое» купечество Петербурга, собравшееся для «выражения богопочитания и ноголизания высочайшей особы», высший свет, приближенных царя, флигель-адъютантов, посланных царем по губерниям для объявления манифеста в день освобождения, и др.

Кроме «Записок современника о 1861 г.» написано было Э. П. Перцовым несколько политических сатир, проникнутых теми же настроениями. III отделение не решилось доложить их вел. князю Михаилу Николаевичу «по причине чрезмерно сильных и неприличных выражений». Действительно, стихотворения Перцова — резкая, бичующая сатира, направленная притом же против самодержавных властителей — Николая I и Александра II. Вот сатира против Николая.

Нет имени ему! Но жив он между нами
И долго будет жить безумными делами,
И скажет потайных законов обличитель,
Историк будущий: нет имени ему!
Нет имени ему! Но жив он между нами
И долго будет жить позорными делами.
Бразды правления доверены кому?
Кто держит меч в руке, весы или кадило?
— Рабы, одни рабы. Нет имени ему!

Нет имени ему! Но жив он между нами
И долго будет жить преступными делами,
Посеяв в будущем различных бедствий тьму;
Они взойдут, взрастут и отравят потомков, —
Будь проклят он во-век! Нет имени ему!

Сохранилась среди бумаг Перцова в черновике и вторая сатира на Николая I. Приводим ее полностью.

Нет, имя есть ему! То имя — «незабвенный».
То имя выкроил один портной военный,
И тот покрой ему пришел как раз подстать.
Тем именем его Россия будет звать,
Доколе прочными в ней пребывают
Его закон, его каприз, его метода,
Все созданное им наперекор уму,
Все, чем подавлены и мысли, и свобода,
И чувство, и душа! Так, имя есть ему!..

Высмеивая и обличая представителей самодержавия, либерал Перцов не мог возвыситься до отрицания самого принципа царизма. Либерал не был революционен и мирился с самодержавием. Перцов обвинял не царя, а его вельмож и приближенных. В другой своей сатире, также до сих пор неизвестной, Перцов бичует приближенных царя, мешающих царю править народом, и, предлагая заменить этих вельмож выборными от народа, развивает теорию народного цезаризма, демократической монархии. Вот эта сатира:

Бери-ка дружно топоры!
Ломай негодную тычину...
Прорубим просек, в те поры
Иную царь узрит картину.

Увидит батюшка родной,
Что он во всем кругом обманут,
А для царей ведь грех большой,
Коль правды знать они не станут.

И скажет царь: «Честной народ!
Ты выбирай-ка сам вельможей.
Уж тут ошибка не зайдет:
Народа голос — голос божий.

Избранный миром — поверней,
Чем продувной заезжий немец.
Он служит родине своей,
А тот ест только русский хлебец.

Избранный миром поднесет
Закон нелживый к подписанью;
А мой наемник все налжет,
Лишь путь найти бы к пропитанью.

И ну всех к чорту ценсоров,
Всю сволочь — купленных шпионов,
Для них нет братий, ни отцов,
Для них нет святости законов!

Живите, други, как живут
Во всей вселенной все народы!
Уж ныне турок не секут,
Так как же вам не знать свободы!»..

В ответ на это наша Русь
Хлоп батюшке родному в ноги:
«Теперь уж никого не трусь,
Живи и царствуй годы многи!».

Комментарий к этой сатире дал сам автор в одном из писем к Герцену, относящихся, по всей вероятности, к тому же времени, когда писалась и сатира; неизвестно однако, были ли посланы эти два письма Перцовым Герцену, в одном из которых он полемизирует с Герценом по поводу топора и метлы. Герцен, как известно, высказывался против революционного топора и стоял за метлу. Перцов не хочет ни того, ни другого, он колеблется между царизмом и революцией, но, если уж делать выбор, то он за топор: «Топор может истребить разом и до корня все колючие и вредные растения, не дающие расти ничему доброму, а метла оставит эти растения гнить в кучах, заражать воздух и разносить семена по ветру». Однако не следует преувеличивать значения этих слов Перцова. В полном согласии со взглядами, высказанными им в своей сатире, он по-своему понимает сокрушительную роль топора: «Что истребит у нас революционный топор? — спрашивает Перцов и отвечает: «Двадцать-тридцать негодяев, окружающих престол и играющих в самодержавие, как в рулетку, сотни три-четыре чиновничьего люда... тысячу - другую разной мелкой сволочи». Как видно из этого, до идеи ниспровержения самодержавия топором— либерал Перцов не мог подняться.

Тем не менее, он возвышался до резкой критики существующего порядка и призывал на борьбу с бюрократизмом. В следующей пародии Перцов и выразил этот протест и этот призыв к ниспровержению бюрократии.

Современная песня.

У нас в России жизнь пошла;
Она когтями бюрократов
В присмотр жандармам отдана
И в братьях видит супостатов.

Россию бреют и стригут,
То так, то этак одевают,
Но шевельнуться не дают
И рассуждать не позволяют.

В судах, в торговле и в быту,
От колыбели до кладбища,
Во всем мы терпим тяготу,
Везде чиновникам лишь пища.

Лишь шаг мы ступим из ворот,
Так формой и обдаст дурацкой,
А форму ту не разберет
Сам математик Остроградский.

Дождется ль наша Русь поры,
Когда в ней люди будут люди,
Когда она, забыв смотры,
Даст голос, а не вопль из груди?

Придет ли день, когда она
На братский пир родной Европы
Пойдет, могуча и красна,
Без больно-высеченной ....?

Давно мы ждем, что властелин,
Узнав нужду и стон народа,
Отчизны будет добрый сын,
А не строптивый воевода.

Давно свободу нам сулят,
Давно во всем нас улучшают,
А как посмотрим, — все шалят
Да пыль одну в глаза пускают.

Нет, братцы! Не дождемся мы
Добра, сидя, как в клетке птицы!
Возьмемся сами за умы,
Да сами сбросим рукавицы!

Вокруг царя стоит забор:
Министры, цензора, шпионы.
За ним не только царский взор
Не видит нас, — не слышны стоны.

А там опять забор кривой:
Попы, окружные, кварташки.
Его чуть-чуть задень рукой,
И разом будешь без рубашки.

Бери-ка дружно топоры!
Ломай негодную тычину!
Прорубим просек, — в те поры
Иную царь узрит картину.

Сообщил Н. Бельчиков.

Ответственная редакция: { **В. Адоратский.** **В. Максаков.** **М. Покровский.** }

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Дневник В. Н. Ламздорфа. С предисловием *Ф. Ротштейна* . . . . . 3— 37
Кадеты в 1905—1906 гг. С предисловием *Б. Граве* . . . . . 38— 68
Балтфлот в июльские дни 1917 г. С предисловием *А. Дрезена* . . . . . 70—109
Из дневника А. А. Половцова . . . . . 110—132
Гр. А. Х. Бенкендорф о России в 1831—1832 гг. С предисловием *А. Сергеева* . . . . . 133—159
Показания Ф. М. Достоевского. (Окончание). С предисловием *Н. Бельчикова* . . . . . 160—178

Из записной книжки архивиста

Записка А. И. Нелидова в 1882 г. о занятии проливов. С предисловием *В. Хвостова* . . . . . 179—187
Неизвестный сатирик 60-х годов. Сообщил *Н. Бельчиков* . . . . . 188—191